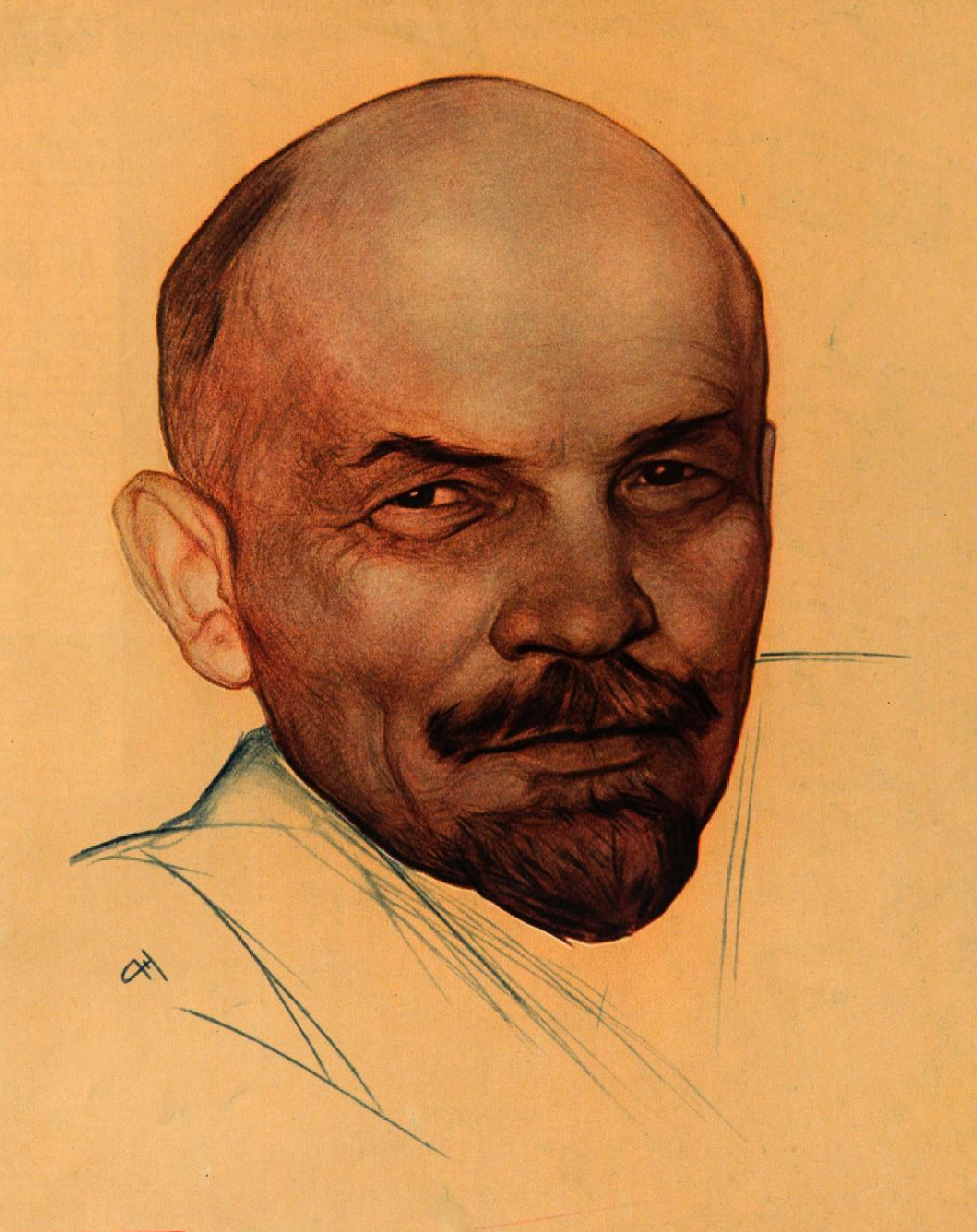

ОГОНЁК

№ 16 АПРЕЛЬ 1954

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Дом культуры колхоза «Луч Востока», Алма-Атинского района (Казахская ССР).

Фото Я. Босина.

На первой странице обложки:

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН.

Портрет работы Н. А. Андреева.

На последней странице обложки: Разлив стали на заводе имени Ф. Э. Дзержинского в Днепродзержинске.

Фото Н. Козловского.

ОГОНЁК

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 16 (1401)

18 АПРЕЛЯ 1954

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

32-й год издания

ВЕСНА НА КОЛХОЗНЫХ ПОЛЯХ

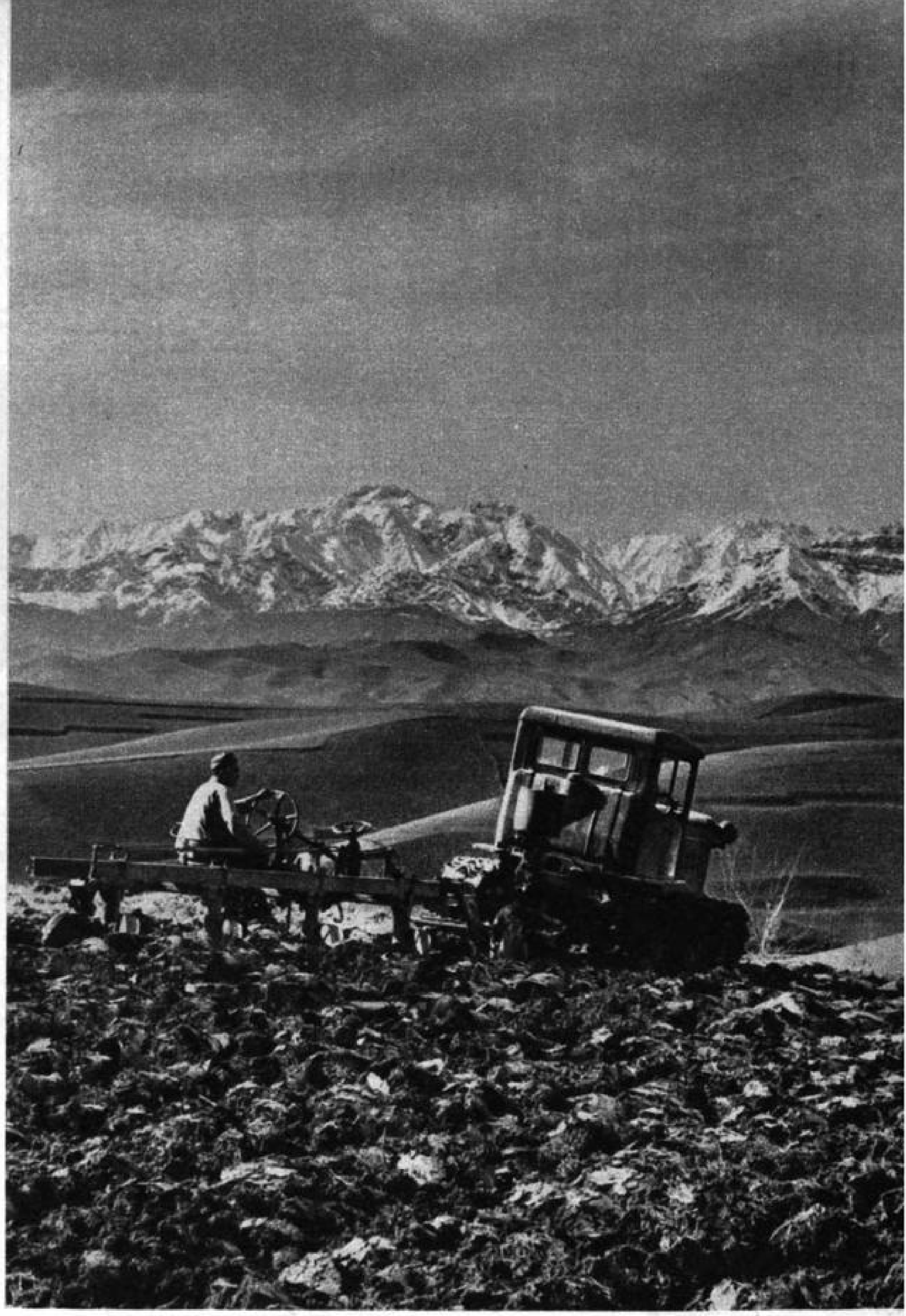
Весенние полевые работы на юге нашей страны в разгаре. Посевная страда продвигается на север, постепенно охватывая все новые и новые районы.

В Таджикистане на больших площадях раскинулись хлопковые поля, сады и виноградники. В нынешнем году здесь значительно расширяются посевы различных сельскохозяйственных культур за счет освоения целинных и залежных земель. На снимке (вверху) — подъем целины на землях колхоза имени Ленина, Сталинабадского района.

Сев тонковолокнистого хлопчатника начался в узбекском колхозе Михнат-Рахат, Джар-Курганского района, Сурхан-Дарьинской области. На снимке (внизу справа) — тракторист Карши Суванов и сеяльщик Кахар Сейфунов.

В хлебной житнице страны — Краснодарском крае — идет сев яровой пшеницы. На снимке (внизу) — в колхозе «Путь Ленина», Ейского района. Бригадир тракторной бригады № 6 Ейской МТС И. Краснов и бригадир полеводческой бригады Е. Овчинников.

Фото В. Васильева, М. Савина и Н. Софьина.

ВО ИМЯ БУДУ

Борис ГАЛИН

Фото Дм. Бальтерманца.

1. Письмо Ленину

Вот каким образом я попал в эту тихую деревушку Антоново, что раскинулась среди хвойных лесов Подмосковья на речке Сеченке.

Однажды мне довелось увидеть старый номер газеты «Беднота» от 16 апреля 1920 года. Удивительно, как иногда газетный лист может вдруг рассказать о многом! Грубые, потертые на сгибах газетные листы донесли дыхание жизни апрельского дня двадцатого года. На одной из полос газеты, в «Страничке красной молодежи», я прочел небольшую заметку подростка С. Ширяева из деревни Антоново, Богородского уезда, Московской губернии.

«Крестьянский подросток—вождю мировой революции» (Письмо тов. Ленину)

«Владимир Ильич,

Приветствую Вас и крепко жму руку за Вашу стойкую и усиленную работу на Советскую Россию. Спешу Вам сообщить об нашей деревенской жизни... Была неделя фронта. Очень прошла хорошо, делали сбор денег, картофеля, хлеба и др. Открылась столовая, и как хорошо глядеть, когда дети соберутся в гнездышке своем. А главный этого дела был ты, дорогой товарищ.

Я, 14-летний мальчик, еще мал, но *я отдам все свои силы для Советской России*, как выросту — также запишусь в коммунисты, а пока я в Союзе Коммунистической Молодежи.

У нас организован фронт труда, и я хожу на станционную работу, очищаю снег и прочее.

Пришлите хотя весточку о Вашей работе, о чем Ваши мысли о будущем. И как обрадуюсь я, хотя увижу Вашу подпись и буду помнить, что наши товарищи не забывают о детях в деревне.

Да здравствует фронт труда! Да здравствует одна братская семья рабочих и крестьян!

С. Ширяев, 14 лет».

Письмо крестьянского подростка из деревни Антоново трогает какой-то живой непосредственностью юной души. Да и весь номер газеты волнует. Сводка фронтовых действий: бои на Крымском участке севернее Перекопа и Сиваша. На видном месте — «Уголок неграмотного» с обращением от редакции: «Товарищи грамотные, помогите неграмотным. Прочтите вслух и заставьте повторить».

В этот апрельский день двадцатого года урок был посвящен роли и значению нашей великой партии. Он так и назывался: «Наша партия». Очень короткий урок, напечатанный крупными буквами. Сжатые фразы обладают могучей ударной силой.

«Наша партия — рабоче-крестьянская партия (коммунистов-большевиков) в своей программе провозгласила:

Вся власть Советам!

Вся земля крестьянам!

Фабрики и заводы рабочим!

Наша партия —единственная защитница трудящихся!

Да здравствует коммунизм!»

«Страничка красной молодежи» с письмом крестьянского подростка, да и вся газета с фронтовой сводкой, с заметками о подготовке к весеннему севу, с уроком о роли великой партии отражали отдельные черты нашей жизни в те далекие дни.

Было что-то глубоко захватывающее в строках письма юноши из деревни Антоново, обращенных к Ленину с трогательным желанием узнать от вождя Советского государства и партии, «...о чем Ваши мысли о будущем». Хотелось представить себе юношу из подмосковной деревни, хотелось узнать, жив ли он, С. Ширяев из деревни Антоново, Богородского уезда, Московской губернии...

Может быть, думалось мне, Владимир Ильич, читая в тот день «Бедноту», увидел и прочел письмо крестьянского подростка...

Весною двадцатого года, в апрельские дни, когда мальчик из деревни Антоново писал Ленину письмо, великий создатель Советского государства работал над статьей «От разрушения векового уклада к творчеству нового». В этой статье были мысли о будущем, о коммунистическом труде...

...И вот в февральский день 1954 года я поехал в Антоново.

Нынешний вожак деревенской молодежи Владимир Новиков, молодой человек с черными вразлет бровями, работает в колхозе электромонтером. В нем бурлит веселая, бьющая через край энергия, которая как-то сразу притягивает к нему.

Новиков показал мне дом, в котором родился, провел детство и юность Ширяев. Дом смотрит окнами на речку Сеченку. Самого Ширяева уже нет в живых. Он умер незадолго до войны. Звали его Сеней. Сестра Ширяева показала мне фотографию брата. Фотография тридцатых годов. Сеня Ширяев среди своих сверстников — молодых инженеров-механиков. Он прошел трудную, хорошую школу: организовывал молодежь в своем селе, учился на рабфаке, окончил институт, работал в деревне. Если долго и внимательно глядеть на фотографию, то кажется, можно схватить, как блестят глаза у этого крепкого с черной шапкой волос молодого человека, увидеть или скорее почувствовать горячую натуру его, которую так хорошо обрисовал один из колхозников: «Где народ — там Ширяев»...

Мы пришли с Новиковым в дом правления колхоза в тот момент, когда там вскипал горячий разговор. Колхоз готовился к отчетному собранию, и все, что накопилось у людей на душе, отражалось сейчас в острых спорах. При виде Новикова разговор перешел на молодежь. Где она? Почему не слышно ее голоса?

Новиков пробовал отбиться: учится, мол, комсомол... И действительно, он называл имена комсомольцев, которые уехали в район на курсы, и все обещал, что когда они весной вернутся, то комсомол оживет и еще покажет себя.

Позади Новикова вдруг послышался насмешливый грудной голос. Новиков обернулся. В стене было прорублено окошко, оттуда высунулась голова молодой женщины. Это колхозный счетовод. Она тоже подала свой голос:

— Тихо живет комсомол, а надо бы активнее вникать в производство.

Один из колхозников, пожилой, в очках, с жесткой щетиной бороды, особенно наскакивал на Новикова, донимал его своими колючими вопросами:

— Где твой комсомол?

Новиков нахмурился. Чувствуется, что упрек правильный. Как-то так получилось, что молодежь мало проявляет себя в хозяйстве.

Я написал Новикову на листке блокнота записку: «Скажи-ка, кто этот нападающий товарищ?» Володя прочел и быстро, даже както сердито вывел тут же на листке: «Ревиз. комиссия».

На Ламе, у плотины, скалывают лед.

Потом, когда разговор несколько приутих, я стал расспрашивать колхозников о Ширяеве. Знают ли они С. Ширяева? О, его хорошо знают в Антонове, Семена Александровича Ширяева!

И тот самый колхозник, который так активно нападал на Новикова — «ревиз. комиссия»,— когда зашла речь о Ширяеве, заволновался.

— Задумает Сеня какое дело живое, соберет молодежь, разъяснит, вскинет голову. «Во имя борьбы!» — скажет. Это — его любимое присловье: все-де можно преодолеть во имя борьбы.

И разговор снова перешел к сегодняшнему — к борьбе за подъем сельского хозяйства. И опять старичок — «ревиз. комиссия» — стал подзадоривать молодежь: ребята вы, мол, и хорошие и даже ученые, а все же надо больше развивать в себе ширяевское «во имя борьбы».

К вечеру Володя Новиков собрал молодежь в красном уголке мастерской промысловой кооперации. Это в нескольких шагах от ширяевского домика. Я рассказал о письме крестьянского подростка вождю мировой революции. В нашей беседе принимал участие секретарь партийной организации Виктор Митягин, недавно демобилизовавшийся из армии. На нем фронтовой китель, который уже узковат ему в плечах. Он прошел долгий путь войны — от родной Сеченки до Эльбы, как он, улыбаясь, заметил.

Долго шла у нас беседа о Ленине, о партии, которая воспитывает в советской молодежи духовную бодрость, величайшую преданность народу.

В сумерках зимнего дня я уезжал из Антонова. Переходя мостик через Сеченку, я остановился еще раз взглянуть на домик, в котором жил когда-то крестьянский подросток с горячей душой коммуниста.

Зима еще держалась, но в воздухе уже ощущалось тонкое дыхание подступающей весны. Скоро Сеченку будет ломать. Говорят, весной она широко разливается. Скоро, скоро вскроется Сеченка, и побегут ее быстрые вешние воды к синеющему вдали лесу!

2. Огоньки

Все в блокнот не запишешь. Порою бывает: так увлечет тебя рассказ человека, что побаиваешься спугнуть своего собеседника лишним каким-нибудь вопросом или даже просто видом тетрадки. И тогда отодвигаешь в сторону карандаш и только иногда, украдкой, для памяти, так сказать, быстренько набросаешь одно какое-нибудь слово — слово, которое позже служит для тебя своеобразным ключиком.

В 1919 году на реке Ламе в Волоколамском уезде была создана одна из первых сельских электростанций Советской России. Активным строителем ее был московский рабочий, учитель по труду в Ярополецкой школе Петр Николаевич Кириллин.

В первую встречу нашу, готовясь записать жизнь Кириллина, я вооружился карандашом, положил возле себя блокнот... Но ни разу и не притронулся к карандашу — так захватил меня его рассказ. Только успел вывести на листке блокнота слова: «Ленин», «Кашино», «Ярополец». Потом, уже при второй и третьей встречах, я стал более подробно заносить в тетрадку краткую историю строительства электростанции на реке Ламе и обстоятельства приезда туда в 1920 году Владимира Ильича Ленина.

Кириллину особенно памятно то место из доклада Владимира Ильича на VIII Всероссийском съезде Советов, которое начинается так: «Мне пришлось не очень давно быть на одном крестьянском празднике в отдаленной местности Московской губернии...»

Стоило Кириллину сказать вслух эти ленинские слова — и будто это было не тридцать с лишним лет назад, а вчера, сегодня, сейчас, до того ясно и отчетливо все ожило в его памяти. Вечер в Яропольце, заседание кооперативно-технического общества на втором этаже народного дома, горячий спор о возможностях строительства новой электростанции и та минута, когда на лестнице послышались возбужденные голоса, открылась дверь и вдруг вошел Ленин.

Слушая рассказ Кириллина, задумавшись о чем-то, я невольно пристально стал вглядываться в его лицо: все хотел представить себе Кириллина молодым, таким, каким он, учитель по труду и строитель, был в дни работ на реке Ламе.

— Что, постарел? — Кириллин перехватил мой взгляд и, тихонько посмеиваясь, сказал с грустью в голосе: — Эх, молодые кудри поседели!..

Кириллину было за тридцать, когда он, живой, пытливый, полный энергии, стал в селе Яропольце школьным учителем по труду — обучать крестьянских детей начаткам слесарного, токарного и электромонтерского дела. Интересно отметить, что эта же трудовая школа дала ярапольцам и другим окрестным селам первые кадры электромонтеров.

Собственно, мысль об электрическом свете, о постройке станции зародилась уже осенью 1918 года. Слесарь Макарцев первым подал эту мысль. Разные варианты возникали, как осветить село электрическим светом. Сначала возникла идея использовать движок, работающий на нефти. Но сразу же наткнулись на трудности, связанные с нехваткой горючего: на одной бочке нефти много не поработаешь. Кириллин задумался: а что если запрячь Ламу, реку Ламу, использовав наливное колесо мельницы? И, едва дождавшись рассвета, отправились всем активом к реке на мельницу.

Так потом и сделали, приспособив первичным двигателем наливное колесо, соединенное с динамомашиной.

Кириллин размышляет вслух, удивляется: откуда только силы брались? А ведь строили в обстановке неслыханных трудностей, в обстановке бесхлебья, голода, холода. Особенно тяжелой была зима девятнадцатого... А какая радость была, когда весною появилась крапива!

— Ожили,— весело говорит Кириллин.— И крапива, знаете,— вкусная вещь, особенно если заправить рыбьим жиром!..

Строить ГЭС начали в апреле 1919 года. Первый свет дали той же осенью.

Пускали электростанцию вечером. У щита управления находились Кириллин, Харитонов, Ветчинкин, Рубцов. Включили рубильник. На площади села зажглась первая электрическая лампа — пятисотсвечовая.

К площади сбегались со всех концов села. И так трогательно было смотреть на электрический свет, на первый огонек! И круг от лампы был небольшой, пятнышко яркого света. А какая сила в этом огоньке! Казалось, он отодвинул ночь.

А на другой день дали свет в избы. И все смелее и смелее разгорались огоньки — сначала на одном порядке деревни, потом на другом... Огоньки стремительно побежали изба за избой, веселые, живые, дерзкие, будто и впрямь «неестественный свет». Так позже в соседнем селе Кашине один из крестьян в присутствии Ленина назвал электричество.

Кириллин задумчиво улыбнулся. Как прочно, однако, остаются жить в памяти картины далекого прошлого!.. И станция-то не ахти какой мощности, а сколько жизни и порыва к свету она вызвала у людей!

Год спустя в соседнем селе Кашине состоялся пуск маленькой электростанции.

Кашинцы обратились к Ленину с трогательным письмом-весточкой. Они писали вождю Советского государства о том, «что 14 сего ноября состоится открытие электрического освещения в селении Кашино, на каковое покорнейше просим прибыть, разделить ту радость, которую мы ощущаем при виде электриче-

Молодежь деревни Антоново, Раменского района, Московской области. У телевизора.

Фото О. Кнорринга.

ского освещения в крестьянских халупах, о котором при власти царей крестьяне не смели думать».

Волнующей простотой дышит заключительная строка письма крестьян к Ленину:

«Ваше присутствие весьма желательно».

Ленина радовало самое малейшее проявление творческой энергии масс; он требовал от коммунистов-руководителей умения обобщать опыт, живого умения «уловить то,— как говорил Ильич,— что на месте сделано».

Страна прилагает величайшие усилия, чтобы отбить врагов, отстоять советский строй. И вот в этих труднейших условиях где-то в уездной глуши, в Яропольце и Кашине, сами крестьяне, по добровольному почину, строят электростанции.

И Ленин поехал к ним. Сохранились пометки Владимира Ильича на письме кашинских крестьян. Решив побывать на «открытии электрического освещения», Ленин набросал маршрут поездки машиной:

«От Волоколамска по шоссе через Щекино Путятино, от него вправо от шоссе около 1½ верст *Кашино*».

Когда в Кашине появился Ленин, струнный оркестр заиграл «Интернационал».

Приветливо приняли крестьяне Ленина и Надежду Константиновну. Их усадили за стол отведать простого деревенского угощения. На колени положили вышитые полотенца. Дорогим гостям предложили пива кашинского приготовления. Напиток вкусный, сделанный на ржаном солоде. Ленин, отпив, поблагодарил и, улыбаясь, шепотом спросил своего соседа, секретаря укома партии Степана Круглова, как, мол, не очень ли хмельная брага.

Один из крестьян сказал Ильичу: не обессудьте, мол, хоть и бедновато, да от чистого сердца. А Ленин, рассказывают, только головой покачал, весело заметив: «Ну, какая же это бедность!.. Такой стол надо считать роскошным по нынешним временам... Война ведь!» Потом задумался, вспоминают волоколамцы, и тихо заметил: «Вот добьем врага на фронте, займемся мирным строительством, тогда и на стол поставим еды побольше, да поразнообразнее».

«Займемся мирным строительством...» — к этому были устремлены мысли Ленина, партии.

Ленин страстно желал и мечтал, чтобы электростанции занимались, как он выразился, электрическим образованием масс, служили опорой просвещения. Он подробно расспрашивал волоколамцев, хорошо ли работает электростанция, довольны ли крестьяне, что получили электричество, находит ли оно себе применение в земледелии.

Кашинцам хорошо запомнился Ильич в окружении детворы. «Вот это будущие коммунисты»,—говорил Владимир Ильич, лаская детей.

Дети не хотели расстаться с Ильичем и Надеждой Константиновной. Они окружили их, крепко держась за руки Ильича, а кто просто ухватившись за полы его пальто. Вот таким он и вышел на фотографии — бодрый, радостный. Фотограф был свой, волоколамский, человек веселого нрава, по фамилии Феофанов, а по прозвищу «Мамочка моя». Шумный, быстрый, он любил приговаривать: «Ах, мамочка моя!».

Дети шумели, весело переговаривались между собой. Фотограф долго возился, нацеливая свой аппарат. Ильич забеспокоился, как бы не простудить детей. Фотограф заверил его: они у нас народ крепкий, закаленный. Ильич взял за плечи одного малыша и повернул лицом к фотоаппарату: «Смотри вон в то черное пятно...»

В сумерках зажгли свет, открылся митинг. Один из выступающих крестьян сказал те самые слова, которые так хорошо запомнились Ленину — о «неестественном свете», что осветил крестьянскую жизнь.

Случился тут кто-то из Ярропольца, набрался человек смелости и обратился к Ленину и Надежде Константиновне с просьбой:

— К нам, дорогие товарищи, пожалуйте!.. И у нас электрическое освещение.

Секретарь укома партии горячо поддержал просьбу, напомнив Ильичу, что там, в Ярропольце, действуют зачинатели электрификации. А сейчас, говорят, они замахиваются строить новую, более мощную электростанцию.

И Ленина потянуло к ярропольцам... К людям с размахом, «с загадом». Это слова Ильича. Именно таких людей — с загадом, с размахом — не хватало тогда, как писал Ленин Кржижановскому, думая о том, чтобы сделать всю Россию «электрической».

Когда вдумываешься в жизнь Ленина, когда читаешь и перечитываешь ленинские статьи и речи двадцатого года, то прежде всего поражает и захватывает у Ильича его неукротимая жажда строительной работы, воля к жизни, та особенная черта, которую Горький так великолепно обрисовал двумя словами: азарт юности. Азарт юности, каким он, Ленин, насыщал все, что делал.

В ноябрьские дни двадцатого года Владимир Ильич так говорил о коммунизме: «...Для нас он уже перестал быть программой, теорией и заданием, для нас это дело сегодняшнего фактического строительства».

А ведь то, что сделали волоколамцы и что Ленин увидел своими глазами: электростанции на Ламе и в Кашине,— это и было живое дело сегодняшнего фактического строительства.

Уже совсем стемнело, когда в комнату, где заседало правление ярополецкого кооперативно-технического общества, вихрем ворвался крестьянский паренек и, задыхаясь от восторга, крикнул с порога:

— Ленин!

А минуту спустя вошел Владимир Ильич в распахнутом пальто. Вошел, поздоровался и представился:

— Ульянов — Ленин.

Утихли голоса приветствия, и Владимир Ильич, не теряя ни единой минуты времени, поделился по просьбе крестьян своими мыслями о внешнем и внутреннем положении страны. В первую очередь коснулся положения на фронтах — этим тогда все жили — и сжато остановился на задачах дня. Затем настала очередь крестьян поделиться с Лениным своими планами, мечтами. Владимир Ильич застал крестьян в тот самый момент, когда на правлении горячо обсуждался вопрос о строительстве новой электростанции радиусом действия в 15 деревень. Электростанция в 12 киловатт уже не устраивала ярропольцев. Они поставили перед собой задачу шагнуть вперед — от 12 к 75 киловаттам! Другие масштабы, другие возможности в сельском хозяйстве.

Ленин принял живое участие в беседе, расспрашивал крестьян с такой заинтересованностью, точно связывал с планами этой, в сущности, небольшой стройки что-то очень важное, большое, взятое в масштабе всей страны.

В воспоминаниях Н. К. Крупской в одной строке предельно ярко передано состояние Владимира Ильича и волоколамских товарищей, делившихся своими планами с великим создателем Советского государства:

«Волновались говорившие, волновался Ильич».

Ленина радовал живой, стремительный напор волоколамцев, их желание строиться. Рассказывают, что один из крестьян поделился с Владимиром Ильичем тревожившими его мыслями: «Сладим ли?..» Силами только волоколамцев такое дело не поднять. Нужна помощь Москвы.

Владимир Ильич близко к сердцу принял замыслы волоколамцев, обещал им всемерную помощь в их хорошем начинании. И тут же предложил: когда у них будет тяжелый момент в стройке, обязательно напомнить ему, а то и прямо приехать...

Кириллин выскочил из комнаты, забыв шапку, сбежал вниз на улицу проводить Ильича. Кто-то из крестьян бросил Кириллину свою шапку. Он нахлобучил ее и, веселый, разгоряченный, стоя на подножке машины, проводил Ильича до Кашина. Месяц спустя с трибуны VIII Всероссийского съезда Советов Владимир Ильич поделился с делегатами съезда своими впечатлениями о пребывании на крестьянском празднике в Волоколамском уезде, где у крестьян имеется электрическое освещение.

«На улице был устроен митинг,— сказал Владимир Ильич,—

Ярополецкая ГЭС.

Большой день

Сергей ВАСИЛЬЕВ

В простую биографию мою
вошел сегодня день большого счастья:
я принят равным в славную семью
железного единогласья.

По солнечной широкой мостовой
шагаю я, годов не чуя груза.
Отныне я —
счастливый рядовой
Великой Партии Советского Союза.

Лежит у сердца новый партбилет.
Теперь мне с ним в любую непогоду
держать тот путь,
что пять десятков лет
вел самых честных напрямик к восходу.

И кажется мне в добром блеске дня,
в прозрачном и лучистом свете,
что все вокруг,
и старики и дети,
в сто тысяч уст приветствуют меня,

что на ветру колышутся цветы,
ликует песня громко и знакомо.
В открытый мир высокой прямоты
лежит моя дорога из райкома.

и вот один из крестьян вышел и стал говорить речь, в которой он приветствовал это новое событие в жизни крестьян. Он говорил, что мы, крестьяне, были темны, и вот теперь у нас появился свет, «неестественный свет, который будет освещать нашу крестьянскую темноту». Я лично не удивился этим словам,— продолжал Владимир Ильич.— Конечно, для беспартийной крестьянской массы электрический свет есть свет «неестественный», но для нас неестественно то, что сотни, тысячи лет могли жить крестьяне и рабочие в такой темноте, в нищете, в угнетении у помещиков и капиталистов».

Ленин был у волоколамцев 14 ноября 1920 года, а шесть дней спустя, памятуя ленинский наказ «Приезжайте, помогу», Кириллин, одетый в кожаную тужурку, заручившись мандатом уездных партийных и советских организаций, поехал в Москву, к Владимиру Ильичу. На собрании крестьян было записано: составить для делегации письмо, которое она должна передать Ленину. Кроме того делегация должна все главные вопросы, помеченные в письме, высказать на словах.

Беспокоились делегаты, удастся ли увидеть Ленина, может быть, дела и заботы, которыми живет Ильич, направляя жизнь всей страны, отодвинули на время маленькие планы яропольцев. Но оказалось, что Ленин ждал яропольцев. И что особенно поразило и тронуло делегатов из Ярополья, Ленин все помнил и многое уже сделал для них. 20 ноября председатель Совета Народных Комиссаров сделал рабочие записи об электрификации Ярополецкой волости, Волоколамского уезда. На присланной В. И. Ленину справке о наличии цветных металлов, хранящихся на одном из складов, Ленин написал следующее распоряжение:

«Сохранить *секретно* и напомнить мне, когда у меня будет Кирилин из Яропольца (Волоколамского уезда)».

Ленин делает заметки:

«Затребовать от ВСНХ доклад об электрификации Яропольской волости (или Яропольского района) Волоколамского уезда Московской губернии.

Главное — *медь*».

Да, главное — медь. Туго с цементом, очень туго с железом, будут трудности с турбиной и генератором для электростанции, но главное — в нехватке меди. Дефицитнейший материал...

Ленин встретил яропольцев приветливо, как хороших знакомых. Кириллин ознакомил Владимира Ильича со сметой строительства. В свою очередь Ленин стал подробно расспрашивать о положении крестьян, об их настроениях, нуждах. Его все интересовало: как в массе чувствует себя крестьянство, какие настроения, желания, как практически смотрит крестьянство на подъем сельского хозяйства? По всем вопросам Владимир Ильич просил у волоколамцев ясных и подробных ответов, вникая до мелочей в крестьянскую жизнь.

Кириллин вспоминает: Владимиру Ильичу очень хотелось обрадовать волоколамцев. Есть медь! Меди потребовалось до тысячи пудов. Ленин отдал распоряжение на получение меди.

Вскинув голову и взглянув на яропольцев зоркими глазами, похлопывая рукою по строительной смете, Ленин вдруг проговорил громко, весело, отрывисто: «Сладим?». И быстрым жестом обвел вокруг, как бы объединяя этим широким движением смету Волоколамского уезда с теми большими планами и сметами строительства всей страны, которые вынашивала партия. Так именно истолковал Кириллин этот ленинский жест и веселое, подзадоривающее «Сладим?».

И тут, кажется, впервые за все минуты беседы с Ильичем волоколамский рядовой боец социализма глубоко ощутил, что́ для Ленина должно значить маленькое уездное живое дело, с которым делегаты пришли в Кремль, простое и живое дело, сопрягающееся с великим планом электрификации всей страны. Огонек, разгоревшийся на Ламе в Ярополье, Ленин, надо думать, связывал с сотнями и тысячами огоньков, которые зажгутся в России. И словом «сладим» Ленин скреплял все то живое, новое, побеждающее, что делается и что задумано сделать на нашей земле.

И волоколамцы сладили. Построили электростанцию в 75 киловатт, как обещали Владимиру Ильичу. Были огромные трудности, но всегда в тяжелые моменты строителям вспоминалось ленинское азартное слово «сладим», помогавшее преодолевать все.

Именем Ленина народ назвал электростанцию на Ламе.

Новые и новые огоньки зажигались в уезде. В народе их прозвали «ленинские огоньки».

А жизнь коммуниста-строителя Кириллина вот как сложилась в дальнейшем. Он весь отдался строительству сельских электростанций. Строил их на Ламе, на Рузе, на других реках России, в скромную меру своих сил выполняя ленинский завет, испытывая безмерное счастье, когда в самых глухих углах родной земли загорались ленинские огоньки.

...На днях я снова встретился с Кириллиным — сейчас он работает директором павильона сельской электрификации на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. Положив крупные руки на раскрытую книгу, сдвинув очки на лоб, Кириллин сказал:

— Читаю Ленина...

И рассказал следующее. Позвонил ему товарищ из Сельэлектро: «Слушай, Кириллин! Найди тридцать пятый ленинский сборник... Год — двадцатый. Месяц — ноябрь. Прочти заметки Владимира Ильича об электрификации твоей родной волости».

Когда теперь, три десятилетия спустя, читаешь ленинские заметки об электрификации Ярополецкой волости:

«Главное — *медь...*

(1) помочь электрификации

(2) народное образование

(3) льноводство»,

то по этим наброскам видишь, как складывался один из рабочих дней великого вождя партии, вся жизнь которого была отдана народу, борьбе за коммунизм.

Ленинские пометки на письме кашинцев написаны в суровые, радостные дни: Врангеля сбросили в Черное море! Дорогие сердцу советского человека пометки, сделанные рукою Ильича, они предстают сейчас перед нами бессмертными приметами живых истоков нашей советской жизни.

Как далеко двинулось вперед электрическое образование масс! Лицо Кириллина в тяжелых складках морщин просветлело. Вспомнилось ленинское — «*Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны*». О, ленинские слова хорошо живут в нашей памяти!

И стали советские люди приплюсовывать по планам партии станцию за станцией: Шатура, Кашира, Волхов, Днепрострой, Волга,— а теперь замахнулись на Ангару, на великие северные реки...

Кириллин вдруг загорелся и предложил:

— Поехали в Ярополец!

И вот уже мы едем по Волоколамскому шоссе, проезжаем через то самое Щекино, которое Владимир Ильич отметил в своем маршруте, останавливаемся в Кашине и долго-долго в волнении смотрим на избу, в которой Ленин беседовал с крестьянами. За избой простираются колхозные поля в весенней мартовской дымке. А от Кашина рукой подать — Ярополец. Весна берет свое. На Ламе идет живая, бойкая работа: окалывают лед у плотины. Работами командует Георгий Степанович Харитонов, тот самый крестьянин, что вместе с Кириллиным зачинал когда-то строительство первой сельской электростанции. Ныне он ее директор. Первые электрификаторы на малой русской реке — теперь они уже старые люди. Сколько связано у них с Ламой!

Встреча старых друзей. П. Н. Кириллин (справа) и директор Ярополецкой ГЭС имени Ленина Г. С. Харитонов.

Фашистские оккупанты взорвали станцию, хотели поднять на воздух и плотину, да не успели: бойцы Советской Армии отстояли ее. Ожила станция и сейчас обслуживает своей энергией двадцать пять деревень. У Харитонова горячая пора: колхоз «Путь Ильича» заключил договор со станцией на работы по механизации животноводческой фермы.

Лама — река извилистая, так и петляет в крутых берегах. Харитонов смеется, глядя на Ламу. Считается малой рекой! Малая-то малая, а какой дерзкой, напористой становится Лама весной!.. Молодые ели, раскинув зеленые лапы, подступили к самой станции, из раскрытых окон которой доносится ровный, в лад с весенним гудом шум работающей машины.

Петр Николаевич взглянул на Харитонова.

— Будто молодость свою вспомнил,— тихо сказал он.— Вспомню огонек девятнадцатого года, первый огонек в нашем уезде,— и в душе горячо отзовется. Ленинский!..

СЛАВНЫЙ ПУТЬ

Марсель КАШЕН,
директор газеты «Юманите»

Марсель Кашен за просмотром комплекта «Юманите».

С радостью принимаю я приглашение советского журнала отметить на его страницах знаменательную дату — пятидесятилетие газеты «Юманите».

Мне лично выпала честь в течение более сорока лет, начиная с 1912 года, участвовать в редактировании боевого органа французских рабочих. Теперь возраст нашей «Юма» достиг полустолетия. Это большой срок, и он напоминает о многом.

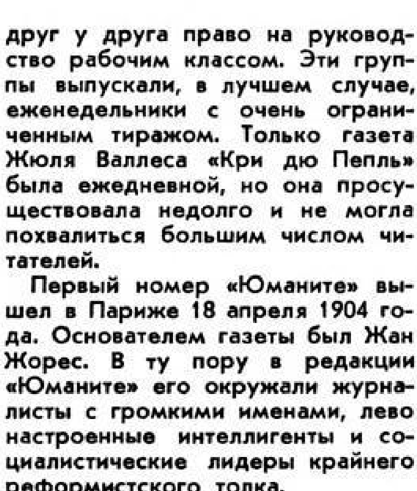
До начала XX века во Франции было множество социалистических групп и сект, оспаривавших друг у друга право на руководство рабочим классом. Эти группы выпускали, в лучшем случае, еженедельники с очень ограниченным тиражом. Только газета Жюля Валлеса «Кри дю Пепль» была ежедневной, но она просуществовала недолго и не могла похвалиться большим числом читателей.

Первый номер «Юманите» вышел в Париже 18 апреля 1904 года. Основателем газеты был Жан Жорес. В ту пору в редакции «Юманите» его окружали журналисты с громкими именами, лево настроенные интеллигенты и социалистические лидеры крайнего реформистского толка.

Надо отдать должное Жоресу: он делал большие и искренние усилия к тому, чтобы последовать по пути, указанному международным социалистическим конгрессом в Амстердаме, и помочь объединению французских социалистов. Его устами «Юманите» разоблачала строй капиталистического угнетения. Уместно будет упомянуть для советских читателей, что Жорес с глубокой симпатией писал о первой русской революции 1905 года, а незадолго до смерти так высказался об исторической миссии рабочего класса России: «Мощь рабочего класса России сделает эту страну великой силой прогресса и справедливости. Скоро, благодаря героической борьбе своих пролетариев, Россия станет одной из самых чудесных надежд человечества». Но мы знаем также, что честные и мужественные выступления Жореса с трибуны парламента и на страницах «Юманите» сочетались у него с идеалистическими взглядами, с ложной идеей «примирения» буржуазной демократии и революционного социализма, с реформизмом в вопросах политики рабочей партии.

Перелистывая пожелтевшие страницы «Юманите» 1905, 1906 и дальнейших годов, еще раз убеждаешься в том, как много сделала наша газета для разоблачения французского и мирового империализма. Человечество было потрясено в те годы зверствами французской оккупационной армии в Марокко. «Юманите» поведала миру о «подвигах» войск генерала д'Амада, истребивших до последнего человека тысячу восемьсот жителей одного марокканского кочевого селения. Наша газета, единственная среди всей французской прессы, пригвоздила к позорному столбу захватчиков, проливавших кровь и грабивших достояние беззащитных народов. Пророчески звучат сейчас страстные строки «Юманите», обращенные к империалистам:

«Оставьте землю Марокко! Уберите ваши войска! Предоставьте марокканцам самим решать свою судьбу! В Марокко живет деятельный, независимый, суровый народ, гордый своей древней историей. Придет день — и, пробудившись, он подымется против вас!»

5 HEURES DU MATIN — ÉDITION PARISIENNE

Que chaque demeure se transforme en forteresse !

l'Humanité

ORGANE CENTRAL DU PARTI COMMUNISTE FRANÇAIS

FONDATEUR JEAN JAURÈS

LE NUMÉRO : DEUX FRANCS

MERCREDI 23 août 1944

La bataille suprême pour Paris est engagée !

Tout Paris aux barricades !

DANS TOUS LES ARRONDISSEMENTS, LES COMBATS DEVIENNENT ACHARNÉS

Le commandant des F.F.I. pour le Grand Paris appelle au SOULÈVEMENT GÉNÉRAL DES PARISIENS

Il faut que tous, hommes, femmes, enfants travaillent à la fortification des rues, immeubles, édifices publics que toute la population participe avec courage et abnégation au soutien des glorieuses Forces Françaises de l'Intérieur. Partout, formez vos groupes de MILICES PATRIOTIQUES ! L'attaque est la meilleure défense. Harcelez l'ennemi !

23 августа 1944 года... Вышедшая из подполья «Юманите» зовет трудящихся Парижа на баррикады, на бой за изгнание фашистских захватчиков из французской столицы.

Приближалась первая мировая война. Со страниц нашей «Юманите» неустанно звучал голос протеста против кровавой катастрофы, в которую империалистические хищники собирались толкнуть человечество. «Юманите» предупреждала, что война эта будет войной миллионных армий, снабженных новейшими средствами уничтожения. И, заглядывая в будущее, газета писала, что революция покарает тех, кто развяжет мировую бойню, что солдаты враждующих армий «воспользуются оружием, вложенным в их руки, не для того, чтобы убивать рабочих по ту сторону границы, а для того, чтобы революционным путем свергнуть преступные правительства».

* * *

Каков был дальнейший путь газеты «Юманите», с 1911 года ставшей собственностью социалистической партии?

Первая мировая война разразилась на следующий день после убийства основателя газеты Жореса. Французская социалистическая партия была в разброде. Три года длилась война. И вот произошло то, что предрешило взрыв народного гнева во многих странах. В окопах восточного фронта русские рабочие и крестьяне, одетые в солдатские шинели, стали отказываться проливать кровь за интересы путиловых. Они требовали мира, хлеба, земли. Началась вторая русская революция.

В то время мне представилась возможность побывать в России. Я говорил с солдатами, рабочими, с социалистами всех направлений. Было ясно, что события в России будут иметь величайшие последствия для революционного движения во всем мире. Вернувшись во Францию, я рассказал об этом моим товарищам по партии, по «Юманите», по парламенту. Левое крыло французской социалистической партии приобретало все большее влияние в массах. В октябре 1918 года левое крыло потребовало изменения состава редакции «Юманите» и коренной перестройки руководства и политики самой партии.

Руководимое великим Лениным Октябрьское народное восстание победило, оно привело к власти рабочих и крестьян России.

Капиталистические державы Запада начали вооруженный поход против Советской республики. Полтора года мы разоблачали на страницах «Юманите» новое преступление правителей Франции. Громко прозвучал наш призыв к пятнадцати тысячам французских моряков, посланных на Черное море, и к семидесяти тысячам французских солдат, отправленных под командованием генерала Франше д'Эспере в Бессарабию, на Украину, в Крым. Это был призыв отказаться стрелять в русских революционных рабочих и крестьян.

«Юманите» пользуется любовью народа и вызывает почетную ненависть реакции. Не раз полиция конфисковала номера газеты, в которых разоблачалась антинациональная политика правящих кругов.

В 1920 году, на съезде в Страсбурге, большинство социалистов Франции заявило о своем разрыве с предательским II Интернационалом. По требованию многих членов съезда была послана в Советскую Россию делегация для выяснения условий присоединения французской партии к новому, III Интернационалу. Я был в числе делегированных.

После долгого путешествия я оказался в июне 1920 года в Москве. Вскоре меня пригласили на заседание Московского Совета. Председательствовал товарищ Калинин. Мне предоставили слово — и вот весь зал поднялся, бурно приветствуя делегацию, представляющую народ, который дал миру якобинцев, 1848 год, Парижскую Коммуну.

Через несколько дней, встречая нас, Ленин сказал: «Я давно жду вас». Великий вождь русских рабочих сказал, что судьба французской рабочей партии имеет огромное значение для дела трудящихся всего мира.

Я помню горячую речь Ленина. Он свободно говорил по-французски и был полностью осведомлен о всех политических событиях, происходивших во Франции. В руках его были экземпляры «Юманите».

Ленин долго говорил об историческом прошлом французского народа, которое он знал блестяще; он не скрывал трудностей, стоявших на пути создания во Франции большой, дисциплинированной и передовой партии рабочего класса. В словах Ленина звучала твердая вера в будущее нашего народа, который он уважал и любил и который дал ему приют в годы изгнания.

Ленин предложил нам поехать по стране и собственными глазами увидеть те перемены, которые произвела Октябрьская революция. Я был первым корреспондентом «Юманите», совершившим поездку по Советской стране. Я проехал вниз по Волге, общаясь во время поездки с жителями городов и сел. Я увидел Россию, измученную империалистической войной, но готовую защищать до последней капли крови завоеванную революцией свободу.

Перед тем, как покинуть Россию, я снова имел счастье встретиться с Лениным. В его скромном кабинете в Кремле состоялась сердечная беседа, которую я не забуду до конца моих дней.

Сразу после возвращения в Париж мы начали рассказывать французскому народу на столбцах нашей «Юманите» правду о Советской России. Пять месяцев подряд я и мои товарищи объезжали Францию, готовя новый съезд партии, который должен был привести ее в ряды III Интернационала. Это произошло на конгрессе в Туре, в декабре 1920 года.

Несмотря на наши искренние призывы, правые социалистические вожди отказались последовать за нами. На них легла тяжелая ответственность за раскол рабочего класса. Они пытались посеять семена неверия в русскую революцию и вражды к ней.

Мы не колебались. Мы твердо верили в великую революционную миссию русского народа, отмеченную «Юманите» еще до первой мировой войны. Мы стали в ряды подлинных борцов за дело социализма. На съезде в Туре партия доверила нам руководство борьбой рабочего класса Франции.

Картина художника Жана Мило. Продавцы «Юманите» извещают парижан о выздоровлении Мориса Тореза.

Оправдали ли мы это доверие, оказались ли мы достойными этой почетной ответственности? Несомненно, наша коммунистическая партия была вначале слабой, неопытной. Она немало терпела от проникших в ее ряды авантюристов, ставших затем предателями, продавших свою совесть и перо капиталистам. В течение первых десяти лет своего существования наша партия испытала гонения, преследования, ее запрещали, травили, ей десятки раз предсказывали бесславную кончину. Но партия росла, усваивала учение марксизма-ленинизма, вбирала в себя лучших сынов рабочего класса; она распрямлялась и крепла, становясь первой политической партией Франции.

В 1930 году у руля партии стал Морис Торез, возглавивший наш Центральный Комитет.

К пятидесятилетию «Юманите» хочется напомнить о некоторых боевых ее выступлениях, сыгравших немалую роль в жизни и борьбе французского народа.

Наша «Юма» может гордиться тем, что в 1923 году она содействовала провалу чудовищной «мечты» Пуанкаре—захватить Рур и передать его в руки французского треста «Комите де форж». Некоторым сотрудникам «Юманите» этот акт протеста стоил полугода пребывания в тюрьме Санте. Нам пришлось предстать перед верховным судом. Однако после суровой отповеди реакционерам на страницах «Юманите» суду пришлось оправдать нас, несмотря на все усилия генерального прокурора. Это была одна из первых крупных побед нашей партийной печати.

Два года спустя парижские колонизаторы предприняли захват северного Марокко. Редакция «Юманите», следуя примеру Жореса, приняла самое горячее участие в народном протесте против этой новой колониальной агрессии. И нас снова заперли в камерах тюрьмы Санте.

Прошло еще около десятилетия — и перед нашей родиной встала угроза фашизма. Февральский путч 1934 года — в памяти всех французов. «Юманите», выражая волю народа Франции, вступила в решительную борьбу против этого преступного заговора. Она призывала от имени нашей партии к единству рабочего класса, к сплочению всех сторонников демократии. В то время «Юманите» имела уже тираж в 480 тысяч экземпляров. Итогом было создание во Франции Народного фронта и его победы над реакцией в 1935 и 1936 годах.

Через два года наступили черные дни Мюнхена. В течение нескольких месяцев редакция «Юманите», особенно наши славные товарищи по редакции Габриэль Пери и Люсьен Сампэ, будущие герои и мученики Сопротивления, вели в своих статьях решительный бой против мюнхенского предательства, возвещавшего приближение новой войны. Вскоре Французская коммунистическая партия была объявлена реакцией вне закона, ее депутаты лишены парламентских мандатов, многие ее деятели были посажены за решетку. В эти дни фашистские головорезы напали на типографию «Юманите» и переломали печатные машины. Напрасны были усилия реакционеров: наша «Юма» немедленно вышла в свет в нелегальном издании!

Потом последовали годы второй мировой войны, тягчайшие в истории Франции. В обстановке зверского террора фашистских оккупантов, ежедневно рискуя жизнью, работники «Юманите» выпустили 318 номеров боевой газеты французского народа, вступившего на славный путь Сопротивления. Подпольная «Юманите» распространялась среди патриотов в десятках тысяч оттисков. Десять редакторов и сотрудников «Юманите», которые вместе с нами работали в старом доме на Монмартре, были убиты гитлеровскими палачами. В день пятидесятилетия нашей «Юма» мы склоняем голову перед их светлой памятью!

* * *

После того как наши героические франтиреры и партизаны освободили в 1944 году Париж, «Юманите» снова заняла свой боевой пост. Газета нашей партии со всей страстью прославляла и отстаивала патриотические традиции французского народа, сложившиеся в годы Сопротивления. Вместе с народом она поддерживала каждый шаг министров-коммунистов, направленный на возрождение независимости и величия Франции. И когда в 1947 году по приказу американских монополистов министры-коммунисты были отстранены от власти, «Юманите» продолжала верно и неуклонно защищать интересы французского народа, демократии, мира.

Да будет мне позволено в заключение упомянуть о тех благородных целях, которым служит «Юманите» в наши дни. На страницах своей газеты мы изо дня в день говорим нашим читателям: самый жизненный вопрос для человечества — это спасение мира. Народы, в том числе французский народ, должны отвести угрозу новой, бесконечно более разрушительной войны, угрозу, которая порождается агрессивной политикой Соединенных Штатов. Мы призываем французов добиваться прочной безопасности для своей родины, сорвать планы тех, кто хочет снова связать Францию по рукам и ногам и отдать ее на произвол возрождаемого германского милитаризма. Мы зовем всех французских патриотов требовать всеобщего разоружения, запрещения атомного и водородного оружия, расширения экономических связей Франции со всеми странами.

«Юманите» горячо отстаивает идею единства всех французских рабочих, их тесного союза с крестьянами.

В своей жизни я трижды был свидетелем того, какое благотворное влияние оказывало осуществление идеи единства трудящихся на судьбы рабочего движения и всей нации: первый раз это было в период 1905 года, когда из распыленных социалистических групп создавалась рабочая партия; второй раз — в период Народного фронта; и, наконец, это было в первые послевоенные годы, когда наш народ объединился под идейным знаменем Сопротивления.

В день пятидесятилетнего юбилея «Юманите» мы с той же глубокой убежденностью добиваемся единства всех демократических сил Франции, видя в этом залог торжества свободы, мира и безопасности для нашего народа и для всего человечества.

Каждое воскресенье от лестницы к лестнице, от двери к двери друзья «Юманите» распространяют любимую газету трудящейся Франции.

По аллеям и площадям Выставки

Тихо на просторных площадях, улицах и в переулках этого необыкновенного города. Пусто еще в прекрасных зданиях. Не расставлены по своим местам удобные скамейки, — они стоят, прижавшись друг к другу. На указателях, глядящих в разные стороны, нет пока надписей, куда ведет та или другая асфальтовая дорожка. Даже электрические часы стоят: стрелки на огромных циферблатах застыли на 12.

Но хотя часы стоят — их еще не включили,— жизнь кипит: устанавливают оборудование, монтируют панорамы, подвешивают панно и картины, на стендах размещают экспонаты, расставляют модели...

Поразительны красота и размах этого города — Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, открытие которой состоится 1 августа нынешнего года. Тогда настежь откроются входы, и на обширную территорию хлынут первые десятки тысяч гостей — москвичи и приезжие со всех концов нашей необъятной страны.

Посетители заполнят площади, аллеи, павильоны и другие постройки, возведенные на участке в двести с лишним гектаров, в полтора раза большем, чем занимала выставка 1939 года. Некоторое представление о масштабах и грандиозности этого города может дать кольцевая линия троллейбуса, которая протянется на шесть километров.

Чудесные, пленяющие своими формами и красками здания скромно названы павильонами. На выставке воздвигнуто свыше трехсот сооружений — павильоны, оранжереи, теплицы и другие службы, не считая сотни киосков.

Величествен и прекрасен архитектурный ансамбль центральной площади. Ее по справедливости можно назвать площадью дружбы народов: кроме Главного, здесь расположено шестнадцать павильонов, представляющих союзные республики, и двенадцать зональных павильонов Российской Федерации.

Фото Е. Умнова и С. Фридлянда.

Словно корабль, отплывающий в дальнее странствование, в лучах солнца вырисовывается громада Главного павильона, охваченного мощной колоннадой. Пологие ступени ведут вверх, к входам. На крыше первого яруса — скульптуры. Золотой шпиль вознес эмблему Советского Союза — пятиконечную звезду. Она точно парит на стометровой высоте.

На площади перед Главным павильоном, окруженный скульптурами, фонтан, поэтически названный «Снопом». В разных направлениях он выбрасывает 1 700 струй, некоторые на высоту семи—восьмиэтажного дома.

«Сноп» не одинок: на выставке забьют струи двадцати фонтанов. Один из них, «Каменный цветок», украшен бронзовыми лебедями, рыбами, вазами с фруктами и овощами, облицован цветной смальтой.

По обеим сторонам площади, словно на смотр, выстроились павильоны союзных республик. Каждое здание по-своему примечательно. В архитектуре воплощены характерные черты национального зодчества.

Вот павильон Украины: прямоугольник здания на уровне крыши опоясан резной балюстрадой, в рисунке которой запечатлены народные украинские мотивы.

Посередине возвышается башенка, похожая на опрокинутую чашу.

Подстать ему и другие павильоны, увенчанные то портиками, то сквозными галереями, то стеклянными куполами, то художественной лепкой. На фронтонах золотыми буквами выведены названия.

За пределами площади грандиозный павильон «Механизация и электрификация сельского хозяйства». Это — монументальное здание из бетона, стали и стекла. По бокам граненые башенки со скульптурами. В двадцати шести залах павильона найдет место все, чем знаменита отечественная сельскохозяйственная техника, все, что создано советской конструкторской мыслью для комплексной механизации сельского хозяйства.

В торжественном параде нашей техники примут участие мощные тракторы прославленных марок — «С-80», «ДТ-54», «КД-35», — электротракторы и садово-огородные тракторы-малютки, самоходные зерновые комбайны новейших конструкций, высокопроизводительные машины для копки картофеля и сахарной свеклы, уборки кукурузы и льна, машины, автоматизирующие приготовление кормов на фермах. В длинном списке насчитывается около тысячи наименований машин, предназначенных для различных климатических зон.

К этому павильону примыкает показательная усадьба машинно-тракторной станции с действующими ремонтными мастерскими, гаражами, складами.

С центральной площади множество асфальтированных дорожек расходится веером во все стороны, превращаясь в живописные аллеи. Здесь размещены отраслевые павильоны, где заботливо накапливают драгоценный опыт лучших из лучших колхозов и совхозов, МТС, научных учреждений. На ярких, запоминающихся примерах будут демонстрироваться передовые методы труда и результаты деятельности 800 колхозов, 300 совхозов, 200 машинно-тракторных и других специализированных станций, десятков научно-исследовательских институтов. Широко будет отражен опыт тысяч передовиков, организаторов, специалистов сельского хозяйства, их неустанная борьба за высокие урожаи зерновых, масличных, технических культур, картофеля и овощей, за продуктивное животноводство.

Скоро с севера, юга, запада и востока приедут на выставку и попадут в отведенные им «гостиницы», в приготовленные «номера» коровы, лошади и верблюды, свиньи, овцы, кролики и пушной зверь, разводимый на фермах, разнообразная птица: куры, гуси, утки, индейки. Выставочное стадо составит примерно 5 тысяч голов животных и свыше десяти тысяч голов сухопутной и водоплавающей птицы.

Здесь можно будет увидеть коров, дающих свыше десяти тысяч литров молока в год; орловских рысаков, ахал-текинцев и тяжеловозов, везущих 10—15 тонн груза; тонкорунных баранов асканийской и кавказской породы с ежегодным настригом шерсти в 20—30 килограммов; кур, приносящих по 300—320 яиц в год.

Невозможно перечислить все многообразие выставочной фауны. Плодовому саду, различным посевам, растениям отведено больше половины земельной площади выставки. Они порадуют посетителей своим пышным зеленым нарядом, цветами всех оттенков, тонким ароматом. Достаточно сказать, что одних только кустов роз посажено свыше тридцати тысяч.

Виноградарство и виноделие, садоводство и цветоводство, лубяные культуры, метеослужба, рыбное и прудовое хозяйство — все это и многое другое будет показано на выставке.

Там можно будет познакомиться с достижениями и успехами социалистического земледелия, призванного создать изобилие продуктов питания в нашей стране и обеспечить всеми видами сырья легкую и пищевую промышленность.

Будет не только что посмотреть, но и где отдохнуть, поесть, развлечься. Этой цели служит зона отдыха, ей отведена живописная местность с прудами и фонтанами. Здесь откроются кино и эстрадные театры, кафе, закусочные, чайные, столовые.

Заглядывая вперед, мы можем представить себе, как красочно будет выглядеть Всесоюзная сельскохозяйственная выставка, когда вспыхнут бесчисленные букеты молочно-белых фонарей на высоких столбах, когда в холодном пламени прожекторов засияют павильоны, когда 70—80 тысяч человек ежедневно заполнят аллеи и площади выставки.

Г. БЛОК

Павильон механизации и электрификации сельского хозяйства. Справа — павильон «Животноводство».

Фото А. Шевича.

Завод имени Урицкого в городе Энгельсе изготовляет 20 троллейбусов для Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Эти троллейбусы будут ходить по территории выставки.

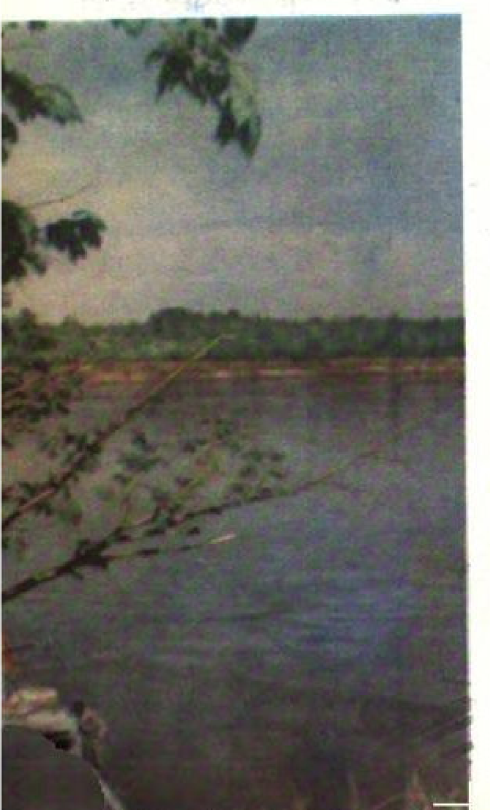
Фото А. Сивоплясова.

НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ ХРУЩЕВ. К 60-летию со дня рождения.

Ступень каскада

Сооружение бетонной водосливной плотины Горьковской ГЭС.

← Так начиналась стройка... Прибыли первые изыскатели на берега волжской протоки.

На пустынном берегу вырос поселок строителей ГЭС в Заволжье. Центральную площадь украсил кинотеатр «Энергетик».

Ступень каскада

Е. РЯБЧИКОВ

Фото А. ГОРЯЧЕВА.

День 22 апреля 1951 года выдался на Верхней Волге теплый и солнечный.

Выше Горького, около Городца, река уже вскрылась, и по ее зеленоватым волнам со звоном, шорохом и гулом проносились белые льдины. Легким весенним пухом уже покрылись в логах ветлы, малахитовыми становились поймы.

Веселый шквал, и пробудившаяся река, и сосновые боры на горизонте, и песчаные отмели с тающими льдами внимали в тот день звонкой меди оркестров. На заливные луга, где от весеннего половодья до желтой осени обычно хозяйничают только пастухи, шли, распевая песни, по-весеннему одетые люди. Они вышли к реке, и песни стихли: могучая и величавая Волга будто ждала гостей, являя перед ними свои зеленые и голубые дали.

22 апреля, в 81-ю годовщину со дня рождения Владимира Ильича Ленина, был уложен первый кубометр бетона в основание еще одной мощной гидроэлектрической станции на Волге. И по обычаю опустили чугунную плиту с надписью:

«1951 г. 22 апреля. Заложена Горьковская ГЭС».

Строители гидроцентрали полнее ощутили тогда живые и прочные нити, соединившие их труд, их дела с заветами Ленина, с ленинским планом электрификации страны.

Около чугунной мемориальной доски, бережно доставленной к берегам Волги, собрались строители. Многие из них возводили гидроцентраль имени В. И. Ленина на Днепре, гидроэлектростанции на Волге, Свири и Дону, на реках Закавказья и Сибири. Были и те, кто строил Волховскую ГЭС.

Карта страны усеяна теперь электрическими созвездиями. Но нигде так ярко и величаво не открывается панорама социалистической электрификации, как на Волге.

Здесь строится станция

Ни с высокого берега, ни даже с борта самолета так и не охватишь взглядом Волгу: все на ней огромно, неоглядно. «По государству река» — давно сказано о красе и гордости русского народа.

У ее серебристых истоков, на моренной гряде Валдая, среди валунов и топей, хмуро стоят в Волгинском лесу обомшелые ели и ракиты. А в устье Волги, в каспийских джунглях, где по указанию Владимира Ильича Ленина был создан заповедник, красуются волшебные фламинго, ходят зобатые пеликаны, растет священный цветок египтян — лотос.

— Диво дивное! — поют про Волгу рыбаки и плотогоны.

Но что происходило прежде! Каждую весну, досыта напоенная вешними водами, Волга бурно разливалась, выходила из берегов, валила деревья, рушила избы, смывала поля, а к лету, бесцельно израсходовав миллиарды кубических метров воды, мелела и покрывалась такими губительными песками, что в ее верховьях совсем прекращалась навигация.

Безнадзорной, запущенной и разоренной дошла Волга до первых лет Советской власти. В верхнем плесе лежали коричнево-желтые отмели, придававшие воде мрачный отблеск. Песчаные смерчи кружили над красноталом; караваны мелких суденышек уныло ожидали на перекатах дождя, способного поднять уровень реки.

И вот на городецких мелях, там, где застревал пассажирский пароход, сейчас широко раскинулась стройка Горьковской гидроэлектрической станции. На фоне весеннего неба рисуются серо-зеленые башни автоматических бетонных заводов. Черные паровозные дымы окутывают стальные опоры высоковольтных электрических передач. В тихих заводях, защищенных песчаными намывами, стоят земснаряды; эти корабли-строители намывают плотины, прокладывают обводный канал. До середины реки, пересекая острова и протоки, выдвинулись, как крепостные стены, земляные перемычки. Под их защитой, в укрытиях из шпунтовых стен, выросли мачты кранов и зеленоватая громада бетонной плотины.

Ночью в котловане.

«Морская река»

В прошлом на всей Волге было единственное гидротехническое сооружение — так называемый бейшлот, крохотная плотинка, возведенная вблизи истоков реки. Теперь в ее верхнем течении сооружены мощные гидроузлы, образовавшие первые ступени волжского каскада.

Каждый, кто плывет летом на теплоходе из Москвы в Ростов-на-Дону, покинув канал имени Москвы, видит привольно раскинувшееся Московское море, плотину и здание Иваньковской ГЭС. Это первая ступень волжского каскада.

Теплоход идет дальше. Перед взором путешественника проплывают закованные в бетон и камень берега и сооружения Угличской ГЭС. Это вторая ступень каскада. Наконец открываются неоглядные просторы величайшего на планете искусственного Рыбинского моря. Его воды приводят в движение машины Щербаковской гидроэлектрической станции, второй по величине в Европе после Днепровской гидроцентрали имени В. И. Ленина. Щербаковский гидроузел — третья ступень каскада.

Лучший электросварщик Виктор Забытин.

О масштабах верхневолжских гидростанций можно судить хотя бы по тому, что в машинных залах Угличской и Щербаковской ГЭС установлены крупнейшие гидротурбины: диаметр их рабочего колеса равен 9 метрам.

Включенные в единое энергокольцо, три волжские гидроцентрали снабжают Москву электрической энергией, дают ток промышленности и сельскому хозяйству, приводят в движение шлюзы и освещают путь кораблям.

План великого волжского каскада предусматривает создание серии гидроузлов по всему течению реки.

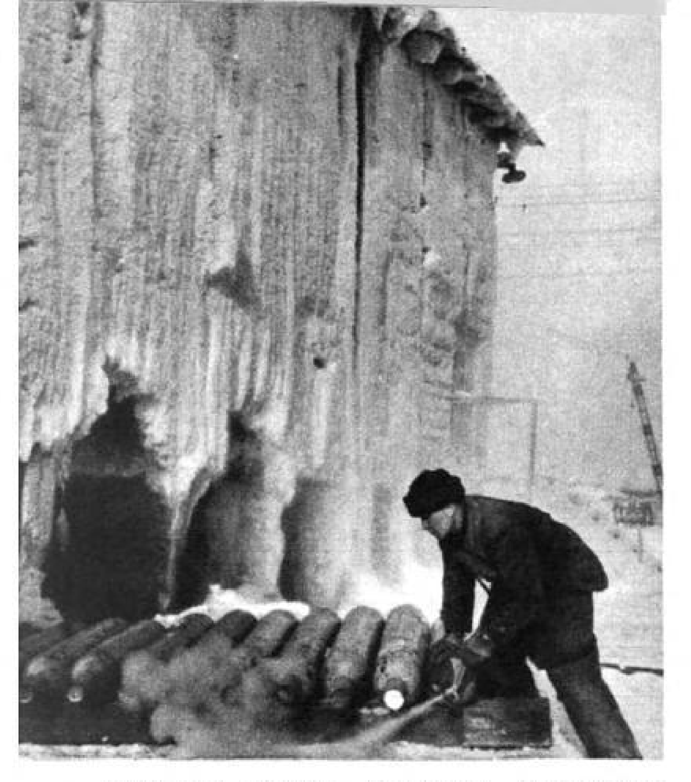
Сооружается Горьковская ГЭС. Плотины общей длиной свыше 18 километров образуют Горьковское море, которое подойдет к Щербаковскому гидроузлу и как бы примкнет к Рыбинскому морю, открывая тем самым новые глубоководные трассы.

По решению XIX съезда Коммунистической партии Советского Союза скоро начнется сооружение Чебоксарской ГЭС — пятой ступени каскада. Воды Чебоксарского моря подойдут к плотине Горьковской ГЭС, «подопрут» ее со стороны нижнего бьефа. Когда будет готова Куйбышевская ГЭС и ее гигантская плотина в Жигулях соберет массу воды, она разольется морем и подойдет к стенам Казани и Чебоксар. Куйбышевскую плотину несколько позже «подопрет» Сталинградское море.

После сооружения нескольких гидроузлов Большая Волга превратится в «морскую реку», станет как бы сплошным морем. В то же время она превратится в невиданный, не имеющий себе равных «комбинат электрической энергии».

«Полигон новшеств»

Есть на Волге место, с которого особенно хорошо видна вся стройка. Это Край, набережная на высоком, гористом берегу древнего Городца. Какая ширь, какой простор открывается взору с высоты! И в этом просторе, наполненном весенним шумом, предстают

Ледяными стенами поднялась морозильная установка.

плотины, перемычки, шлюзы, бетонные заводы, краны, экскаваторы, караваны машин. На низком песчаном берегу среди тальников и ракит белеют каменные дома поселка энергетиков — Заволжья. Его собрат, такой же ясный и четкий городок, расположился на другом, гористом берегу.

С Края увидишь древний земляной вал, заросший соснами, обомшелую кирпичную часовню, столетние звонницы с ласточкиными гнездами, сводчатые палаты и узенькие улочки. А на другом берегу, за лесами и торфяными болотами, виден окутанный клубами пара балахнинский гигант бумажной промышленности. Над ним возвышается Балахнинская тепловая электрическая станция, построенная по ленинскому плану ГОЭЛРО.

И тут же видишь — огромная стройка новой, Горьковской гидроэлектрической станции. Берега Волги словно перекликаются здесь, говоря о славной истории и о нашем сегодняшнем дне.

Когда строили Балахнинскую ГРЭС, многие полагали, что вот выгорят торфяные болота, станция «выпьет» Волгу, и она пересохнет совсем.

Возникал в те годы естественный вопрос: почему на берегу Волги нужно строить станцию на торфе, а не использовать самую реку? Объяснения были такие: нет такого количества бетона, нет таких больших турбин, нет специалистов, не изучены геологические условия. Иные считали, что нет смысла строить гидростанцию, так как Волга мелеет...

И вот стройка наших дней. К концу года ГЭС даст ток, через шлюз № 13 пойдут суда. В планах Горьковская ГЭС уже значится как «пусковой объект».

— Начиная с тридцать первого года,— говорит начальник строительства Д. М. Юринов,— на Волге, от Балахны до Пучежа, проводились большие изыскательские работы. Из тринадцати предложенных створов, иначе говоря, мест строительства плотины, был избран Городецкий створ.

Юринов развертывает на столе план стройки, ведет по нему острием карандаша от одного берега к другому и поясняет, где и какие встретились геологические «сюрпризы». Около правого берега карандаш описывает сложную кривую: здесь предстояло отрывать котлован, но на большой глубине залегали так называемые сарминские пески, ненавистные всем строителям. Особенность этих песков в том, что они жадно впитывают воду и вместе с ней могут быть унесены.

Чего только не предлагали проектировщики и строители для борьбы с сарминскими песками! Но вот пришла мысль — использовать искусственный холод. В таких масштабах замораживание никогда ранее не применялось.

...Густые морозные облака висят над металлическими батареями змеевиков. На фоне весеннего неба вырастают снежные стены. Никогда не тающие сосульки сверкают, как сталактиты. Сквозь гул стройки доносится монотонный шум низвергающихся потоков воды в охлаждающих устройствах.

Даже в самые лютые холода трубы морозильной установки выделяются неестественной густотой обледенения и толщиной своих серебристых «шуб». На теплом весеннем солнце они не утратили сейчас ни мохнатого инея, ни ледяных наростов, ни сосульчатых «гребенок». Заходим в компрессорную. Среди затканных густым инеем труб, фланцев, муфт видны мощные компрессоры. Они работают круглые сутки, непрерывно подавая в трубопроводы, защищенные от солнца и воздуха деревянными галереями, специальный раствор, охлаждающий грунт.

Прежде чем отправиться в путешествие по этим галереям, начальник установки Сергей Ивонтьев предлагает нам надеть зеленоватого цвета прорезиненные костюмы и каски: так одеваются здесь работники морозильной установки. Входим в галерею. По ней можно шагать во весь рост, не нагибая головы. Далеко вперед уходят сверкающие ледяными бриллиантами ленты трубопроводов. Через ровные промежутки от толстых труб ответвляются трубочки, питающие рассолом особые колонки, погруженные в грунт. Где стоит колонка, там поблескивает стеклом термометр.

— Мы подаем раствор на глубину до шестнадцати метров, и там, под землей, вокруг колонок, образуются ледяные стены весьма значительной толщины, — говорит Ивонтьев. — Грунт смерзается настолько прочно, что его не могут пробить ни подпочвенные воды, ни плывуны. Под защитой ледяных стен в котловане спокойно кладут бетон.

Люди смелой мысли, воли и натиска, сражаясь с плывунами, сарминскими песками, подпочвенными водами, превратили свою стройку в своеобразный «полигон новшеств». Здесь впервые был испытан вибромолот Д. Баркана, за который он получил впоследствии Сталинскую премию. Здесь осваивались эжекторные иглофильтры. Инженер В. Платонов испытал на Горьковской ГЭС свой метод безэстакадного намыва земляных плотин.

Всю зиму — в метели и в морозы, среди льдов — работали на стройке земснаряды. Они прокладывали канал, по которому пойдут суда во время перекрытия Волги. Флот земснарядов возглавил знаменитый корабль-строитель № 306, прибывший сюда с Волго-Дона. Так славные традиции одной стройки умножаются на другой.

На дне будущего моря

Цифры. Карты. Схемы. Все они говорят об одном — плотина преградит Волгу, «запрет» ее воды, и они разольются морем почти на полтысячи километров в длину и на десятки километров в ширину. Дно будущего моря готовится к приему воды. Переселяют десятки деревень и сел, строят защитные валы для ограждения городов и поселков, вырубают леса, кустарники, возводят новые порты, пристани.

Мы отправляемся в путь по дну будущего моря. В низине, насколько охватывает глаз, бесчисленные поленницы дров: лес вырубили, дрова ждут отгрузки. Проезжаем по пустынным улицам бывших деревень Бебрихова, Опалихи, Юга — большинство изб разобрано и по бревнышку отвезено на новые места. Одиноко темнеют печные трубы. Ветер гонит золу.

Логами подъезжаем к Чкаловску. На «подступах» к городу видим новый судоремонтный завод, построенный вдали от Волги: вода придет к нему. В Чкаловске осматриваем Дом-музей Валерия Павловича Чкалова. Уже изготовлены специальные тракторные тележки, на которых музейный домик и ангар перевезут на новое место: море подойдет к домику, в котором родился и жил великий летчик.

В Катунках, в приречной части, разобраны все каменные здания, вырубаются ветлы, разбираются бревенчатые дома. Из затопляемой части жители уже переселились на гору — там выросли новые Катунки. С помощью государства катунчане построили улицы Маяковского, Байдукова, разбивают скверы, сады.

Сокольское, Пучеж, Юрьевец... Всюду тысячи людей заняты переселением из зоны затопления. Геодезисты прочерчивают новые улицы. В Юрьевце часть города, примыкающая к морю, защищается от воды высокой земляной дамбой. Такая же дамба строится для защиты Костромы. Длина этих сооружений превысит десятки километров.

Много хлопот доставили строителям знаменитые высокоудойные караваевские коровы. Куда девать фермы? Где пасти коров? Какая судьба ждет замечательный совхоз? Решено защитить луга, и фермы, и весь совхоз от моря огромной дамбой и сохранить чудесный центр животноводства на старом месте.

...Когда пролетаешь на самолете над дном будущего моря, невольно обращаешь взгляд на то место, где 22 апреля 1951 года, в годовщину со дня рождения Владимира Ильича Ленина, был уложен первый бетон в основание Горьковской ГЭС. Над займищами поднялись густые строительные леса. Воложки и ерики разрезаны мощными плотинами. Наполовину прегражденная стеной, Волга ждет дня, когда весь ее могучий поток, собранный в море, будет вращать турбины.

Поселок строителей Заволжье.

Ворота на целину

Открылось регулярное движение поездов на Кулунду.

Железнодорожную станцию Алтайская называют воротами на целину: круглые сутки проходят через нее маршруты с тракторами, сеялками, самоходными комбайнами, горючим, лесом, удобрением. Вереницей идут поезда с добровольцами.

Порою кажется, что находишься недалеко от Москвы: по перрону ходят москвичи, на платформах московские автобусы и машины. Но погода здесь сугубо сибирская: до середины апреля лежали глубокие снега, в степях бушевали метели. Когда в Москве устанавливалась теплая погода, через Алтайскую прошел мощный снегоочиститель. Стальными ножами прорезал он сугробы, сбрасывал с путей снег и ледяной наст.

Алтайская существует давно, но еще полгода назад она была станцией второго класса. Теперь это настоящий транспортный узел. Отсюда мчатся поезда в Кулундинскую степь, в сторону Рубцовска, на Бийск, к Новосибирску. Весь этот могучий поток людей и грузов потребовал реконструкции узла и оснащения его новой техникой. Алтайская наших дней полностью радиофицирована, здесь введена полуавтоматическая блокировка, проложены десятки пристанционных путей.

Железнодорожники узла завоевали первенство среди всех станций железных дорог страны, они получили поздравительную телеграмму от министра путей сообщения СССР.

Войдем в кабинет маневрового диспетчера. Из окон виден эшелон с уральскими тракторами. Диспетчер Н. И. Шуваев отмечает на бумажном полотнище графика движение эшелона. Прибывает окутанный густыми облаками дыма и пара состав с красноярскими самоходными комбайнами. За ним, сияя зеркальными стеклами, врывается из степей пассажирский поезд. Слышатся песни, музыка: с берегов Невы едут на целинные земли добровольцы. Шуваев узнает, что с соседней станции вышел маршрут с горючим для алтайских МТС. Тотчас он связывается с дежурным по станции П. И. Кравченко, и поезд проходит по «зеленой улице».

Особенно большую нагрузку стала испытывать Алтайская в апреле. Здесь было открыто регулярное движение по новой линии Южсиба: Барнаул — Кулунда. Перед локомотивами пролегла прямая и кратчайшая дорога к основным массивам целинных земель Алтая.

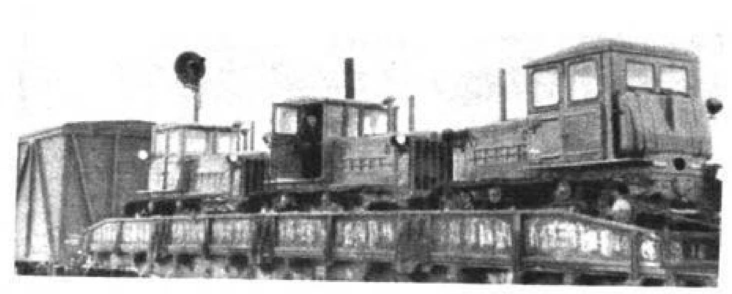
Едем по новому стальному пути. Позади остаются Алтайская, Барнаул, мелькают уже отстроенные станции, разъезды, полустанки. Куда ни глянь, степь без конца и края. И вся эта степь — золотая нетронутая целина.

Новая железнодорожная линия прорезает бо́льшую часть всех целинных и залежных массивов Алтайского края. С первого дня по этой дороге на Кулунду устремились грузовые эшелоны, тысячи новоселов.

Почти на каждом разъезде и станции от эшелонов отцепляют платформы и вагоны с тракторами, удобрениями, разборными домиками, станками. Из вагонов пассажирских поездов выходят новоселы — трактористы, слесари, инженеры, врачи, ветеринары, агрономы и учителя.

Е. РЯБЧИКОВ

Алтайская—Кулунда.

Движутся маршруты с грузами для целинных земель.

Фото А. Гостева.

У озера Разлив

Живописный дачный поселок Разлив находится совсем близко от Ленинграда. Туда можно добраться электричкой или автобусом.

Вблизи озера, в небольшой ложбине, среди высоких деревьев стоит деревянный сарай. На чердаке этого сарая в июле 1917 года скрывался от преследования ищеек Временного правительства Владимир Ильич Ленин. Убежище Ильича, превращенное после Великого Октября в музей, посетили сотни тысяч советских людей и зарубежные гости.

Деревянное здание, построенное свыше полувека назад, обветшало: почвенные воды разрушали основание сарая, загнивали доски, портились стены. Надо было сохранить драгоценный памятник на долгие годы в первоначальном виде. Этой работой занялись реставрационные мастерские Государственного Эрмитажа.

Сарай приподняли и подвели под него цементную подушку. Крышу, чердак, стропила, перегородки, окна, двери пропитали синтетическими смолами, растворенными в спирте и бензоле. Теперь дереву не страшны ни влага, ни жучки-вредители.

Открываем калитку зеленого палисадника. Ранним весенним утром сюда пришли ученики местной школы. Входим в помещение. В двух крохотных комнатках размещены музейные экспонаты.

От печи, вверх к чердаку, тянется деревянная лестница. Дверки чердака открыты настежь, и в просвете видна подлинная обстановка тех дней, когда здесь жил Ленин. На бревне висят рыбацкие сети, в углу лежит свежее сено. Посредине чердака — стол, за которым работал Владимир Ильич, рядом два стула.

В нескольких шагах от сарая большой пруд. Он протоком соединяется с озером Разлив. Когда жить в сарае стало опасно, Ленин на лодке переехал за озеро. Там, на поляне, он жил в шалаше из ветвей.

К. ЧЕРЕВКОВ

Фото Н. Ананьева.

Дома для новоселов

Сборный восьмиквартирный дом.

Фото Б. Визуль.

Невдалеке от города металлургов, на берегу красавицы Чусовой, раскинулись цехи Ляминского домостроительного комбината. Сюда ежегодно сплавляется более 150 тысяч кубометров леса. Быстроходные пилорамы превращают его в доски различной толщины, из которых изготовляют детали для сборных домов. Сотни таких домов общей жилой площадью около 100 тысяч квадратных метров выпускают в год ляминские домостроители.

В предмайские дни работники комбината строят и отправляют сборные дома для новоселов целинных земель. За один месяц для механизаторов Сибири и Казахстана построено и отгружено 121 одноэтажных и 15 двухэтажных сборных каркасных и каркасно-щитовых зданий.

Директор комбината Николай Иванович Скоробогатов рассказывает:

— Для сельских механизаторов мы изготовляем одноквартирные трехкомнатные дома, а также дома на две и восемь квартир, которые отличаются простотой сборки: для того, чтобы собрать из готовых деталей трехкомнатный дом, бригаде в шесть человек требуется не более десяти дней. Каркасно-щитовой восьмиквартирный дом двенадцать рабочих могут собрать в течение месяца. Для удобства сборки к комплекту деталей дома прилагается альбом с монтажными чертежами.

В квартире общей площадью в 54 квадратных метра 3 комнаты, кухня, прихожая, кладовая. Здесь же устанавливается специальный котел для отопления. Помимо водяного отопления квартиры будут иметь также и печи. Дома, которые мы отправляем для механизаторов Сибири и северных районов Казахстана, снабжены дополнительными утеплителями. Домостроители позаботились о том, чтобы в суровую сибирскую зиму жильцам не были страшны морозы. Мы готовимся к тому, чтобы вместе со сборным домом отправлять и комплект мебели для него; уже изготовлены образцы: раздвижные столы, тумбочки, стулья, вешалки...

Многие деревянные конструкции имеют необычный красноватый оттенок. Они пропитаны специальным антисептическим раствором, предохраняющим дерево от гниения.

А. ГРИГОРЬЕВ

Золотые руки

В Москве, на Дербеневской набережной, недалеко от Павелецкого вокзала, есть небольшой сквер. Летом на его клумбах расцветают цветы, зеленеют деревья и кустарники, желтеют посыпанные песком дорожки... Скверу этому всего три года. На его месте был унылый, замусоренный пустырь, который поначалу обескуражил автора проекта будущего сквера Иветту Зах, ученицу 7-го класса, члена кружка «Золотые руки».

Восемь лет существует этот кружок. Им руководят Матильда Октавиановна и Леонид Николаевич Ильинские. Леонид Николаевич — архитектор, а его жена — художница.

Дружба между ребятами и Ильинскими началась с того, что Ильинские решили посадить во дворе своего дома по Новокузнецкому переулку сад. Самое активное участие в этом приняли дети. Они расчищали дорожки, носили землю и камни, ребята постарше поливали рассаду.

Наступившая осень, а затем зима не нарушили завязавшейся дружбы. Как-то Ильинские предложили детям встречаться по воскресеньям и всем вместе рисовать. Так возник кружок «Золотые руки».

Начали с того, что рисовали сады и скверы такими, какими сами ребята хотели видеть их у себя во дворах и на улице.

Многие проекты ребят были выполнены. Местное отделение ДОСОМ (Добровольное общество содействия озеленению Москвы) с большим сочувствием отнеслось к этому начинанию, предоставило рассаду, цветы, семена. Не один двор в своем, да и в других районах благоустроили ребята. Затем райисполком предложил им подготовить проект сквера. Каждый разработал свой проект, один другого интереснее. Из двенадцати проектов самими же кружковцами был выбран тот, который принадлежал Иветте Зах.

Полтора часа в неделю, по воскресеньям, у Ильинских проводит малышовая группа. Весной и летом ребята окучивают деревья, полют сорняки.

Старшая группа — в нее входят школьники 4—7-го классов — занимается тоже по воскресеньям. От проектов садов, скверов, улиц ребята перешли уже к более трудным, но и более увлекательным занятиям. Научившись под руководством Леонида Николаевича чертить и получив элементарные знания архитектуры, они теперь могут создавать заманчивые проекты будущих зданий. Вот уже 6 месяцев кружковцы трудятся над проектом будущего кинотеатра для детей. Такого, какого нет еще нигде!

Занимается кружок «Золотые руки». Среди ребят Леонид Николаевич и Матильда Октавиановна Ильинские.

Фото Р. Лихач.

Разработка проектов совмещается с сугубо практической работой. Ближайшая и насущная задача — озеленить свой квартал. Проект — вот он. Его с гордостью показывают и рассказывают о нем. То, что нарисовано яркими красками, — это уже сделано. Последнее — то, что предстоит сделать.

Кружковцы уверены, что скоро их квартал будет самым веселым, самым зеленым в районе.

Т. ТРОИЦКАЯ

Памяти И. Арамилева

Умер писатель Иван Андреевич Арамилев — человек большого сердца, жизнелюб, живописец щедрой русской природы, певец неустанного труда простого, рабочего человека.

Сломленный тяжелым недугом, ушел от нас деятельный, строгий художник, с завидной зоркостью умевший разгадать самую суть человеческой души в ее единении с неописуемыми богатствами родной природы, владевший даром задушевного, поэтического слова.

Арамилев пришел в литературу из самых глубин народных.

Будучи сначала хлеборобом в глухой деревне северо-западного Урала, затем охотником-промысловиком, затем сплавщиком на Каме, затем рядовым в первую мировую войну и в войну гражданскую, дважды раненный, Арамилев учится в Московском университете и, наконец, становится преподавателем русского языка и литературы на рабфаке и в техникуме.

Все книги Арамилева: «В дыму войны» (1930), «Юность Матвея» (1941), сборники рассказов «Не щадя жизни» (1942), «Путешествие на Кульдур» (1947), «Охотничьи рассказы» (1948), «Рассказы охотника» (1949 и 1951), «На охотничьей тропе» (детские рассказы, 1951) — это живая, мужественная летопись рождения и становления новой, советской жизни, правдивая повесть о характере русского труженика, раскрепощенного и вдохновленного великими идеями коммунизма.

Неутомимый патриот и храбрый воин, Арамилев в годы Великой Отечественной войны, уже пожилой, находится в рядах действующей Советской Армии в качестве специального корреспондента газет «Красный воин» и «Красноармейская правда».

Прикованный к постели, лишенный возможности не только ездить по стране, но и дышать свежим воздухом Подмосковья, Арамилев, используя огромный запас жизненных наблюдений, пишет рассказы «На острове Лебяжьем», «Пережиток» и «Берендей».

Превозмогая физические страдания, он до последних дней своей благородной, стоической жизни не выпускал из рук пера, поражая близко знавших его людей жаждой деятельности, трудился как беллетрист, как критик и как наставник молодых.

Вне труда и вне забот трудно было увидеть этого человека!

Скончался верный сын Родины, верный друг молодых и старых писателей, умный собеседник читателя, художник, произведения которого долго будут пользоваться любовью народной.

Сергей ВАСИЛЬЕВ

СЕССИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

В перерыве между заседаниями. Слева направо: академик А. Е. Корнейчук, вице-президент Академии наук Армянской ССР М. Г. Нерсисян и академик А. М. Панкратова.

Фото Г. Санько.

12 апреля в актовом зале Московского государственного университета на Ленинских горах открылась сессия Академии наук СССР, посвященная 300-летию воссоединения Украины с Россией.

Вступительное слово произнес президент Академии наук СССР академик А. Н. Несмеянов. Он отметил многовековые связи между русским и украинским народами, глубокую общность в развитии культуры и науки обоих братских народов и указал, как много ценного внесли в сокровищницу науки ученые Украины.

Слово было предоставлено президенту Академии наук УССР академику А. В. Палладину. С большим вниманием был прослушан доклад о великом содружестве народов и ученых Украины с русским народом и его деятелями культуры и науки.

Старейшая из республиканских академий наук — Украинская, созданная в 1919 году и руководимая вначале выдающимся русским ученым академиком В. И. Вернадским,— опубликовала 2 500 трудов. Экземпляры этих книг были принесены в дар Академии наук СССР вместе с мраморным бюстом Чернышевского работы украинского скульптора.

Затем собрание заслушало доклады: академика А. М. Панкратовой на тему «Историческое значение воссоединения Украины с Россией» и А. М. Румянцева «Экономическое сотрудничество украинского и русского народов».

На последующие заседания по отделениям академии представлено 26 докладов украинских и русских ученых.

Н. ЩЕРБИНОВСКИЙ

Мать одиннадцати детей

Анеля Винцентовна, Казимир Казимирович Войтунь и их дети. На снимке нет только старшей дочери, Марии.

Фото Л. Васютинской.

В семье родился одиннадцатый ребенок. Мать-героиня Анеля Винцентовна Войтунь, как только ей позволили вернуться домой, весело была встречена большой дружной семьей. Радовались все: и муж Казимир Казимирович Войтунь, и старшая дочь, Мария, и трехлетняя Тереза, которая отныне перестала быть самой младшей в семье.

Поздним вечером, когда утих многоголосый хор в доме, Казимир Казимирович и Анеля Винцентовна сидели вдвоем, негромко беседуя.

— Смотри, мать, еще один рот в семье появился, да какой, тринадцатый, а это не печалит нас. Вот как жизнь сложилась!

Не к чему было вспоминать им в такой вечер прошлое, но если бы пришло желание, какие тяжелые картины возникли бы в памяти!

Поздняя осень 1932 года... Обреченные на голод, десятки тысяч крестьян панской Польши бросали родные села и уходили в города. Собрав последние гроши, приехали во Львов двадцатичетырехлетний Казимир Войтунь и его молодая жена Анеля с грудным ребенком. Где-то в этом городе жила ее старшая сестра. Адреса Анеля не знала, потому что писем они никогда не писали друг другу: обе были неграмотны. Нелегко оказалось разыскать сестру, но и разыскав, молодые люди особой радости не испытали: львовские родственники жили всемером в подвальной комнатушке. Пришлось поселиться в другой комнате, тоже полутемной и сырой.

Казимиру с трудом удавалось время от времени находить работу, Анеля надрывалась над корытом, стирая чужое белье.

Первый луч света проник в их жизнь осенью 1939 года, когда Львов стал советским городом. По соседству поселился советский офицер Коваленко, и две семьи сдружились. Казимир получил работу, Анеля все свое время отдавала заботе о малышах.

Война... Жена Коваленко с детьми не успела эвакуироваться, и Войтунь, рискуя жизнью, прятали их у себя.

Наступил счастливый час освобождения. Вскоре Анеля Винцентовна начала получать государственное пособие на детей.

В августе 1950 года в семье Войтунь родился десятый ребенок. Анеле Винцентовне присвоили почетное звание «Мать-героиня». Государство выплатило ей свыше 30 тысяч рублей пособия.

...Большой и хлопотливый день закончен. В квартире воцарилась тишина.

Прежде чем лечь в постель, мать склоняется над колыбелью самого младшего ребенка. Он безмятежно улыбается во сне. Улыбка трогает губы матери.

— Иди спать, мама,— раздается с соседней кровати голос проснувшегося Янека.

— Иду, иду, сынок! — тихо отвечает мать.

Златослава КАМЕНКОВИЧ

Пять чемпионов

Движение боксеров к финалу похоже на бег со многими препятствиями. Спортсмен не имеет права ни разу «споткнуться» — проиграть,— это лишает его права участвовать в решающем бое.

В первой половине личного первенства СССР участвовали боксеры пяти весовых категорий. Таким образом, только пять спортсменов могли закончить нелегкий путь без поражений. Кому же это удастся? Этот вопрос задавали себе многочисленные любители бокса, следившие за ходом борьбы 160 сильнейших боксеров страны. И вот пришел день финалов.

8 апреля московский цирк смог вместить под своим куполом только две тысячи человек, незначительную часть тех, кто хотел бы видеть решающие схватки. На ринге первая пара финалистов — боксеры наилегчайшего веса: пятикратный чемпион страны А. Булаков и мастер спорта Н. Белых, занявший на прошлогоднем первенстве второе место.

Преимущество в опыте и мастерстве было явно на стороне Булакова, но Белых смело начал атаку и продолжал наступать. Однако чемпион страны быстро определил правильную тактику. Он контратаковал своего противника, встречая его быстрыми и точными ударами, и снова закрепил за собой всесоюзное первенство.

Судьба первого места в полулегком весе была фактически решена еще в полуфинале, когда на ринге сошлись давние соперники — прошлогодний чемпион страны Ю. Соколов и А. Засухин. Эти спортсмены впервые встретились, когда выступали еще в разряде юношей, и с того времени между ними продолжается напряженный спортивный спор: кто сильнее. Последний бой, пожалуй, самый яркий и интересный бой нынешнего первенства, закончился победой А. Засухина. И в финале этот сильный боксер легко победил своего девятнадцатилетнего противника Л. Ангуладзе.

Чемпионом страны в первом полусреднем весе стал спортсмен первого разряда В. Черкасов, выигравший у Е. Мельчина, а в первом среднем весе титул чемпиона завоевал перворазрядник Р. Карпов. Его противник, один из самых сильных боксеров в этой весовой категории, мастер спорта Г. Дарбайсели, был дисквалифицирован в третьем раунде за удар головой.

И вот на ринге последняя пара — боксеры полутяжелого веса Я. Ланцерс, победивший в полуфинале А. Перова, и Л. Сенькин, молодой спортсмен, всего четыре года занимающийся боксом и имеющий в своем боевом списке только 32 боя. Добившись победы по очкам, Л. Сенькин впервые стал чемпионом страны.

В. ВИКТОРОВ

ПОДНЯТАЯ ЦЕЛИНА

Главы из 2-й книги романа

Мих. ШОЛОХОВ

Рисунки О. Верейского.

Тоска по физическому труду угнетала Давыдова. Все его здоровое, сильное тело жадно просило работы, такой работы, от которой к вечеру бы в тяжелом и сладком изнеможении ныли все мускулы, а ночью вместе с желанным отдыхом немедля бы приходил и легкий, без сновидений сон.

Однажды Давыдов зашел в кузницу проверить, как подвигается ремонт обобществленных лобогреек. Кисло-горький запах раскаленного железа и жженого угля, певучий звон наковальни и старчески хриплые, жалующиеся вздохи древнего меха повергли его в трепет. Несколько минут он молча стоял в полутемной кузнице, блаженно закрыв глаза, с наслаждением вдыхая знакомые с детства, до боли знакомые запахи, а потом не выдержал искушения и взялся за молот... Два дня он проработал от зари до зари, не выходя из кузницы. Обед ему приносила хозяйка. Но какая же это к чорту работа, когда через каждые полчаса человека отрывают от дела, синея стынет в клещах поковка, ворчит старый кузнец Семеныч, а мальчишка-горновой откровенно ухмыляется, глядя, как уставшая от напряжения рука Давыдова, то и дело роняя на земляной пол карандаш, вместо разборчивых букв выводит на очередной деловой бумажке какие-то несуразные, ползущие вкривь и вкось каракули.

Плюнул Давыдов на такие условия труда и, чтобы не быть помехой Семенычу, ругаясь про себя, как матерый боцман, ушел из кузницы, мрачный, злой засел в правлении колхоза.

По сути, целые дни он тратил на разрешение обыденных, но необходимых хозяйственных вопросов: на проверку составляемых счетоводом отчетов и бесчисленных сводок, на выслушивание бригадирских докладов, на разбор различных заявлений колхозников, на производственные совещания,—словом, на все то, без чего немыслимо существование большого коллективного хозяйства и что в работе наименее всего удовлетворяло Давыдова.

Он стал плохо спать по ночам, утром просыпался с неизменной головной болью, питался кое-как и когда придется, и до вечера не покидало его ощущение незнакомого прежде, непонятного недомогания. Как-то незаметно для самого себя Давыдов чуточку опустился, в характере его появилась никогда ранее не свойственная ему раздражительность, да и внешне выглядел он далеко не таким молодцеватым и упитанным, как в первые дни после приезда в Гремячий Лог. А тут еще эта Лушка Нагульнова и постоянные мысли о ней, всякие мысли... Не в добрый час перешла ему окаянная бабенка дорогу!

Всматриваясь насмешливо прищуренными глазами в осунувшееся лицо Давыдова, Разметнов как-то сказал:

— Все худеешь, Сема? Ты с виду сейчас, как старый бык после плохой зимовки: скоро на ходу будешь ложиться, и весь ты какой-то облезлый стал, куршивый... Линяешь, что ли? А ты поменьше на наших девок заглядывайся и особенно — на разведенных жен. Тебе это дело для здоровья ужасно вредное...

— Иди ты к чорту со своими дурацкими советами!

— А ты не злись. Ведь я же любя советую.

— Вечно ты придумываешь всякие глупости, факт!

Давыдов багровел медленно, но густо. Будучи не в силах преодолеть смущение, он нескладно заговорил о чем-то постороннем. Однако Разметнов не унимался:

— Это тебя во флоте или на заводе научили так краснеть, не то чтобы одним лицом, но и всей шеей? А может, ты и всем туловом краснеешь? Сыми рубаху, я погляжу!

Только завидев недобрые искорки в помутневших глазах Давыдова, Разметнов круто изменил направление разговора, скучающе позевывая, заговорил о покосе, смотрел из-под полуопущенных век с притворной сонливостью, но шельмоватую улыбку то ли не мог, то ли попросту не хотел спрятать под белесыми усами.

Догадывался Разметнов об отношениях Давыдова и Лушки или знал об этом? Скорее всего, что знал. Ну, разумеется, знал! Да и как можно было сохранить эти отношения в тайне, если беззастенчивая Лушка не только не хотела их скрывать, а даже нарочно выставляла напоказ. Дешевенькому самолюбию Лушки, очевидно, льстило то обстоятельство, что она — отвергнутая жена секретаря партячейки — прислонилась не к рядовому колхознику, а к самому председателю колхоза, и ее не оттолкнули.

Несколько раз она выходила из правления колхоза вместе с Давыдовым, вопреки суровым хуторским обычаям брала его под руку и даже слегка прижималась плечом. Давыдов затравленно озирался, боясь увидеть Макара, но руки не отнимал, приноравливаясь к лушкиной поступи, шагал мелко, как стреноженный конь, и почему-то часто спотыкался на ровном... Нахальные хуторские ребятишки — жестокий бич влюбленных — бежали следом, всячески кривляясь, выкрикивали тонкими голосами:

Из кислого теста
Жених и невеста!

Они бешено изощрялись, без конца варьируя свое нелепое двустишие, и пока мокрый от пота Давыдов проходил с Лушкой два квартала, кляня в душе ребятишек, Лушку и свою слабохарактерность, «кислое тесто» последовательно превращалось в крутое, пресное, сдобное, сладкое и так далее. В конце концов терпение Давыдова иссякало: он мягко разжимал смуглые лушкины пальцы, крепко вцепившиеся в его локоть, говорил: «Извини, мне некогда, надо спешить» — и уходил вперед крупными шагами. Но не так-то просто было отделаться от преследования назойливых ребят. Они разделялись на две партии: одна из них оставалась изводить Лушку, другая упорно сопровождала Давыдова. Было лишь одно верное средство избавиться от преследования. Давыдов подходил к ближайшему плетню, делал вид, что выламывает хворостину, и тотчас же ребят словно ветром сдувало. Только тогда председатель колхоза оставался полновластным хозяином улицы и ее окрестностей...

Не так давно, в глухую полночь Давыдов и Лушка в упор наткнулись на сторожа ветряной мельницы, находившейся далеко в степи, за хутором. Сторож — престарелый колхозник Вершинин — лежал, укрывшись зипуном, под курганчиком старой сурчиной норы. Завидев идущую прямо на него пару, он неожиданно поднялся во весь рост, по-военному строго окликнул:

— Стой! Кто идет? — и взял на изготовку старенькое, к тому же еще незаряженное ружье.

— Свои. Это я, Вершинин! — неохотно отозвался Давыдов.

Он круто повернул назад, увлекая за собой Лушку, но Вершинин догнал их, умоляюще говоря:

— Не будет ли у вас, товарищ Давыдов, табачку хоть на одну завертку? Чисто пропадаю не куря, уши попухли!

Лушка не отвернулась, не отошла в сторону, не закрыла лица платком. Спокойно смотрела она, как торопливо отсыпает Давыдов табак из кисета, так же спокойно сказала:

— Пошли, Сема. А ты, дядя Николай, лучше воров стереги, а не тех, кто по степи любовь пасет. Не одни злые люди ночью гуляют...

Дядя Николай коротко хохотнул, фамильярно похлопал Лушку по плечу:

— Да ведь, милая Луша, ночное дело—темное: кто — любовь пасет, а кто — чужое несет. Мое дело сторожевое, окликать каждого, охранять ветряк, потому что в нем колхозный хлеб, а не кизяки. Ну, спасибо за табачок. Счастливо вам! Желаю удачи...

— На кой чорт ты ввязываешься в разговоры? Отошла бы в сторону, может, он и не узнал бы тебя,— с нескрываемым раздражением сказал Давыдов, когда они остались одни.

— Мне не шестнадцать лет, и я не девка, чтобы мне стесняться всякого старого дурака,— сухо ответила Лушка.

— Но все-таки...

— Что все-таки?

— Зачем тебе все это надо на выставку выставлять?

— Да что он мне, родный папаша или свекор?

— Не понимаю я тебя...

— А ты понатужься да пойми.

Давыдов не видел в темноте, но по голосу догадался, что Лушка улыбается. Раздосадованный ее беспечностью к своей собственной

Продолжение. См. «Огонек» № 15.

женской репутации и полным пренебрежением к приличиям, он с жаром воскликнул:

— Да пойми же, дурочка, что я о тебе беспокоюсь!

Еще суше Лушка ответила:

— Не трудись. Я как-нибудь сама. Ты о себе беспокойся.

— Я и о себе беспокоюсь.

Лушка сразу остановилась, вплотную придвинулась к Давыдову. В голосе ее зазвучало злорадное торжество:

— Вот с этого ты и начинал бы, миленочек! Ты только о себе беспокоишься, и тебе стало досадно, что именно тебя с бабой ночью в степи увидели. А дяде Николаю все равно, с кем ты по ночам блудишь.

— При чем тут блудишь? — озлился Давыдов.

— А что иначе? Дядя Николай пожил на свете и знает, что ты со мной сюда ночью пришел не ежевику собирать. И тебе стало страшно, что о тебе подумают в Гремячем добрые люди, честные колхозники, так ведь? Тебе наплевать на меня! Не со мной, так с другой ты все равно гулял бы за хутором. Но тебе и грешить хочется и в холодке, в тени хочется остаться, чтобы никто про твои блудни не знал. Вот ты какой, оказывается, жук! А так, миленочек, не бывает, чтобы всю жизнь в холодке спасаться. Эх ты, а еще матрос! Как же это у тебя так получается? Я не боюсь, а ты боишься? Выходит, что я — мужчина, а ты — баба, так, что ли?

Лушка была настроена скорее шутливо, чем воинственно, но по всему было видно, что она уязвлена поведением своего возлюбленного. Помолчав немного, презрительно поглядывая на него сбоку, она вдруг быстро сняла свою черную сатиновую юбку, сказала тоном приказа:

— Раздевайся!

— Ты спятила! Для чего это?

— Наденешь мою юбку, а я — твои штаны. Это будет по справедливости! Кто как себя ведет в этой жизненке, тому и носить то, что положено. Ну, поторапливайся!

Давыдов рассмеялся, хотя и был обижен лушкиными словами и предложенным обменом. Всеми силами сдерживая накопившееся раздражение, он тихо сказал:

— Брось озоровать, Луша! Одевайся, пойдем.

Нехотя и вяло двигаясь, Лушка надела юбку, поправила волосы, выбившиеся из-под платка, и вдруг сказала с неожиданной и глубокой тоской в голосе:

— Скучно мне с тобой, матросский тюфяк!

Тогда до самого хутора они шли, не проронив ни слова. В переулке также молча простились. Давыдов сдержанно поклонился, Лушка еле заметно кивнула головой, скрылась за калиткой, будто растаяла в густой тени старого клена...

Несколько дней они не встречались, а потом как-то утром Лушка зашла в правление колхоза, терпеливо выждала в сенях, когда уйдет последний посетитель. Давыдов хотел было закрыть дверь в свою комнату, но увидел Лушку. Она сидела на лавке, по-мужски широко расставив ноги, туго обтянув юбкой круглые колени, покусывала подсолнечные семечки и безмятежно улыбалась.

— Семечек хочешь, председатель? — спросила она смеющимся, низким голосом. Тонкие брови ее слегка шевелились, глаза смотрели с открытой лукавинкой.

— Ты почему не на прополке?

— Сейчас пойду, видишь — одетая во все будничное. Зашла сказать тебе... Приходи сегодня, как стемнеет, на выгон. Буду ждать тебя возле гумна Леоновых, знаешь, где оно?

— Знаю.

— Придешь?

Давыдов молча кивнул головой, плотно притворил дверь. Он долго сидел за столом в мрачном раздумье, подперев щеки кулаками, уставившись взглядом в одну точку. Было ему о чем подумать!

Еще до первой размолвки два раза Лушка в сумерках приходила к нему на квартиру, посидев немного, громко говорила:

— Проводи меня, Сема! На дворе темнеет, и я что-то боюсь идти одна. Ужасти, как боюсь. Я с детства ужасно пужливая, с детства напужанная темнотой...

Давыдов делал страшное лицо, указывал глазами на дощатую стенку, за которой хозяйка — старая религиозная женщина — негодующе, по-кошачьи злобно фыркала и гремела посудой, собирая мужу и Давыдову что-то на ужин. Тонкий, изощренный слух Лушки отчетливо воспринимал свистящий шепот хозяйки:

— Это она-то боится! Сатана, а не баба! Да она в потемках на том свете сама к молодому чорту ощупкой дорогу найдет и дожидаться не будет, когда он к ней припожалует. Прости, господи, мое великое согрешение! Это она-то пужливая! Напужаешь тебя темнотой, нечистого духа, как же!

Лушка только улыбалась, слушая столь нелестную для нее характеристику. Не таковская она была баба, чтобы на ее настроение повлияли наветы какой-то богомольной старухи! Чихать она хотела на эту вечно мокрогубую ханжу и чистюлю! На своем коротком замужнем веку отважной Лушке не в таких переделках приходилось бывать и не такие схватки выдерживать с гремяченскими бабами. Она отлично слышала, как хозяйка вполголоса бормотала за дверью, называя ее и беспутной и гулящей. Боже мой, да разве такие, сравнительно безобидные слова приходилось Лушке выслушивать, а еще больше говорить самой в стычках с обиженными ею женщинами, когда они лезли в драку и нападали на нее с отменными ругательствами, в слепой наивности своей полагая, что только им одним положено любить своих мужей. Во всяком случае, Лушка умела постоять за себя и всегда давала противницам должный отпор! Нет, никогда и ни при каких обстоятельствах она не терялась и за хлестким словом в карман юбки не лазила, не говоря уже о том, что еще не было в хуторе такой ревнивицы, которая сумела бы опростоволосить Лушку, сорвать с ее головы платок... Но старуху она все же решила проучить, так просто, порядка ради, руководясь одним жизненным правилом: чтобы за ней, Лушкой, всегда оставалось последнее слово.

Во второе свое посещение она на минуту задержалась в проходной хозяйской комнате, пропустив вперед Давыдова, и когда тот вышел в сени, а затем сбежал по скрипучим ступенькам крыльца, Лушка с самым невинным видом повернулась лицом к хозяйке. Лушкин расчет оказался безошибочным: старая Филимониха наспех облизала и без того влажные губы, не переводя дыхания, проговорила:

— Ну и бессовестная же ты, Лукерья, сроду я таких еще не видывала!

Лушка с величайшей скромностью потупила глаза, остановилась посреди комнаты как бы в покаянном раздумье. У нее были очень длинные, черные, будто подрисованные ресницы, и когда она опустила их, на побледневшие щеки пала густая тень.

Обманутая этим притворным смирением, Филимониха уже примиреннее зашептала:

— Ты сама подумай, бабонька, мысленное это дело тебе, замужней, ну хоть и разведенной, являться на квартиру к холостому мужчине, да еще в потемках? Какую же это совесть перед людями надо иметь, а? Опамятуйся ты, постыдись, ради Христа!

Так же тихо и елейно, в тон хозяйке Лушка ответила:

— Когда господь-бог, вседержитель наш и спаситель...— тут она выжидающе замолчала, после короткой паузы подняла недобро сверкнувшие в сумраке глаза.

Богомольная хозяйка при упоминании имени божьего тотчас же набожно склонила голову, стала торопливо креститься; вот тогда-то Лушка и закончила торжествующе, но уже голосом по-мужски грубым и жестким:

— Когда бог раздавал людям совесть, делил ее на паи, меня дома не было, я на игрищах была, с парнями гуляла, целовалась-миловалась. Вот и не досталось мне при дележе ни кусочка этой самой совести, поняла? Ну, чего ты рот раскрыла и никак его не закроешь? А теперь вот тебе мой наказ: пока твой квартирант не придет домой, пока он со мной будет мучиться,— молись за нас, грешных, старая кобыла!

Лушка величаво вышла, не удостоив ошеломленную, онемевшую, уничтоженную вконец хозяйку даже презрительным взглядом. Ожидавший ее у крыльца Давыдов настороженно спросил:

— О чем вы там, Луша?

— Все больше о божественном,— тихонечко смеясь и прижимаясь к Давыдову, ответила Лушка, усвоившая у бывшего мужа манеру отделываться шуткой от нежелательного разговора.

— Нет, серьезно, что она там шептала? Не обидела она тебя?

— Меня обидеть у нее просто возможностев никаких нету, не под силу ей это дело. А шипела она из ревности: ко мне тебя ревнует, мой щербатенький! — снова отшутилась Лушка.

— Подозревает она нас, факт! — Давыдов сокрушенно помотал головой.— Не надо было тебе приходить ко мне, вот в чем дело!

— Старухи испугался?

— Чего ради?

— Ну, а если ты такой парень-отвага, так нечего об этом и речей терять!

Трудно было убедить в чем-либо своенравную и взбалмошную Лушку. А Давыдов, как молнией ослепленный внезапно подкравшимся большим чувством, уже не раз и всерьез подумывал о том, что надо объясниться с Макаром и жениться на Лушке, чтобы в конце концов выйти из того ложного положения, в котором он сам себя поставил, и тем самым прекратить всякие, могущие возникнуть на его счет пересуды. «Я ее перевоспитаю! У меня она не очень-то попляшет и оставит всякие свои фокусы! Вовлеку ее в общественную работу, упрошу или заставлю заняться самообразованием. Из нее будет толк, уж это факт! Она неглупая женщина, а вспыльчивость ее кончится, отучу пылить! Я — не Макар, у них с Макаром коса камень резала, а у меня не тот характер, я другой подход к ней найду»,— так, явно переоценивая свои и лушкины возможности, самонадеянно думал Давыдов.

В тот день, когда они условились встретиться возле леоновского гумна, Давыдов уже с обеда начал посматривать на часы. Велико же было его изумление, перешедшее затем в ярость, когда за час до условленной встречи он услышал и распознал легкую лушкину поступь по крыльцу, а затем ее звонкий голос:

— Товарищ Давыдов у себя?

Ни хозяйка, ни старик ее, как раз в это время находившийся дома, ничего не ответили. Давыдов схватил кепку, ринулся к двери и лицом к лицу столкнулся с улыбающейся Лушкой. Она посторонилась. Молча они вышли за калитку.

— Мне эти игрушки не нравятся! — грубо сказал Давыдов и даже кулаки сжал, задыхаясь от гнева.— Зачем ты явилась сюда? Где мы с тобой уговаривались встретиться? Отвечай же, чорт тебя возьми!..

— Ты что на меня кричишь? Кто я тебе — жена или кучер твой? — в свою очередь спросила не потерявшая самообладания Лушка.

— Оставь! Я вовсе не кричу, а спрашиваю.

Лушка пожала плечами, издевательски спокойно проговорила:

— Ну, если спрашиваешь без крика,— тогда другое дело. Соскучилась, вот и пришла раньше времени. Ты, небось, рад и доволен?

— Какой чорт, «доволен»! Ведь теперь моя хозяйка будет трепаться по всему хутору! Что ты ей наговорила в прошлый раз, что она на меня и не смотрит, а только кудахчет и кормит какой-то дрянью вместо обыкновенных щей? О божественном говорили? Хорошенький божественный разговор, если она при одном слове о тебе начинает икать и синеет, как утопленник! Это факт, я тебе говорю!

Лушка расхохоталась так молодо и безудержно, что у Давыдова невольно смягчилось сердце. Но на этот раз он вовсе не склонен был веселиться, и когда Лушка, глядя на него смеющимися и мокрыми от слез глазами, переспросила:

— Так, говоришь, икает и синеет? Так ей и надо, богомолке! Пускай не сует нос не в свое дело. Подумаешь, подряд она взяла следить за моим поведением!

Давыдов холодно прервал ее:

— Тебе все равно, что она будет распространять о нас по хутору?

— Лишь бы ей это занятие на здоровье шло,— беспечно ответила Лушка.

— Если тебе это безразлично, то мне далеко не безразлично, факт! Хватит тебе валять дурочку и выставлять напоказ наши отношения! Давай я завтра же поговорю с Макаром,

и мы с тобой либо поженимся, либо — горшок об горшок и врозь. Не могу я жить так, чтобы на меня пальцами указывали: вон, мол, идет председатель — лушкин ухажер. А вот таким своим наглядным поведением ты в корне подрываешь мой авторитет, понятно тебе?

Вспыхнув, Лушка с силой оттолкнула Давыдова, проговорила сквозь зубы:

— Тоже мне, жених нашелся! Да на чорта ты мне нужен, такой трус слюнявый? Так я за тебя и пошла замуж, держи карман шире! Ты по хутору со мной вместе стесняешься пройти, а туда же, «давай поженимся»! Всего-то он боится, на всех оглядывается, от ребятишек и то шарахается, как полоумный. Ну, и ступай со своим авторитетом на выгон, за леоновское гумно, валяйся там на траве один, кацап несчастный! Думала, что ты человек как человек, а ты вроде Макарки моего: у того одна мировая революция на уме, а у тебя — авторитет. Да с вами любая баба от тоски подохнет!

Лушка немного помолчала и вдруг сказала неожиданно ласковым, дрогнувшим от волнения голосом:

— Прощай, мой Сема!

Несколько секунд она стояла как бы в нерешительности, а потом быстро повернулась, пошла скорым шагом по переулку.

— Луша! — приглушенно позвал Давыдов.

За поворотом, как искра, сверкнула белая лушкина косынка и погасла в темноте. Проводя рукою по загоревшемуся отчего-то лицу, Давыдов стоял неподвижно, растерянно улыбался, думал: «Вот тебе и нашел время сделать предложение! Вот тебе и женился, орясина, факт!»

* * *

Размолвка оказалась нешуточной. Да, по сути, это была уже не размолвка и даже не ссора, а нечто похожее на разрыв. Лушка упорно избегала встреч с Давыдовым. Вскоре он переменил квартиру, но и это обстоятельство, несомненно ставшее известным Лушке, не толкнуло ее на примирение.

«Ну, и чорт с ней, если она такая психологическая!» — со злобою думал Давыдов, окончательно потеряв надежду увидеть свою любушку где-нибудь наедине. Но что-то уж очень горько щемило у него сердце, а на душе было сумрачно и непогоже, как в дождливый октябрьский день. Как видно, за короткий срок сумела Лушка найти прямую тропинку к бесхитростному и не закаленному в любовных испытаниях сердцу Давыдова...

Правда, в намечавшемся разрыве были и свои положительные стороны: во-первых, тогда отпадала бы необходимость идти на тяжелое объяснение с Макаром Нагульновым, а во-вторых, с той поры уже ничто не грозило бы железному авторитету Давыдова, несколько поколебленному его до некоторой степени безнравственным поведением. Однако все эти благие рассуждения приносили несчастному Давыдову очень малое утешение. Стоило ему остаться наедине с самим собой, как тотчас он, сам того не замечая, уже смотрел куда-то в прошлое невидящими глазами, улыбался с задумчивой грустинкой, вспоминая милый сердцу запах лушкиных губ, всегда сухих и трепетных, постоянно меняющееся выражение ее горячих глаз.

Удивительные глаза были у Лушани Нагульновой! Когда она смотрела немного исподлобья, что-то трогательное, почти детски беспомощное сквозило в ее взгляде, и сама она в этот момент была похожа скорее на девчонку-подростка, нежели на многоопытную в жизни и любовных утехах женщину. А через минуту, легким касанием пальцев поправив всегда безупречно чистый, подсиненный платок, она вскидывала голову, смотрела уже с вызывающей насмешливостью, и тогда тускло мерцающие, недобрые глаза ее были откровенно циничны и всезнающи.

Эта способность мгновенного перевоплощения была у Лушки не изученной в совершенстве школой кокетства, а просто природным дарованием. Так, по крайней мере, казалось Давыдову. Не видел он, пораженный любовной слепотой, что возлюбленная его была особой, быть может, даже более, чем надо, самоуверенной и, несомненно, самовлюбленной. Много кое-чего не видел и не замечал Давыдов...

Однажды он, в приливе лирической влюбленности целуя слегка напомаженные лушкины щеки, сказал:

— Лушенька моя, ты у меня, как цветок! У тебя даже веснушки пахнут, факт! Знаешь, чем они пахнут?

— Чем? — спросила заинтересованная Лушка, приподнимаясь на локте.

— Какой-то свежестью, ну, вроде как росой, что ли... Ну, вот как подснежники, почти неприметно, а хорошо.

— У меня так оно и должно быть,— с достоинством и полной серьезностью заявила Лушка.

Давыдов помолчал, неприятно удивленный таким развязным самодовольством. Немного погодя спросил:

— Это почему же у тебя так и должно быть?

— Потому, что я красивая.

— Что ж, по-твоему, все красивые пахнут?

— Про всех не скажу, не знаю. Я к ним не принюхивалась. Да мне до них и дела нет, я про себя говорю, чудак. Не все же красивые бывают с конопинами, а конопушки — это веснянки, они и должны у меня пахнуть подснежниками.

— Зазнайка ты, факт! — огорченно сказал Давыдов.— Если хочешь знать, так не подснежниками твои щеки пахнут, а редькой с луком и с постным маслом.

— Тогда чего же ты лезешь с поцелуями?

— А я люблю редьку с луком...

— Говоришь ты, Сема, всякую чепуху, прямо как мальчишка,— недовольно проговорила Лушка.

— С умным — по-умному, знаешь?

— Умный и с дураком — умный, а дурак и с умным — вечный дурак,— отпарировала Лушка.

Тогда они тоже ни с того, ни с сего поссорились, но то была мимолетная ссора, закончившаяся через несколько минут полным примирением. Иное дело теперь. Все пережитое с Лушкой теперь казалось Давыдову прекрасным, но невозвратимым и далеким прошлым. Отчаявшись увидеть ее наедине, чтобы объясниться и до конца выяснить по-новому сложившиеся отношения, Давыдов всерьез затосковал. Он поручил Разметнову вести по совместительству и колхозные дела, а сам на неопределенное время собрался поехать во вторую бригаду, подымавшую майские пары на одном из отдаленных участков колхозной земли.

Это не было отъездом, вызванным какими-то деловыми соображениями, а позорным бегством человека, который хотел и в то же время боялся наступающей любовной развязки. Давыдов все это превосходно понимал, временами глядя на себя как бы со стороны, но он уже окончательно издергался, потому и предпочел решение выехать из хутора, как наиболее приемлемое для себя, хотя бы уже по одному тому, что там он не мог видеть Лушку и надеялся несколько дней прожить в относительном спокойствии.

* * *

В бригаду Давыдова провожал один Разметнов. Подвода была попутная: пахарям из кладовой колхоза отправляли харчи, семьи слали работавшим в бригаде смены белья и кое-что из одежонки.

Давыдов сидел на бричке, свесив ноги в обшарпанных, порыжелых сапогах, старчески горбясь и безучастно глядя по сторонам. Под накинутым внапашку пиджаком острыми углами выступали лопатки; он давно не подстригался, и крупные завитки черных волос сползали из-под сбитой на затылок кепки на смуглую широкую шею, на засаленный воротник пиджака. Что-то неприятное и жалкое было во всем его облике...

Глядя на него и морщась, как от сильной боли, Разметнов подумал: «Эк его выездила Лушка! Ну и проклятая же баба! Произвела парня — да какого! — так, что и поглядеть-то не на что! Вот она, любовь, до чего нашего брата доводит: был человеком, а стал хуже капустной кочерыжки».

Уж кому-кому, а Разметнову было доподлинно известно, «до чего доводит любовь». Вспомнил он Марину Пояркову, еще кое-что из пережитого, горестно вздохнул, но улыбнулся весело и пошел наведаться в сельсовет. На полпути ему встретился Макар Нагульнов. Как и всегда — сухой, подтянутый, немного щеголяющий безукоризненной военной выправкой,— он молча протянул Разметнову руку, кивком головы указал на удалявшуюся вдоль улицы подводу:

— Видал, каков стал товарищ Давыдов?

— Что-то он похудел,— уклончиво ответил Разметнов.

— Я, когда в его положении был, тоже худел изо дня в день. А про него и говорить нечего, слабак! Хоть кади да в гроб клади! Стоял же у меня на квартире, видал, что она за штука от ружья, на его глазах воевал с этой семейной контрой, и вот, пожалуйста, влип! Да ведь влип-то как! Поглядел я нынче на него, и, веришь, сердце кровью облилось: худой, всем виноватый какой-то, глаза — по сторонам, а штаны, ей богу, на чем они у него, у бедного, держатся! На виду пропадает парень! Эту мою предбывшую супругу надо было еще зимой подогнать под раскулачивание и проводить вместе с ее Тимошкой Рваным в холодные края. Может, хоть там у нее жару поубавилось бы.

— А я думал, что ты не знаешь...

— Ха! «Не знаешь»! Все знают, а я не знаю? Глаза прижмурил? Да по мне чорт с ней, с кем бы она ни путалась, но ты, подлюка, мне Давыдова не трожь, не губи моего товарища дорогого! Вот как стоит вопрос на данный момент!

— Предупредил бы его. Чего ты молчал?

— Да мне же неловко было предупреждать! Чего доброго, он бы мог подумать, что я из ревности его отговариваю или еще тому подобное, а вот почему ты, сторонний в этом деле человек, молчал? Почему ты не сделал ему строгого предупреждения?

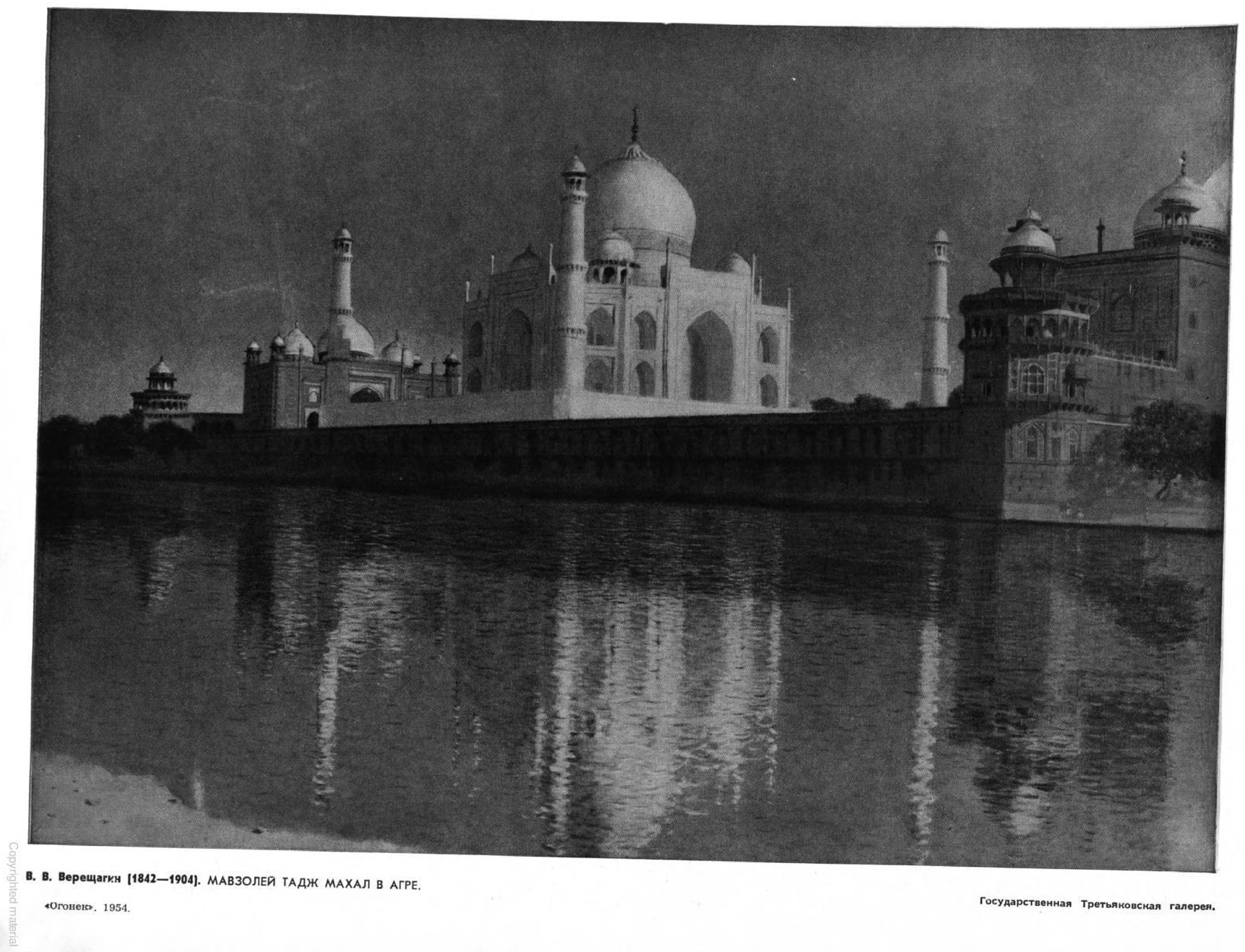
— С выговором? — улыбнулся Разметнов.

— Выговор он в другом месте себе заработает, если будет ходить опустя рукава. Но нам с тобой надо, Андрей, его по-товарищески остеречь, ждать дальше нельзя. Лушка — это такой змий, что с нею он не только до мировой революции не доживет, но и вовсе может скопытиться. Или скоротечную чахотку наживет, или еще какой-нибудь тому подобный сифилис раздобудет, того и жди! Я, когда от нее избавился, так вроде заново на свет народился: никаких веренических болезней не боюсь, великолепно английский язык изучаю, и много тут достиг своим умом, безо всяких учителей, и партийные дела веду в порядке, и от другой работы чуром не отгораживаюсь. Словом, при моем холостом положении и руки и ноги у меня свободные и голова светлая. А с нею жил,— водки не пил, а каждый день, как с похмелья. Бабы для нас, революционеров, это, братец ты мой, чистый опиум для народа! Я бы эту изреченмю в устав вписал ядреными буквами, чтобы всякий партийный, каждый настоящий коммунист и сочувствующий эту великую изреченмю каждый день перед сном и утром натощак по три раза читал. Вот тогда бы ни один чорт не попал в такой переплет, как сейчас наш дорогой товарищ Давыдов. Я так об этом деле понимаю. Да ты сам вспомни, Андрей, сколько хороших людей пострадало в жизни от этого проклятого бабьего семени? Не счесть! Сколько из-за них растрат, сколько через них пьяниц образовалось, сколько выговоров по партийной линии хорошим ребятам за них повлепили, сколько из-за них народу по тюрьмам сидит — одна кошмарная жуткость!

Разметнов задумался. Некоторое время они шли молча, предаваясь воспоминаниям о далеком и близком прошлом, о встречавшихся на их жизненном пути женщинах. Макар Нагульнов раздувал ноздри, плотно сжимал тонкие губы и шел, как в строю, расправив плечи, четко печатая шаг. Всем видом своим он являл воплощенную недоступность. Разметнов же на ходу то улыбался, то отчаянно взмахивал рукою, то крутил свой светлый, курчавый ус и, как сытый кот, жмурил глаза, а иногда, очевидно, при особенно ярком воспоминании то о той, то о другой женщине, только крякал, словно выпивал изрядную чарку водки, и тогда между длительными паузами невразумительно восклицал:

— Ну и ну! Ох, и баба! Вот это — да! Ишь ты, проклятущая!..

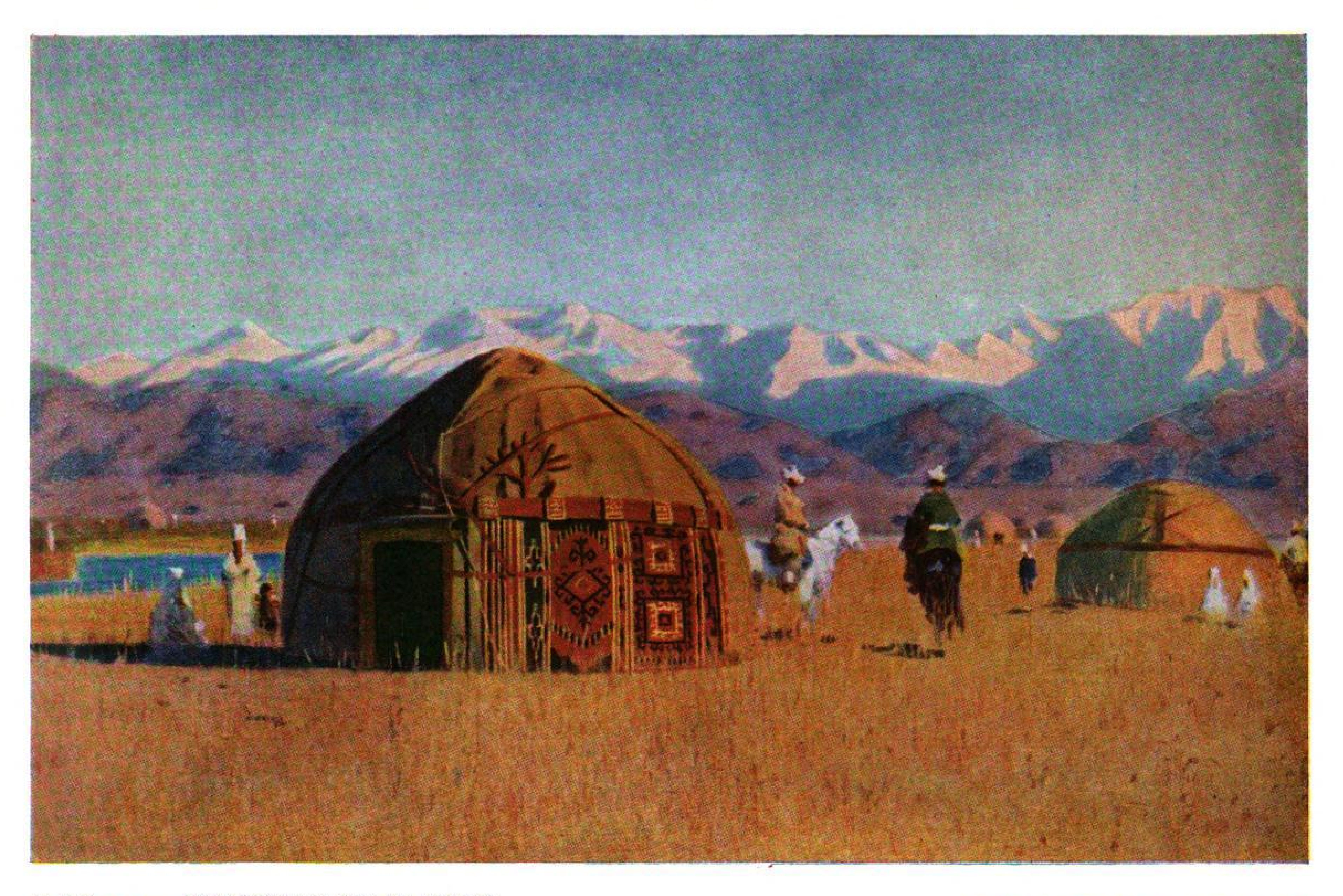
(Окончание следует)

В. В. Верещагин [1842—1904]. МАВЗОЛЕЙ ТАДЖ МАХАЛ В АГРЕ.

Государственная Третьяковская галерея.

«Огонек». 1954.

В. В. Верещагин. КИРГИЗСКИЕ КИБИТКИ НА РЕКЕ ЧУ. Государственная Третьяковская галерея.

Картины В. В. Верещагина

В 1874 году в Петербурге была открыта выставка картин Василия Васильевича Верещагина. Художник показывал на ней свои работы, написанные в результате поездок по Средней Азии. Картины имели огромный успех. «Я не знаю,— писал И. Н. Крамской,— есть ли в настоящее время художник, ему равный не только у нас, но и за границей...» Верещагин правдиво изображал народы Туркестана, он раскрывал их своеобразный быт, резко обличал феодалов и выражал любовь к простым людям.

Главным действующим лицом военных полотен художника стал рядовой солдат, именно в нем видел автор подлинного героя баталий. А отношение его к самой войне отчетливо выражено в картине, изображающей гору человеческих черепов, названной «Апофеоз войны». На раме картины надпись: «Посвящается всем великим завоевателям, прошедшим, настоящим и будущим».

Среди туркестанских работ Верещагина особенной популярностью пользуется полотно «Двери Тимура (Тамерлана)».

«Эти тяжелые, страшно старые двери с удивительною орнаментацией, эти фигуры, сонные, неподвижные, как пуговки к дверям, как мебель какая-нибудь, как тот же орнамент, так переносят в Среднюю Азию..., что напишите книг, сколько хотите, не вызовете такого впечатления, как одна такая картина»,— говорил Крамской.

Во время своих туркестанских поездок Верещагин работал самозабвенно, неутомимо, со страстью. Из каждого путешествия он привозил множество этюдов. Один из них — «Киргизские кибитки на реке Чу» — относится ко второй туркестанской поездке.

После петербургской выставки Верещагин уехал в Индию, где пробыл до марта 1876 года. Художник много ездил по стране, взбирался на Гималаи, работал в самых тяжких условиях. Основная идея индийских картин Верещагина отчетливо выражена автором в одном из писем к Стасову: «Помнится, Вы были в восторге, трижды подчеркнутом, когда я сообщил Вам замысел моих картин: история заграбастания Индии англичанами».

Верещагина, как истинного демократа, глубоко возмущала колониальная политика англичан. Страстный поборник национальной свободы, Верещагин заклеймил колонизаторов в своей всемирно известной картине «Английская казнь в Индии», взволнованно рассказывающей о том, как зверски было подавлено народное восстание.

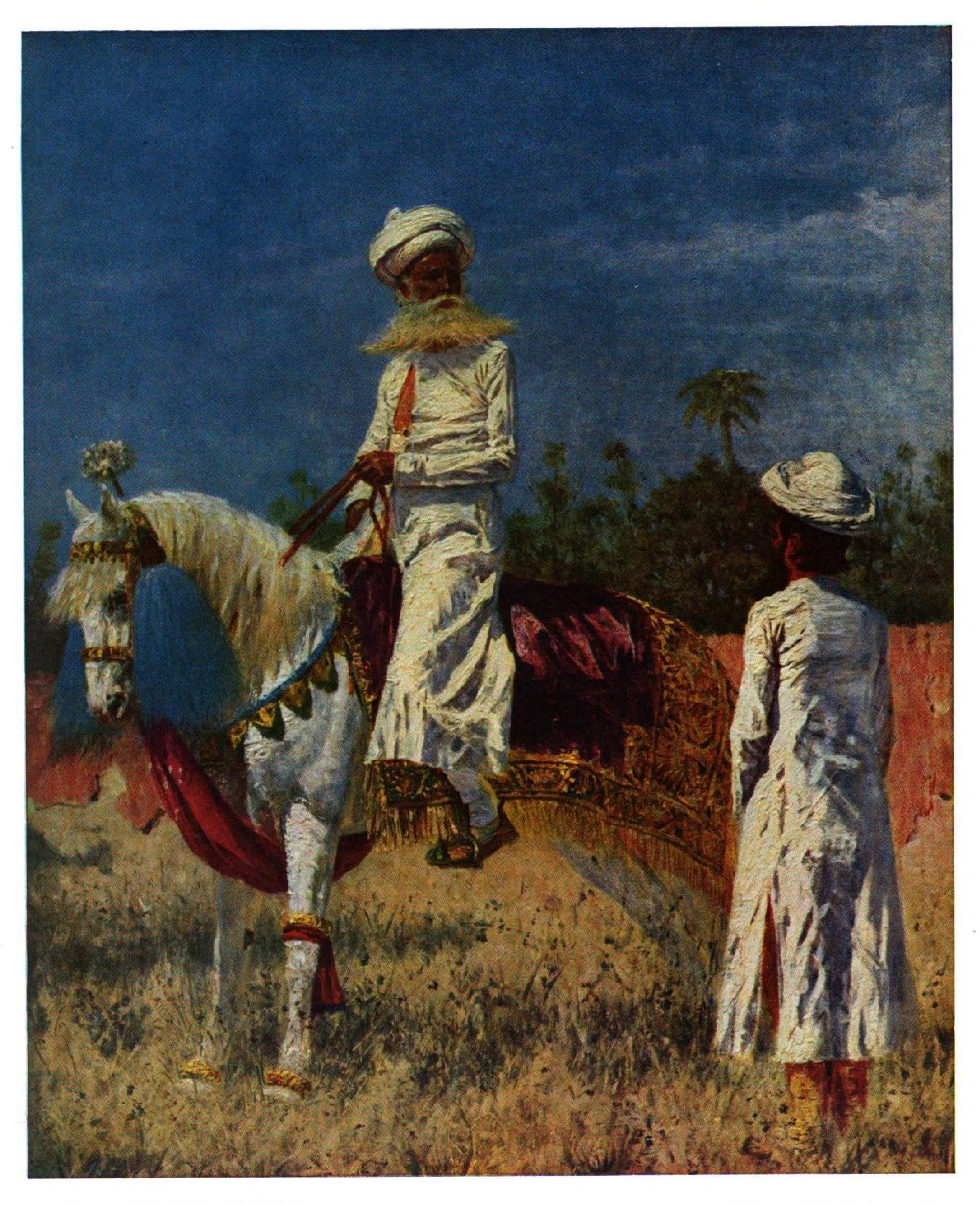
Вдохновенно изображал Верещагин памятники индийской архитектуры, великие творения талантливого народа Индии. Его небольшая по размерам картина «Мавзолей Тадж Махал в Агре», прелестная по живописи, мастерски передает очарование этого замечательного произведения зодчества.

Из индийской серии Верещагина сорок пять живописных вещей хранится в Государственной Третьяковской галерее. Среди них «Всадник в Джайпуре», «Факиры», «Ворота Ала-уд-Дин» и многие другие.

Е. ХМЕЛЬНОВ

В. В. Верещагин. ДВЕРИ ТИМУРА (ТАМЕРЛАНА). Государственная Третьяковская галерея.

В. В. Верещагин. ВСАДНИК В ДЖАЙПУРЕ. Государственная Третьяковская галерея.

Васина елочка

Михаил **ПРИШВИН**

Рисунки П. Караченцова.

В конце прошлого года, за несколько месяцев до своей смерти, Михаил Михайлович Пришвин закончил работу над повестью-сказкой «Корабельная роща». В этой повести, как и во многих других своих произведениях, автор воспевает духовное богатство русского человека, красоту родной природы.

Ниже мы печатаем первую главу повести.

Солнце светит одинаково всем — и человеку, и зверю, и дереву. Но судьба одного живого существа часто решается тенью, падающей на него от другого.

Так было, ранней весной горячий луч солнца все осветил и тронул даже семенную шишку на верху старой ели. На своем парашютике семя, кружась, медленно слетело вниз и упало на тающий снег. Вскоре снег разбежался водой и оставил на земле семечко.

Из этого семечка и родилось дерево — васина елочка.

Да, конечно, солнце-то светит всем одинаково, а это от нас самих рождается тень. И мы, и животные, и деревья, и всё на земле дает разную тень, и даже сама земля по временам тенью своей закрывает иную планету.

Так вот и семечко елки, конечно, упало в лесу под чью-то тень.

Было это в селе Усолье, вблизи города Переславля-Залесского, за много лет до того, как родиться самому Василию Веселкину. Даже и самого старого нашего лесника Антипыча тогда еще не было на свете. Никакой человек не был свидетелем жизни первых лет этого дерева. Родилось оно и росло само собой, и «васиным» оно сделалось долго спустя, когда стало даже так, что, не будь этого Васи на свете, так и не было бы и его елочки.

Была-жила елочка чуть ли не за сто лет до рождения Васи.

Семечко ее, подхваченное весенней водой, сплылось со множеством таких же семян и было выброшено в лесное урочище Ведерки.

В далекие времена тут был великий сосновый бор. Никто не помнит его, но так понимают его происхождение: там и тут от великого, еще более давнего, прежнего леса оставались отдельные деревья-семенники и от старости засыхали и падали; каждое дерево, падая, разрушало возле себя много молодых новых деревьев, и оттого в сплошном тесном лесу оставалась каждый раз светлая поляна; молодые деревья, обступая полянку, тянулись вверх, догоняли кроны старых деревьев и, догнав, смыкались со всем пологом леса.

Когда деревья наверху смыкались, то лесная полянка делалась похожей на высокое ведро с зеленым донышком. Вот оттого-то и получилось лесное урочище Ведерки, что из каждого последнего дерева старого бора в новом лесу вышло ведерко.

Догадка эта была верная: великаны-сосны с тех незапамятных времен кое-где сохранились и до нашего времени. Тут-то вот, под тенью одного такого великого дерева, на вспаханную кротами земельку были выброшены водой семена елей, и среди них было семя васиной елочки.

Еловой породе деревьев тень вначале бывает даже нужна. Елку губит не тень высокого материнского дерева, а малая тень своих собственных мелких собратьев.

Счастливо было семечко, что оно попало в тень великой сосны: такая первая материнская тень охраняет ростки от ожогов мороза и солнца.

Как всегда, семян было множество. Васина елочка была неотличима в ровном бобрике ростков. Иному доброму человеку по такому ельничку даже рукой погладить хочется, как по шерсти его друга-собаки. Но далека, вот как далека от человека эта жизнь беспризорных существ, брошенных игрою случая или бесчеловечного закона в рыхлую, вспаханную кротами землю для беспощадной борьбы между собою за свет.

Да, конечно, солнце дает нам только свет и тепло, но откуда же среди нас берется тень?

Надо думать, солнце в тенях не виновато: свет от солнца, а тень, выходит, ото всех нас, живущих на земле.

Это, конечно, истинная правда, что солнце для всех деревьев, и всех елок, и всех зверей, и для каждого человека светит одинаково, да мы-то вот на земле все разные, и от каждого из нас на другого падает разная тень...

Мало того, что маленькие деревья затеняли друг друга. Они и просто силой движения теснили, уродовали свои мутовки: каждому хотелось раньше другого подвинуться к солнцу. Вот почему от каждого на каждого падала тень.

А тут вышла и еще беда: лосю вздумалось лечь и почесать себе спину об эти елочки.

Медленно после тяжелого лося поднимались помятые маленькие деревья, но васина елочка не успела за всеми подняться и осталась в тени.

Так из-за того только, что лосю надо было почесать себе бок, ей это было как верная смерть.

Случилось еще, гром ударил почему-то не в самое высокое дерево, — в нашу великую сосну, пионера всего этого леса, а рядом с нею — в догонявшую ее издавна елку. После падения этого дерева от всего нашего елового бобрика осталась только васина елочка и над ней другая, ее затеняющая, отнимала свет до темноты.

С тех пор прошло больше ста лет. За это время родился, и вырос, и застарел старый наш лесник Антипыч. Вот он-то и любил повторять всем, и от него мы берем эти слова, что солнце светит всем одинаково, и света солнечного хватило бы всем, да вот мы-то, земные жители, разные, и друг другу порой закрываем солнечный свет.

— А из-за чего,— спрашивал часто Антипыч,— закрываем мы свет? — И, помучив собеседника, сам отвечал:— Из-за того, что все поодиночке гонимся за своим счастьем.

Собеседник тогда пробовал заступиться за счастье:

— Без этого счастья жить нельзя ни человеку, ни зверю, ни даже дереву.

— Нет! — говорил Антипыч.— Нельзя зверю и дереву, а человеку можно: у человека свое счастье, и оно в правде.— И тут выкладывал все, из-за чего начинал спор свой о тени и свете. — Не гонитесь, — говорил он,— как звери, поодиночке за счастьем, гонитесь дружно за правдой.

И эти-то слова о правде, наверно, и слышал еще маленький Вася, и скорее всего от этих слов у него все и началось.

Было это в годы первой войны с немцами. Пришел однажды Антипыч к великой сосне, и с ним был мальчик Вася Веселкин. Тут впервые Вася встретился со своею елочкой.

Радостно каждому глубоко вздохнуть чистым воздухом под пологом сомкнутых кронами деревьев. Редкий человек, обрадованный чистым воздухом, обратит внимание на деревце, бледное, высотой не больше как в рост человека с поднятой вверх рукой. Хвоя на этом деревце тощая, бледная, сучки покрыты сплошь лишаями. Ствол не толще руки человека, корни поверхностные.

Сильный может легко вытащить дерево и отшвырнуть, а между тем рядом с этим лесным сиротой стоит елка, его ровесница, могучее столетнее дерево. В тенито этой счастливицы и хилится маленькая ее ровесница, в сто лет собравшая себе высоту в рост человека с поднятой вверх рукой.

Антипыч уже поднял было топор, чтобы прикончить эту несчастную жизнь, но Вася остановил его.

— Ладно,— согласился Антипыч.

И минуточку глядел в большие серые серь-

езные глаза мальчика вроде как бы даже и с удивлением.

Оно и вправду было чему подивиться в лесу: во всей жизни всех лесов на свете не было такого случая, чтобы кто-нибудь, кроме человека, мог заступиться за слабого. И какой же это еще человек, Вася Веселкин, чтобы против всех лесных законов вдруг ни с того, ни с сего выставить свой, человеческий!

С другой стороны, тоже подумаешь: почему бы ему не выставить этот закон, если с незапамятных времен человек начал выбирать в лесу деревья, сажать их возле дома своего, поливать, навозить, ухаживать и, мало того, уходя на войну, потом уносить в душе своей наряду со своими близкими и память о родной березке возле своего дома, сосне или елочке?

Когда Антипыч заносил топор над васиной елочкой, наверно, это наше всеобщее человеческое чувство мелькнуло в душе мальчика и перешло на дерево.

— Ладно,— ответил Антипыч, отчасти, конечно, и понимая причуду мальчишки: все ведь — и мы, старики,— мальчишками были.

У Антипыча в этот раз был не просто его очередной обход лесного участка Ведерки. В лесничестве был получен приказ — найти материал для фанеры. Требовалась сосна не меньше четырех обхватов толщиной и без единого сучка на высоту пяти метров. Во всех Ведерках оставалось только одно такое дерево. Вот за этим-то деревом и пришел теперь Антипыч.

Нечего было и мерить толщину: было видно на глаз — дерево больше четырех обхватов. И какие там пять метров вверх без сучка — куда больше! И смотреть было нечего.

Но Антипыч почему-то все глядел и глядел вверх, все больше и больше откидывая назад свою голову. Вася тоже за ним глядел вверх, пока не стало ему очень трудно. Тогда оба, и старый и малый, отступили дальше от дерева и все глядели и глядели вверх. И это было без всякого дела, безо всякой надобности.

Так бывает с каждым в чистом бору: движение чистых стволов вверх к солнцу поднимает человека, и ему хочется туда, вверх, как дереву, тянуться к солнцу.

Голова скоро устает от высоты, приходится возвращаться на землю; Антипыч сел, свернул себе козью ножку и сказал:

— У нас в Ведерках это будет последнее дерево. Упадет, и останется на память последнее ведро в наших Ведерках. Нового больше не будет.

— А есть еще где-нибудь на свете такое? — спросил Вася.

— Есть,— ответил Антипыч.— Мой отец бурлачил на севере, так он зимой нам, детишкам, много рассказывал. Там где-то есть заповедная корабельная чаща: ее там не рубят, а берегут, как святыню.

Так вот эта чаща сосновая стоит высоко, на третьей горе, и нет в ней ни одного лишнего дерева: там нигде стяга не вырубишь. Вот как часты деревья: срубишь — оно не падает, а остается стоять меж других как живое.

Каждое дерево такое, что два человека будут догонять друг друга кругом и не увидятся. Каждое дерево прямое и стоит высоко, как свеча. А внизу — белый олений мох, сухой и чистый.

— Высоко, как свеча,— повторил Вася,— и так-таки ни одного сучка до верху?

На этот вопрос постоянный шутник Антипыч ответил шуткой.

— Есть,— сказал он,— во всей гриве одно дерево, и в нем выпал сучок. Но и то в эту дырочку желтая птичка-зарянка натаскала хламу и свила себе там гнездо.

— Это сказка? — спросил Вася.

В глазах мальчика была такая тревога! Так, видно, хотелось ему, чтобы заповедная чаща не была просто сказкой!

— Это сказка? — повторил он.

Антипыч бросил шутить.

— Про птичку,— ответил он,— я сам выдумал, да и то — что я! В каждом бору есть дерево с пустым сучком, и в дырочке живет желтая птичка-зарянка. А заповедную чащу отец мой видел своими глазами — это правда истинная.

— Истинная,— повторил Вася,— а какая же еще бывает на свете правда?

— Кроме правды истинной? — спросил Антипыч.

И опять в лице его щеки начали собираться в гармошку, а ястребиный нос опускаться к усам. Но тут же опять, заглянув Васе в глаза, Антипыч бросил шутить и сказал:

— Правда на свете одна, только истинная.

— А где она?

— В уме и сердце человека.

— И у тебя?

— Конечно.

— Скажи, Антипыч, какая она сама, эта истинная правда?

Антипыч засмеялся, нос его крючковатый направился к усам.

— Видишь, Вася,— сказал он,— правда, она такая, что ее надо каждому держать в уме, а сказать о ней трудно.

— Отчего же трудно?

— Первое, трудно оттого, что в делах она, а не только в словах. Второе, оттого, что, коли дел у тебя нет, то, как скажешь, сам ни с чем и останешься.

— Ты мне одному только скажи!

— Скажу,— согласился Антипыч,— только не сейчас: вот буду помирать — ты к тому времени, кстати, подрастешь, маленько поумнеешь,— ты ко мне подойди тогда, и я тебе на ушко скажу. Хорошо?

— Конечно, хорошо,— согласился Вася.— Только я знаю, что ты мне скажешь тогда.

— Неужто знаешь? — удивился Антипыч.

— А вот и знаю, хоть еще и не подрос и не поумнел. Ты скажешь так: не гонитесь поодиночке за счастьем, гонитесь дружно за правдой.

Антипыч в изумлении остановился и, подумав, сказал:

— Ну и память у тебя, Вася!

После этих слов Антипыч выплюнул свою козью ножку, поднял топор, подошел к великой сосне, зачистил на сером стволе белое местечко и на белом старательно вывел лиловым карандашом букву «Ф» (фанера).

Когда-то ученые лесоводы думали: есть растения светолюбивые, вроде березки или сосны, и есть, как елка, тенелюбивые.

Так это и понимали: одни растения любят свет, другие какие-то — любят тьму.

Ученые люди, сами не зная того, с человеческих отношений переносили мысль свою на деревья. В то время, в XVIII веке, положение господ считалось высоким положением, и один король Франции назывался даже «Король Солнце», а положение раба было положение низкое, но сверху казалось, будто раб любит свое низкое положение...

Лесоводы с человеческого общества перенесли это на деревья и разделили их на светолюбивые, вроде сосны и березы, и на тенелюбивые, как елка.

Когда же человеческие отношения изменились, то спала пелена с глаз и у лесоводов: оказалось, и елка любит свет не меньше деревьев-«господ», но боится на свету ожогов мороза и оттого прячется в тень.

В этом сближении людей и деревьев нет ничего особенного. Стоит только распилить ствол дерева поперек, сосчитать на срезе круги годового прироста,— и часто оказывается, год благоприятный для роста дерева был и у людей урожайным, а тощий для дерева был голодным и у людей; для солнца всё одинаково, что деревья, что люди — у тех и других для солнца природа одна.

Другое выходит, когда люди переносят на природу такое, чего в ней нет: неравенство как будто бы высшее установление.

Вот почему скорее всего и Антипыч постоянно нам всем с детства говорил, что солнце светит для всех одинаково.

Спрашивали Антипыча:

— Откуда же тень?

Как мог верно ответить Антипыч, если даже в учебниках мало говорилось о происхождении тени? А раз нет в учебниках, то, само собою, приходилось слушать мудрость старых людей.

— Тень,— объяснял нам Антипыч,— берется от нас самих. Каждый из нас,— говорил он,— все равно, люди, растенья или звери, дорожит светом солнца и спешит, каждому хочется перед другим скорее продвинуться к тепленькому местечку на солнышке. Вот отчего на другого от этого счастливого и падает тень: от нас самих приходит тень, а солнце всех любит ровно.

Смешные были у нас деревенские мудрецы в лесах, но и мы, школьники, были не лучше. Мы отвечали:

— А если солнце любит нас, то у него тоже должны быть любимцы: всех-то всех, а кого-то нибудь любит больше.

— Солнце всех любит ровно,— повторял Антипыч,— никого нет у него любимого, но каждый из нас думает, будто солнце любит всех ровно и только его самого любит больше, и оттого сам лезет вперед. Вот отчего в споре за место и рождается тень.

И правда, только слепому не видно, что борьба деревьев и всяких растений в лесу бывает больше всего только за место свое к источнику света. И особенно это было заметно, когда пришли с Антипычем лесорубы к тому месту, где стояла великан-сосна.

Было это еще на нашей памяти, когда выпала из лесного полога последняя сосна, последний свидетель давно прошедших времен.

Мы слышали не раз обвалы в горах, но почему-то не так эти обвалы хватали за сердце, как хватает каждый раз, когда вдруг в лесу из-под руки человека валится огромное дерево.

В горах бывает гул нечеловеческий, а дерево падает — всегда понимаешь про себя: так и ты сам, человек, можешь прошуметь, потрясти все кругом и навсегда замолчать.

Много было наломано деревьев и подлеска паденьем великана, и сплошной теневой полог был продырявлен. Вот в эту дыру и бросился на лесную поляну свет прямой и великий.

Сотни лет на том месте, где стояла великая сосна, все было без перемен, но когда упала сосна, все стало быстро изменяться. Свет великий, желанный и страшный ринулся в дыру лесного полога и начал внутри леса на поляне все изменять — кому на счастье, кому на гибель.

Золотые стрелы света летели неустанно, непрерывно падали на донышко лесного ведра — на светолюбивые травы. И мы все, у кого были на это глаза, видели, как у растений открывались глазки, подобные солнцу, с белыми, голубыми, красными и всякими лучами.

Васина елочка,— столетняя и маленькая, уродливая в бледнозеленых лишаях,— открылась на весь великий солнечный свет, и по виду невозможно было понять, что такое в ней самой происходит. Елочка эта только наводила на мысль о тех людях, нам лично знакомых, кому вдруг нечаянно доставалось незаслуженное богатство, и редко кому оно шло на пользу. Глядя на елку, все думали о человеческом счастье, но никто не мог видеть,

что же происходило внутри нее самой под влиянием огромного света.

Во всем лесном районе нашего края справиться о научных вопросах можно было только у нашего учителя Фокина, Ивана Ивановича, и он-то для нас и нашел в книгах справку о том, что дерево, внезапно выставленное на яркий свет, перестраивает свои теневыносливые клеточки на световыносливые и от этого на некоторое время слепнет.

Так и наша елочка в борьбе за новую жизнь на какое-то время скорее всего тоже ослепла.

Не всякая елка выдерживает такую борьбу, и одно время некоторые сучки в лишаях стали так отпадать, будто лишаи тут же на свету и догрызают те сучки, на которых сами сидят. А еще хуже было, что некоторые другие сучки начали желтеть и хвоя на них осыпаться.

Так и думали Антипыч с Васей, что этой затее пришел конец, и елка должна неминуемо скоро погибнуть.

Год за годом уходили, и стало забываться когда-то замеченное деревце в Ведерках, на донышке последнего ведра. В лесных обходах, в случайных налетах за грибами, за ягодами стали проходить мимо елки, ее не замечая.

Пришла к людям Великая революция. К этому времени Вася Веселкин был школьником и вот тут-то, на радостях, вспомнил о когда-то спасенном им деревце.

— Антипыч,— сказал он,— давай, с тобой сходим, поглядим, как наша елочка: совсем ли засохла или, может быть, поправляется. Ты как, при обходах своих не замечал?

— Нет, — ответил Антипыч, — проходить-то проходил, а в глаза чего-то не казалось: скорее всего дерево осыпалось, оттого и не кажется. А поглядеть — отчего же не поглядеть, пойдем, мне как раз там сейчас надо оглобли достать.

Так и пошли.

И вот как это бывает иногда удивительно: думали, были уверены, что там, на полянке, теперь нет ничего, только пень великого дерева возле скелета столетней елочки в рост человека с поднятой вверх рукой. Когда же подошли, то еще издали увидели возле большого, как обеденный стол, пня деревце, хотя, конечно, и не великое, но совсем свежее и зеленое.

— Гляди! — воскликнул удивленный Антипыч. И когда совсем подошли близко, опять повторил с удивлением свое: — Гляди!

И показал на сучки дерева: они все очистились от лишаев бледнозеленых, все покрылись темнозелеными хвоинками, и каждая веточка кончалась резко светложелтой, чуть-чуть с зеленью надставкой, веселой и сильной.

— Это новый прирост! — указал Антипыч.

— А что это? — спросил Вася.

— Это значит,— ответил Антипыч, — что дерево стало на свой путь.

— Какой же это у дерева путь?

— А как же! — ответил Антипыч.— У дерева путь прямой, самый прямой — к солнцу.

И показал кругом в ведре лесном на стволы, прямые, и все, как один, напрямик от земли и к солнцу.

После того Антипыч показал и на сучья; что у каждого хлыста, как он называл стволы, непременно множество сучьев, и каждый сук растет тоже вверх, но непременно гнется каждый в свою сторону.

Чудак этот Антипыч! Вот, сколько ни помнишь его, все говорил то ли шутками, то ли на что-то словами своими указывал... Тут он тоже взялся указать на то, что хлысты все прямые, а питающие их сучья все непременно разные.

Могло даже быть и так, что Антипыч вздумал свой ум показать перед важным человеком: школьником.

— Смекнул? — спросил он.

— Нет, — ответил удивленно и просто Вася,— я ничего не смекнул.

— Вот смекни,— сказал он. — Ты смекни это, что у дерева есть прямой путь к солнцу, и он один путь, а сучьев великое множество, и они все разные, и бывают, что кривые. Ствол идет к солнцу по правде, а сучки по кривде. У вас там учат в школе, что это значит?

— Наверно, учат,— ответил Вася,— только мы до этого еще не дошли.

— То-то вот,— засмеялся Антипыч, — что не дошли и, должно быть, не скоро дойдете!

— А ты, — спросил Вася,— ты-то дошел, ты это знаешь?

— Нет,—ответил Антипыч,— скорей всего до этого и я не дошел, мы же ведь и люди все, как кривые сучки, все говорим в одно слово: правда и правда, а когда доходим до дела, то ни у кого правды нет.

— Что ты, что ты, Антипыч! — воскликнул до крайности удивленный Вася.— Помнишь, ты мне говорил, что знаешь правду истинную и когда умирать будешь, то мне перешепнешь ее на ушко.

— Милый ты мой! — воскликнул Антипыч и засмеялся и долго не мог остановиться: все смеялся и смеялся.

А Вася, не обижаясь, удивленно глядел на него, как мы глядим на что-нибудь такое диковинное в природе и спрашиваем себя постоянно, почему бывает то, а почему другое. Так и Вася серьезно спрашивает:

— Почему ты смеешься, Антипыч?

— Милый ты мой! — сказал наконец Антипыч.— Ведь это я тогда с тобою шутил.

— Ты шутил? — сказал Вася.— А скажи мне теперь, для чего ты в таком деле, в таком важном деле шутил?

Антипыч сильно смутился, как будто вдруг почувствовал над собою власть этого небольшого мальчонки-школьника.

Ничего так и не мог ответить Антипыч на вопрос мальчика, для чего он над ним так шутил.

— Шутил...— грустно повторил Вася.—А что, если я спрошу учителя нашего Ивана Ивановича, скажет он мне, что такое есть правда истинная?

Антипыч серьезно задумался и потом ответил:

— Навряд ли даже и Фокин тебе тут ответит: для правды у человека вернее всего что нет слов, она вся в делах, а как слово, так это говорят взамен дела, взамен правды...

— Нет! — ответил Вася решительно и серьезно. — Ты все шутишь, и теперь я тебе не верю. Есть слово и для правды, говорят же все: правда истинная. Я спрошу у Ивана Ивановича!

— Конечно, спроси,— согласился Антипыч, все еще немного смущенный,— спроси, на что же вас там и учат. А что нас, лесников, спрашивать, что мы знаем?

Какие разные времена, какие разные леса, какие разные в лесах деревья, и как по-разному люди их понимают!

В старину говорили так: «В сосновом бору богу молиться, в березовом лесу веселиться, а в еловом — трудиться».

Елочка и Васе на это указывала: Васе досталось трудиться.

Елка — дерево собранное, она сучок подбирает к сучку, мутовку к мутовке, она, вырастая, как будто и нам всем путь свой дает как пример.

Дерево неласковое, но растет чередом, и нашему Васе, может быть, оно с малолетства указало добиваться своего во что бы то ни стало.

Долго Вася не решался спросить Ивана Ивановича Фокина о том, что решено было в беседе с Антипычем, — спросить хорошего, умного, ученого человека о слове, отвечающем правде.

Да и как спросишь! Дома, про себя, кажется все так ясно, и в школу придешь, кажется, вот только бы увидать Ивана Ивановича — и все сразу так и слетит с языка. Но как только появится учитель, то сейчас же приходит в голову: непременно надо то все рассказать, что было перед этим, и о том надо тоже, как и с чего все взялось.

Поди-ка, расскажи все в двух словах строгому и справедливому учителю. И так вот получается у Васи каждый раз, что, когда надо спросить, и можно, и учитель тут рядом стоит и дожидается, все исчезает из головы, все испаряется. А чтобы не показаться явным дураком, то что-нибудь другое спросишь и, значит, соврешь. И от этого усилия и в жар бросит, и в пот, и в краску.

После таких неудач Вася и зарок даже себе давал, чтобы не думать о таком чем-то и забыть. Но был у Васи какой-то ноготок в душе: точит и точит до тех пор, пока опять захочется спросить Ивана Ивановича это же самое.

Червяк точит дерево, пока жив сам и пока не источит все. И этот ноготок в уме если заведется, то уж и не останавливается и будет точить до конца. Так пришел и этой васиной затее конец...

Однажды в классе было очень шумно, и на задних скамейках даже дрались, казалось, весь класс был, как крона лиственного дерева в ветреный день: каждый листик, каждый гибкий сучок хотел сорваться с места, не послушаться и улететь.

И вдруг кто-то услышал шаги и крикнул:

— Идет!

В один миг в классе все стихло, и каждый, кому хотелось жить, как хочется самому только для себя, стал делать то самое, что каждому надо делать для всего класса.

Каждый бросился решать свою задачу.

Учитель вошел. В классе была тишина не мертвая. Такая живая тишина бывает в лесу, когда зеленеют деревья и в тепле горячего света каждый час все переменяется.

Вася быстро решил трудную задачу и сидел в ожидании учителя: Фокин всех обходил поочередно, кому помогал, кого наводил на ум, на кого сердился, с кем радовался.

Вася, положив перо, сидел на парте своей, ждал и слушал. Один ученик, решая задачу, говорил громким шепотом:

— Два в уме!

Другой, прошептав «пятью семь», повторял:

— Три в уме!

Так было и «четыре в уме», и «пять в уме», и весь класс повторял все то же: в уме и в уме.

Это повторение напомнило Васе ясно вопрос о правде в уме, и когда Иван Иванович подошел и очень обрадовался отлично сделанной работе, Вася вдруг осмелился и решительно произнес:

— Иван Иванович!

Он хотел спросить:

— Говорят, что правда живет, как число в умножении, а что самой правды вовсе и нет на свете. Или, может быть, она есть и живет между нас, правда истинная?

Вася по годам своим, конечно, не мог бы уложить в слова свой смутный вопрос, как мы теперь его укладываем, но мы знаем это тоже и по себе, что такой был вопрос в васиной голове, и если бы вышел вопрос, то как бы Фокин обрадовался!

Но случилось, когда Вася назвал учителя по имени и хотел спросить о правде, Иван Иванович что-то заметил в классе и положил руку на плечо Васе.

— Погоди! — сказал он.

И пристыдив того нехорошего мальчика, кто хотел списать задачу у другого, вернулся Иван Иванович к Васе и спросил:

— Ну, Вася, что-то ты хотел спросить?

— Иван Иванович! — начал было Вася.

И вдруг весь покраснел и сказать не мог ничего.

Учитель погладил его по голове.

— Ты,— сказал он,— ведь о чем-то большом хочешь спросить?

— Ага! — ответил Вася.

— Приходи ко мне после обеда, поговорим,— серьезно сказал Фокин.

И Вася успокоился.

После обеда у Ивана Ивановича был счастливейший час, когда он жил для себя. Конечно, дело свое он любил, и все в деле у него шло хорошо, но это все было для будущего, когда еще дети вырастут, когда еще будущие граждане помянут его добром: его самого тогда, может быть, и не будет на свете.

Когда в такой час Вася пришел и остановился в дверях, Иван Иванович поманил его пальцем к себе, усадил на кушетку и спросил:

— Ты, Вася, мне что-то хотел сказать в классе, трудно при всех о чем-то таком своем спрашивать: давай с тобой потихоньку обсудим, а потом, может быть, полезно будет наш разговор вынести в класс. Ничего ты со мной не бойся, не церемонься, через какие-нибудь десять лет ты, может быть, сам будешь учителем.

Васю Фокин очень любил.

Конечно, был грех у Васи с этим вопросом о правде. Он уже стал привыкать к тому, что учитель отличает его, и сейчас с этим вопросом втайне его не так правда к себе тянула, как чтобы удивить Ивана Ивановича. Вот, скорее всего, отчего он так и волновался.

Но теперь, при спокойных, ласковых словах учителя, все напускное прошло, и в душе Вася собирался учителя по всей правде спросить.

И это мы поймем: сама задушевная правда умным котеночком глядела из детской души, как глядит на лесной полянке цветочек.

— Хочется мне знать, Иван Иванович,— сказал Вася совсем спокойно,— верно ли это, что правда на свете одна для всех: правда истинная?

— Это бесспорно! — ответил учитель.

— И Антипыч тоже мне говорил, что правда на свете должна быть одна, а когда я пристал к нему и просил показать правду, он ответил, что правда у каждого человека своя, и сколько ни есть на свете людей, столько есть и разных правд.

Хорошие, хорошие, чуткие люди бывают среди деревенских учителей. Мальчик что-то о правде спросил — и нужно же так обрадоваться!

Иван Иванович вскочил с кушетки и быстро зашагал по комнате взад и вперед. Шагал и думал о правде, думал и думал, а о Васе как будто совсем и забыл.

О чем он думал?

Он думал о Виссарионе Белинском, соединявшем в свое время в себе пути русской правды. Личность этого человека была ему воплощением правды. Но Вася ничего не знал о Белинском, этим Васе ничего не скажешь.

Вдруг Фокин перестал шагать и спросил:

— Скажи, Вася, как это было у тебя, с чего у тебя начался этот вопрос, потрудись хорошенько, припомни.

— Мне трудиться нечего,— сказал Вася.— Началось это давно, я еще и в школе не был. Антипыч указал мне на елочку в лесу маленькую, в рост человека, и сказал: «Этой елочке больше ста лет, и это она не растет оттого, что ее затеняет другая. Солнце светит,— сказал Антипыч,— для всех одинаково, да мы-то все разные: каждому хочется стать поближе к тепленькому местечку на свете. Солнце любит всех, но каждый думает — его оно любит больше, и оттого рождается тень».

— Молодец твой Антипыч! — не удержался Фокин.— Но как же все-таки вы добрались с ним до разговора о правде?

— Так и добрались мало-помалу. Эту елочку мы освободили от тени, и она стала у нас поправляться. Как-то раз и вышел у нас разговор о том, почему это ствол у дерева прямой, а сучья неправильные.

И Вася рассказал Ивану Ивановичу все про Антипыча.

Тут Вася увидел такое, чего никак ожидать было нельзя от нашего доброго Ивана Ивановича,— учитель весь загорелся гневом, стукнул кулаком по столу и сказал:

— Твой Антипыч нарочно мутит твою душу, я ему этого так не спущу! В старое время он бы непременно в лешего обернулся и в лес убежал.

— Вы это шутите, Иван Иванович?

— Про лешего, конечно, шучу, только ты не слушай его больше, Вася. А теперь давайка вместе посидим, подумаем.

Так они и сидели на кушетке рядом, ученик с учителем, и оба думали о правде...

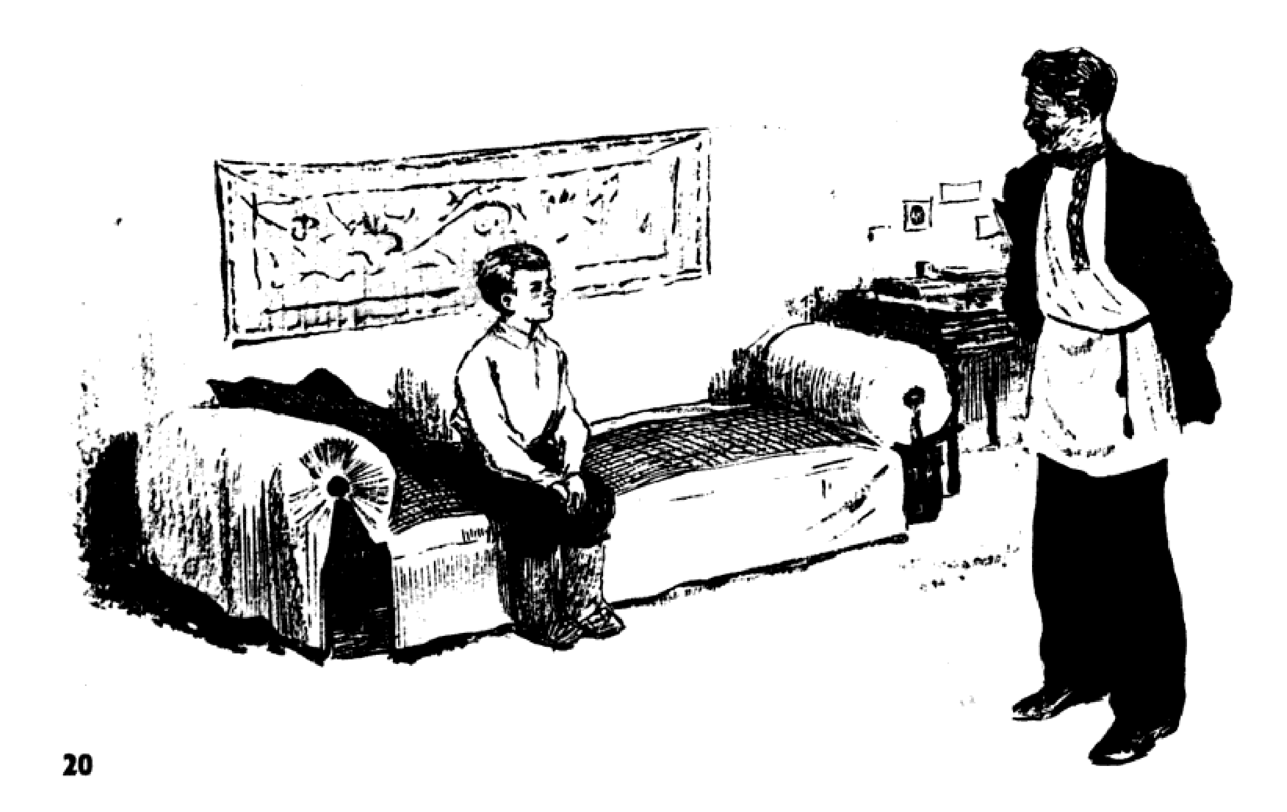
Никто не знал лучше Ивана Ивановича, сколько нужно было проводить времени и перетерпеть его в пустяках, пока наконец не придет такой крылатый час, когда нам не нужно бывает никаких приемов и способов, чтобы держаться в воздухе.

Это кому-нибудь со стороны, может быть, и покажется, будто учитель после ухода своего ученика просто ходил, размышляя, из угла в угол. На самом же деле Иван Иванович не ходил, а летал из одной земли в другую в поисках такого слова, чтобы оно вполне совмещалось с делом и было бы словом истинной правды.

Летал Иван Иванович и в наших столетиях и в далеких от нас временах. Смутно ему чудилось, скорее всего слово правды надо бы ему искать у Белинского.

И вот он подходит к своему шкафу, переносит книги на стол, пересматривает, перелистывает...

— Нет! — говорит он вслух.— Кажется, это уже встречалось...— Наконец он взял в руки томик Ленина, и все осветилось: правда его, как особая материя, ощутимая сердцем русского человека, соединяла между собой поколения...

...Обходиться с деревьями, с каждым отдельно, как с человеком, сажать, удобрять, поливать — это первый завел у нас учитель Фокин, Иван Иванович.

Это он первый вздумал весь большой школьный участок засадить двойным рядом лип, и, что самое главное, он заставлял самих своих учеников находить в лесу эти липы в десятилетнем возрасте, выкапывать их, переносить, рыть ямы, удобрять, сажать, поливать.

И каждое посаженное кем-нибудь дерево непременно сохраняло в себе особенности того, кто его сажал. Иногда казалось, будто человек не дерево посадил, а сам себя со стороны увидел, и что хорошо особенно: с хорошей стороны себя самого увидал!

Так говорил у нас в Усолье учитель Фокин. Не будь этой посадки лип, может быть, и Вася Веселкин забыл бы в лесу свою елочку вместе с детской правдой своей. Скорее всего так бы и забыл, а когда потом хватился, так и не нашел бы в лесу, может быть, и того ведерка, где стояла сосна-великан и в ее фильтрованном свете стояла, глубокой тенью угнетавшая его елочку, сытая и довольная елка.

Тоже, может быть, и так совершается переход от леса дикого к лесу сáженому в сознании самого человека: человек, посадивший дерево, начинает, как всякий, ценить свой соб-

ственный труд и через это ценить и любить самое дерево.

А от своего трудового дерева перекинется к дикому и задумается над тем, что и дикие леса, даровые, тоже надо хранить.

В то время Антипыч еще был жив, они вместе с ним пришли к лесному ведерку, где сейчас мох зеленый, кукушкин лен, травы, цветы, грибы хоронили пень великого дерева — последнего пионера и могикана в Ведерках.

Васина елочка на первый взгляд была все еще угнетенным деревом, ничем не отличная во всем множестве угнетенных деревьев, составляющих особый лес в лесу, называемый подлеском.

Но для опытного глаза старого лесника Антипыча много было изменений. Много и знать было надо о жизни елки, чтобы понять эти изменения.

Дерево лиственное то ли не успевает за короткое время жизни своих листьев выработать себе форму: лиственное дерево бесформенное, как нечесаная голова, а у елки веточка к веточке прибирается, и ветви все вместе образуют нам хорошо известную форму.

Почему-то ночью, в закрытых глазах, нам представляется, будто елки в лесу держат единую правильную форму. Но когда пойдешь в лес с топором, чтобы к Новому году найти себе елочку, то правильную не скоро найдешь, а если и попадется такая, то все-таки и у правильной надо, бывает, что-то подправить.

Тогда ясно становится, что родилась-то елка в лесу неправильной формы, но человек понял ее форму, как стремление к свету, и на этом пути все поправляет и направляет.

Шли годы, и елочка, перестроив на свету свои клеточки, изменяла из года в год формы своих ветвей. А Вася, конечно, как и всякий человек, глядел на нее и ожидал от нее свершения правильной формы.

Комсомольцем он, после нескольких лет, застал свою елочку однажды, когда она большинство своих ветвей начала поднимать вверх, как руки. Это было оттого, что каждая более нижняя ветка старалась выйти из-под тени более верхней. И, обогнав ее, нижняя ветка поднималась, загибалась вверх, к свету, как поднимается каждый сук, выходящий из тени на свет.

От этого каждый сук выходил рогом, снизу более длинным, кверху все более коротким.

Пришло время, Вася кончил школу, елка была не очень велика в высоту, но неузнаваемо расширилась снизу. Только самые нижние ветви почему-то не поднимались, как все, а оставались внизу.

После школы Вася стал лесником на место умершего Антипыча и во время ежедневных обходов встречался со своей елочкой и, каждый день глядя на нее, изменения перестал замечать.

Так он женился и с молодой женой Лизой был тут, рассказывал ей о великой сосне, показывал пень, больше и больше зарастающий цветами. И тут, показывая жене на свое дерево, вдруг заметил он всю огромную перемену.

Когда Лиза, не знавшая прошлого елочки, стала любоваться деревом, каким оно стало, Вася вдруг начал понимать, почему елка его растет и очень быстро и правильно.

Заметил он что-нибудь? Нет, он в первую минуту ничего не заметил, отчего так стало. Но так и со всеми бывает: сначала представится что-нибудь через перемену, а потом начинаешь и сам разбираться, отчего так представилось.

Теперь не хилая елка стояла, а красавица во всем своем счастливом дыхании...

Но отчего она такая была, какая перемена случилась, что она стала такая, Вася не знал.

— Только почему же нижние ветви ее не поднимаются? — спросила Лиза.

И Вася не мог ничего ей на это сказать.

После того опять каждый день в лесном обходе он встречался со своей елочкой и не обращал на нее особенного внимания.

Потом, когда первый раз пришли с ним в лесное ведерко его детишки Митраша и Настя, он опять обратил внимание, до чего правильно и роскошно на великом свету образуется его прежняя елочка.

Митраша, как и мать его Лиза, сразу обратил внимание на нижние ветки, лежащие на земле. С того он и начал знакомство с елкой, что стал поднимать ветку. А когда поднял, то увидел, что она пустила свои корешки и держится за землю. Он дернул ветку с силой и оторвал. Эта ветка у него стала дверцей для входа в шатер.

Он вошел туда, в шатер, позвал Настю и дома ответил своей матери, для чего нижние ветви держались за землю и не поднимались к свету: для того, чтобы они с Настей могли в своем любимом шатре складывать грибы, ягоды, спасаться от внезапного дождя или просто сидеть.

— Как грибы под елкой? — спросила мать.

А Митраша отчего-то обиделся и ответил:

— Грибы не просто под елкой сидят...

— А зачем же они там сидят? — спросила мать.

— Они там растут,— ответил, насупившись, Митраша.

— Ну, что ж, растите и вы, детки! — ответила Лиза и отчего-то тревожно вздохнула.

Детям было — Митраше девять, Насте одиннадцать, когда началась война и отец их Василий Веселкин ушел...

Сказать, чтобы перед уходом лесник нарочно пришел к своей елочке проститься,— это нельзя так сказать: наши люди таких чувств стыдятся и их не показывают... Так тоже нельзя сказать ни о ком, чтобы память о любимой, свободно растущей на круче сосне, или о веселой березке возле родной хаты, или о елочке, вроде васиной, оставалась в душе...

Скорее всего она оставалась, как заступница Родины, но сказывалась только в крайней беде.

Так было и с Василием. Он просто в раздумье перед уходом зашел на ту полянку, где стояла его елка. Первое, что он увидел,— это, что пень великой сосны весь скрылся во мху и цветах. Тут ему вспомнилось, что когда хоронили Антипыча, то родные и в гроб ему положили цветов полевых и на могиле тоже посадили цветы.

Посмотрев на убранный цветами пень великой сосны, Василий подумал:

«Вот оно откуда взялось у людей убирать цветами покойников».

И тут же, взглянув на елку, он навсегда потерял свою мысль о том, что природа могилы своих покойников убирает цветами и что люди это взяли себе у природы.

Он увидел на своей елке, что каждый сук, рогом выходящий из тени вышележащего сука, держал и как бы торжественно поднимал на себе несколько маленьких шишек кровавого цвета.

Сколько времени, сколько незаметного труда было истрачено у этой елки на образование ее правильной формы — и вот пришел конец: всякий изгиб любого сука находил себе оправдание и награду: он держал на себе знамя будущей жизни — маленькую шишку кровавого цвета.

С других веток на эти красные шишки летела великой массой золотая пыльца. У елки наступила брачная пора: ее семенные годы.

Василий, конечно, не мог бы сказать, как мы сейчас после всего говорим, что новая, законченная форма елки была охватом бурных стремлений, направляемых к свету. Все это движение заканчивалось верхней мутовкой с единственным верхним указующим пальцем на солнце.

Так было, что, сломись этот пальчик,— и все сочетание миллионов сучков и хвоинок теряло бы смысл.

Сказать, что Василий Веселкин так-таки все и думал на войне о своей елке в шишках кровавого цвета, осыпаемых золотой пыльцой,— нет, он никогда об этом не думал. Но случилось однажды, когда война уже решалась в пользу нас, сержант Веселкин вышел из окопа и приказал своим бойцам подниматься в атаку.

Казалось, все было вокруг обыкновенно и просто, но вдруг свет, великий свет, больше солнца, может быть, свет самой истинной правды просиял перед ним, и он открытыми глазами мог смотреть на него! Он видел на поле елочку правильной формы, и каждый сук, каждая ветка на ней выносила из тени на свет знамя будущего, сложенное в шишечку кровавого цвета, и на шишечку со всех сторон летела золотая пыльца.

Так было человеку, так ему и бывает порой, а люди видели самое обыкновенное, то, что видят они каждый день на войне: сержант Веселкин упал.

СКУЛЬПТОР ВЯЙНЁ

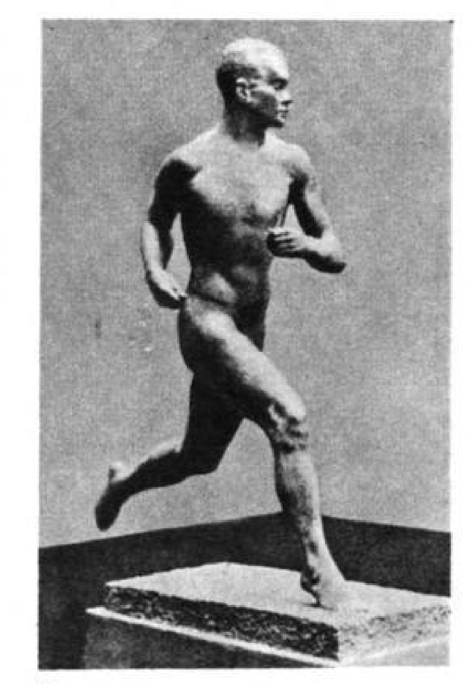
А. СОФРОНОВ

Осенью 1951 года мне довелось познакомиться с одним из виднейших современных художников, финским скульптором Вяйнё Аалтоненом.

В небольшом доме пригорода Хельсинки, на берегу залива, разместилась студия Аалтонена. Помнится, пасмурным ноябрьским днем скульптор, встретивший нас в сером рабочем комбинезоне, радушно показывал свои картины, развешанные на стенах студии, и скульптуры, размещенные на верстаках вдоль стен. Как и во всякой скульптурной студии, здесь пахло мокрой глиной и гипсом. Около большой статуи, поставленной на деревянные козлы, работали помощники Аалтонена в таких же комбинезонах, забрызганных мелом.

До этого мы уже познакомились с работами художника. В Национальном музее мы видели замечательную статую бывшего чемпиона мира по бегу финна Пааво Нурми. В городе Тампере мост был украшен атлетическими мужскими фигурами и несколько грубоватой фигурой финской девушки с вдохновенным лицом и развевающимися на ветру волосами. Выполненный Аалтоненом памятник классику финской литературы Алексису Киви установлен у Национального драматического театра в Хельсинки...

Незадолго до этого мне довелось побывать в одном из скандинавских городов. На выставке были представлены образцы современной американской скульптуры. Нельзя было не удивляться их убожеству. Это было явное надругательство над красотой и гармонией человеческого тела, над мыслью и над формой — всем тем, что составляет искусство. При взгляде же на изваяния Вяйнё Аалтонена невольно испытываешь уважение к простым и мужественным их формам. Каждое его произведение воодушевлено мыслью.

Пааво Нурми, знаменитый бегун. Бронза. 1924—1925 годы.

Вяйнё Аалтонен у своей скульптуры «Мир».

...Аалтонен неторопливо передвигался по студии, останавливаясь у отдельных скульптур. Давние, юношеские, в которых он отдавал дань импрессионизму, вызывали у него теперь ироническую улыбку.

Когда-то Вяйнё Аалтонен рисовал. Указывая на эскиз одной из картин, где была изображена женщина, высоко поднявшая на руках ребенка, он рассказал о том, как, будучи молодым человеком, долго ожидал заказа на эту работу. Заказа он так и не дождался, хотя многие годы мечтал осуществить свою идею. И только лет через двадцать ему удалось вернуться к задуманному, но уже в виде скульптуры.

Я спросил Вяйнё Аалтонена:

— Почему произведения многих современных художников Запада, в том числе и произведения некоторых современных финских художников, так грешат против истинного искусства, а временами и просто уродливы?

Посмеиваясь и покуривая неизменную сигарету, он ответил:

— Что же можно сказать? Каждый год ездят в Париж, привозят новую моду, а рисовать не умеют...

Еще при первой встрече с Аалтоненом нам стало известно о том, что он готовит скульптуру с кратким названием «Мир». Тогда не удалось посмотреть новую работу художника: она еще только была начата...

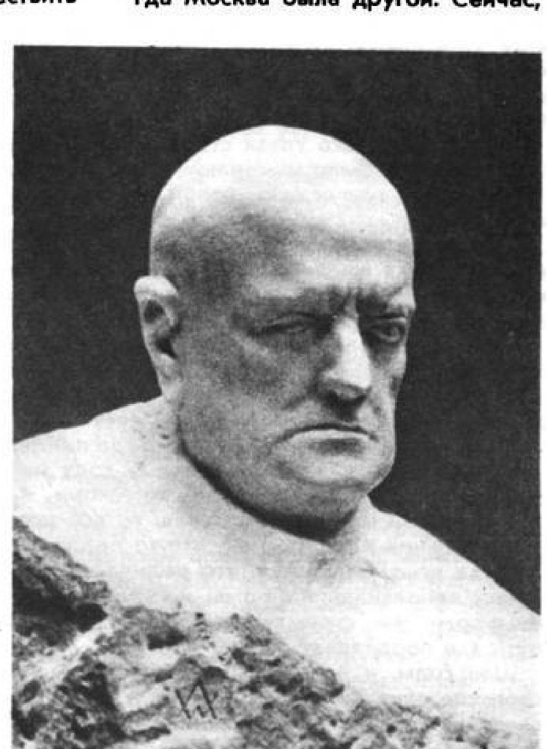
Прошло два года. В феврале 1954 года, на финском Национальном конгрессе сторонников мира, член Всемирного Совета Мира профессор Феликс Иверсен и председатель финского Комитета сторонников мира Вяйнё Меллти вручили замечательному финскому скульптору Золотую медаль — премию мира, присужденную Всемирным советом. Все 1 700 делегатов, собравшиеся на конгрессе, поднялись и стоя аплодировали художнику. Финские пионеры поднесли Аалтонену цветы, а он стоял растроганный и, как всегда, молчаливый, смотря немигающими прищуренными глазами в лица людей, приветствовавших своего художника.

И вот совсем недавно я снова побывал в студии Вяйнё Аалтонена. Снова он встретил нас в рабочем, забрызганном гипсом костюме. Снова мы увидели уже знакомые нам давние его работы, эскизы новых, увидели обычную для скульптурной мастерской обстановку, когда на стеллажах лежат старые разбитые гипсовые фигуры, а рядом возникают новые.

Не так давно Вяйнё Аалтонен побывал вместе с группой финских художников в Москве, участвуя в выставке финского искусства. Москвичи высоко оценили работы замечательных финских художников конца XIX и начала XX века — Эдельфельта, Ярнефельта, Аксели Галлен-Каллела и других. Интересные работы на этой выставке были представлены и современными финскими художниками.

Вспоминая дни своего пребывания в Москве, Вяйнё Аалтонен говорил:

— Мне пришлось побывать в Москве впервые 25 лет назад. Тогда Москва была другой. Сейчас,

Композитор Сибелиус. Мрамор. 1935 год.

АЛТОНЕН

Вяйнё Меллти прикрепляет Аалтонену Золотую медаль — международную премию мира. Справа: Феликс Иверсен.

конечно, трудно даже сравнить новую Москву с прежней, так выросла она и изменилась... Понравились мне работы Томского и Манизера. Очень большое впечатление произвел памятник А. М. Горькому. И вообще я благодарен советским художникам и скульпторам, с которыми удалось мне познакомиться, за то большое гостеприимство и радушие, с какими нас, финнов, встретили в Москве. Прошу это передать им...

И снова и снова Аалтонен неторопливо водил нас по тесной своей студии, делясь новыми замыслами.

— Вот только студия мала... Ваши скульпторы имеют прекрасные, просторные помещения. Я, к сожалению, не имею такой возможности,— говорил Аалтонен.

На стеллажах и полках мы видели новые и старые работы художника: вот прекрасная, словно выросшая из скалы, характерная голова великого финского композитора Сибелиуса; вот многократно повторенная в различных поворотах голова Алексиса Киви; вот чудесная по своей непосредственности скульптура «Дружеская встреча», изображающая юношу и девушку, сидящих на лошадях. Всматриваясь в произведения художника, видишь, как дорог ему человек, как много светлых сторон видит в человеческой душе Вяйнё Аалтонен.

Именно Вяйнё Аалтонен предложил воздвигнуть на границе Советского Союза и Финляндии монумент и высечь на нем золотыми буквами слова: «Никогда не будет между нашими народами войны». Присутствуя на конгрессе, мы слышали, как много простых людей Финляндии — крестьяне, рабочие, учителя — поддерживали предложение талантливого сына Финляндии, своего художника.

...Художник вышел нас провожать. Был солнечный морозный ясный день. Около дома скульптора стояли большие ящики, на которых на русском языке было написано: «Верх», «Низ», «Не бросать». Это работы скульптора вернулись из Москвы.

Мы крепко пожали на прощание друг другу руки...

Совсем недавно художественная общественность отметила 60-летие со дня рождения Вяйнё Аалтонена. Хочется в этих кратких строках пожелать ему новых успехов в его благородном творчестве, воодушевленном идеей защиты мира.

Куллерво — «Калевала». Темпера. 1930—1940 годы.

Рассказ дедушки Даукшá

Из «Поэмы братства»

Эдуардас **МЕЖЕЛАЙТИС**

— ...Жил на земле бедняк
Даукшá
Как мышь в подполье,—
тише — ш-ша...
Бароны — ш-ша,
Иконы — ш-ша,
А правды не ищи,
Даукшá...

Рыбачили
Отец и дед,
И я рыбачил
С малых лет:
Возьмешь ерша
Из камыша
И в кузовок,
И тише — ш-ша...
Даст бог к ершу
И окунька,—
Вот и заморишь
червячка...
Лесной груздок,
Он тоже впрок,—
Полней, наваристей
горшок...

Грибы и рыбу —
Свой товар —
Снесешь в местечко
На базар,
Продашь кому-нибудь
И рад,
И — много, мало ли —
Богат:
В костел зайдешь —
Оставишь грош,
В корчму зайдешь —
Оставишь грош,
К купцу зайдешь —
Оставишь грош,
А что оставил —
Не найдешь...
Ну, что ж!
Жены и деток нет,
Дом бобыля —
Весь белый свет...
Идешь, бредешь —
Ой-ли, ой-ле —
С пустым лукошком
по земле.

Ой-ли, ой-ля —
Леса, поля...
Эх, доля-долюшка моя!
Залетной птице,
Ей одной,
Откроешь душу
Под сосной...
Вот смотрит дятел
Сквозь листву.
Прощай!
Я сам, как ты, живу...

Немного надо старику —
Там грушу съешь,
Там ягодку,—
Теплеет сирая душа.
Ешь не спеша,
Но только — ш-ша,
А правды не ищи,
Даукшá...

Я никому не докучал,
Кусок свой пóтом
добывал,
Не крал,
Чужого не молол,
Родился гол
И вырос гол.
Видали сосны
И дубы,
Как приходил я
По грибы,
Не задевал
И муравьев...
Но вот барону
Жаль грибов,
Жаль рыбы,
Песни соловья,—
И что ему
Нужда моя?..
Сидит на жеребце барон,
Ус рыжий к небу
вознесен...

А я пригрелся
Под сосной
И тешусь
Ягодой лесной...

Барон мне:
— Halt!
Что значит: стой! —
Ты как посмел,
Такой-сякой?!
У нас давно
Запрещено
Ходить по ягоды...
Но, но! —
И буркнул,
Сидя на коне:
— Раздеть
И привязать к сосне!..—

Молчи, Даукшá,
Терпи, Даукшá,
И не перечь барону —
ш-ша...
Раздели,
Раздобыли мед
И вымазали грудь,
Живот,
Лицо...
Кричит барон:
— Na, los![1]
И жеребец его понес...

А я стонал,
Впервые вслух:
— Спасайте, птицы!
Ос и мух
Ловите!..
Я от них распух...

Молчи, Даукшá!
Терпи, Даукшá!
Пусть поедом едят,
Но — ш-ша...
Вот памятная мне
сосна —
Вчера повалена она,
Но это вовсе
Не беда,—
Пусть к хатам тянет
Провода...
Жаль только:
Молодость прошла
Да голова
Белым-бела.

Теперь бы в самый раз
пожить,
С людьми в селе
Поговорить,
Да нету сил...
Я трудно жил,
И, видно, с горки
покатил...
Года мои,
Как журавли,
Уплыли,
Спрятались вдали...
Под старость трудно
Бобылю...
Да что я, братцы,
Вам мелю,—
Ой-ли, ой-лю,
Ой-ли, ой-лю...

* * *

А лесорубы:
— Старина!
Твоя повалена сосна,
Но ты не падай,
Крепко стой.
Ты присоседился б
К другой
Сосенке, дедка,
К молодой...

Перевел с литовского
Андрей **КЛЕНОВ**.

[1] Ну, пошел!

СЕЛО, В КОТОРОМ БЫЛ ЛЕНИН

Морозным утром 15 декабря 1920 года по улице деревни Моденова, что недалеко от Можайска, неторопливо прогуливался невысокий человек. Под его валенками хрустко поскрипывал снежок, воротник пальто запушился инеем, чуть прищуренные глаза внимательно осматривали избы, встречных людей и далекий, синеющий сквозь туманную дымку лес.

Поровнявшись с человеком в пальто, двое крестьян поздоровались. Он вежливо ответил, а спустя минуту один из крестьян остановился и растерянно пробормотал:

— Ты знаешь, кто это, Егор?

— Кто?

— Ленин! Владимир Ильич Ленин!

Председатель Моденовского сельского совета Егор Васильевич Власов недоверчиво покосился на члена волостного комитета Петра Козлова:

— Брось шутить...

— А я тебе говорю точно — Владимир Ильич. Я сразу узнал. Я его в девятнадцатом году в Большом театре видел, на всю жизнь запомнил.

— Одет больно просто,— продолжал сомневаться Власов,— валенки, шапка...

— Видишь, вон и его машина...

Длинная черная машина стояла возле избы известного в этих краях охотника Ивана Петровича Новикова.

Весть о том, что Ленин находится в деревне, быстро облетела все избы. Передавали и подробности: Владимир Ильич приехал на охоту, а вместо охоты ходит по деревне, присматривается.

Крестьяне начали собираться группами, само собой возникло предложение попросить Владимира Ильича провести беседу.

Кое-кто выступил против:

— Зачем Владимира Ильича утруждать?

— Человек отдохнуть после работы приехал, а мы его на собрание потянем...

Но желание видеть Ленина, разговаривать с Владимиром Ильичем пересилило, и через час в избу Ивана Петровича Новикова вошел выбранный нарочный и вручил Владимиру Ильичу записку: «Вождю Всемирной Революции товарищу Ленину от граждан деревни Моденова. Просим Вас на беседу».

Владимир Ильич прочел записку, улыбнулся и посоветовал выбрать побольше избу, чтобы все желающие могли придти на собрание, которое он назначил на два часа дня.

О предстоящем выступлении Ленина узнали и в соседней деревне Шаликове. Вскоре просторная изба Прасковьи Афанасьевны Кочетовой была переполнена крестьянами. Люди стояли в сенях и на крыльце, то и дело раздавались строгие окрики:

— В хате не курить!

— Кто с махоркой, давай на улицу!

Ровно в два часа дня Владимир Ильич пришел в избу Кочетовой и, здороваясь со многими за руку, пробрался к столу, покрытому по такому торжественному случаю новой скатертью.

Председателем собрания был избран крестьянин Гагаров, а секретарем — член волостного комитета труда Петр Александрович Козлов.

На повестке дня стояли два вопроса: «О международном и внутреннем положении» — докладчик председатель Совета Народных Комиссаров Владимир Ильич Ленин — и текущие дела.

Негромким голосом, простыми и доходчивыми словами Владимир Ильич рассказал крестьянам о том, что на фронтах гражданской войны сейчас полный перевес Красной Армии, что страна уже должна начать подготовку к мирному, восстановительному периоду, что очень скоро жизнь в Советской России наладится и нужно приложить все усилия, чтобы помочь партии большевиков в построении первого в мире социалистического государства...

В напряженной тишине слушали крестьяне голос любимого вождя. А потом долго и нестройно хлопали тяжелыми ладонями.

Второй вопрос — «Текущие дела» — был вопросом о продразверстке. Кто-то из местного начальства ошибся и наложил на жителей Моденова непомерно большую разверстку на сено и хлеб.

Крестьяне попросили Владимира Ильича уменьшить разверстку. Владимир Ильич внимательно выслушал претензии и сказал, что он обязательно посоветуется с Наркомпродом в Москве и разберется. Со своей стороны, пусть жители Моденова в ближайшие три дня пошлют к нему в Совнарком нарочного со всеми материалами по продразверстке.

Тепло попрощавшись с собранием, Владимир Ильич направился к машине, а Гагаров испуганно посмотрел на мужиков:

— Нам не поверят!

— В чем? — поинтересовались крестьяне.

— Что у нас Ленин был! Протокол он не подписал!

Гагаров бегом бросился на улицу и возле машины протянул Владимиру Ильичу протокол:

— Подпишите, пожалуйста, Владимир Ильич.

Ленин снова улыбнулся, приложил бумагу прямо к стене избы и расписался.

Взрослые и ребятишки окружили редкую в те времена автомашину и с любопытством спрашивали, за сколько часов на ней можно добраться до Москвы.

Владимир Ильич ответил, что часа за полтора, но мотор у машины капризничает, а придет время, когда мы будем выпускать свои, советские автомашины, надежные и безотказные...

После отъезда Владимира Ильича прошло несколько дней, но выбранный от Моденова делегат по вопросу продразверстки никак не мог отправиться в Москву: все был занят заготовкой дров для паровозов станции Можайск.

Примерно через неделю в Моденове появился уполномоченный Совнаркома, прибывший по личному заданию Ленина разобраться на месте с продразверсткой. Он тщательно обследовал каждое хозяйство, установил, кто в состоянии выполнить норму, кого нужно пол-

Молодые трактористы проходят практику в колхозе имени В. И. Ленина.

ностью освободить, и вскоре точные и правильные цифры продразверстки были утверждены Совнаркомом. Никто в деревне не остался обиженным...

— И так случилось,— вспоминает Прасковья Афанасьевна Кочетова,— что опять в моей избе проходило собрание, когда мы узнали о великом горе, о смерти Владимира Ильича. Все встали и долго молча смотрели на тот самый стол, за которым выступал Владимир Ильич...

Прасковье Афанасьевне сейчас шестьдесят три года, но она все еще трудится в колхозе, а во время Отечественной войны работала поваром в воинской части и награждена медалью.

Старый дом Прасковьи Афанасьевны был уничтожен гитлеровскими оккупантами, как и все до одного дома в Моденове.

Советская власть помогла колхозникам, и уже в сорок пятом году деревня была полностью восстановлена.

Деревня Моденово.

К Прасковье Афанасьевне приезжают из разных концов страны люди, просят ее рассказать о выступлении Владимира Ильича Ленина.

Чаще всех наведываются школьники, уча-

У обелиска в память пребывания в Моденове В. И. Ленина.

И. С. Уляшин (слева) и П. А. Козлов.

щиеся ремесленных училищ, воспитанники детских домов.

Рассказ человека, лично видевшего и разговаривавшего с Лениным, всегда глубоко волнует и надолго остается в памяти.

Вот что пишут Прасковье Афанасьевне воспитанники детских домов Москвы:

«Дорогая Прасковья Афанасьевна!

Мы Вас еще раз сердечно благодарим за проведенную беседу о великом Ленине. Мы, внуки Ленина, приложим все усилия, чтобы отлично выполнить ленинские заветы.

Разрешите пожелать Вам счастья и успехов в Вашей жизни и работе.

Когда будете в Москве, приходите к нам в гости.

Уважающие Вас воспитанники детских домов № 22 и № 33 города Москвы».

Телятница К. С. Горохова.

Жители Моденова входят в объединенный колхоз, носящий имя великого Ленина. Годовой доход колхоза составляет ныне свыше миллиона рублей. Артель славится своим животноводством: еще в 1939 году здешняя ферма была занесена в особую книгу Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

Образцово поставленная работа на молочной ферме позволяет колхозникам надаивать в год по 2 400 килограммов молока на корову.

Немалая заслуга принадлежит колхозному животноводу Ивану Ивановичу Ильюшину.

П. А. Кочетова.

Специального образования он не получил, но, много лет работая на ферме, читал книги, журналы по животноводству и, упорно занимаясь самообразованием, стал глубоко знающим свое дело руководителем.

Известна в районе и телятница Клавдия Сергеевна Горохова. С 1947 года у нее не было ни одного случая падежа телят.

Партийная организация колхоза имени Ленина насчитывает двадцать пять человек. Все коммунисты работают непосредственно на колхозном производстве.

Немалую помощь оказывают колхозу учащиеся неполной средней школы, где директором бывший партизан Леонид Григорьевич Шмайлов.

В этом году пионеры и школьники поставили перед собой задачу: сделать две тысячи торфоперегнойных горшочков.

Пионеры первыми пришли на место, где когда-то стоял дом охотника Новикова, и первыми расчищали площадку для обелиска в память пребывания здесь Владимира Ильича Ленина. Ребята бережно ухаживают за обелиском, летом приносят цветы, а зимой — все сугробы словно отходят в сторону, не смеют замести это священное место.

...Работают на полях колхоза имени Ленина тракторы и комбайны, проносятся по асфальтированному шоссе автомашины.

Глядя на веселых трактористов, проходящих практику в колхозе, старый лесник, участник собрания в избе Кочетовой, Иван Сергеевич Уляшин сказал:

— А все Владимир Ильич. Он всему начало положил...

Г. КАЛИНОВСКИЙ

Фото И. Тункеля и Е. Умнова.

Ранний восход

Книга Льва Кассиля «Ранний восход» названа автором в подзаголовке повестью о юном художнике. По своей природе эта книга документальна. В ней рассказано о короткой и удивительной жизни Коли Дмитриева, московского мальчика, юного художника, трагически погибшего в начале своего творческого пути.

Жизнь Коли Дмитриева удивительна не потому, что она отмечена героическими поступками. В ней поражают сила и зрелость таланта, чудесный его свет, озаривший весь недолгий путь мальчика, недетская сила целеустремленности. Последнее лето Коля Дмитриев провел в деревне, и, если судить по книге, никогда еще так полно и так счастливо не чувствовал он природу. За два месяца он сделал почти полтораста работ. Они были отмечены поэтичностью, зорким и точным «видением» мира, смелостью рисунка. За такой короткий срок юный художник совершил гигантский прыжок к мастерству. И каждая его вещь была овеяна дыханием ласковой любви к нашей стране, ее людям, к большой, цветущей земле с ее рассветами и грозами, цветами и травами, реками и лесами.

Детство каждого из нас полно открытий. Мы видим мир вокруг нас и поражаемся его явлениям, открывая для себя удивительные вещи: рождение грома, шум морской раковины, длину полуденной тени; мы испытываем в детстве и первые радости и первые разочарования. Обо всем этом написано немало книг; тема «узнавания мира» пронизывает многие произведения.

Глава, которой начинается повесть «Ранний восход», так и названа: «Первое открытие». Но на этот раз первое открытие, сделанное мальчиком, — закон перспективы.

Страница за страницей Кассиль рассказывает, как учился мальчик видеть и слышать природу, как постигал тайну «глубины» рисунка, законы пространства и перспективы, соотношение цвета и формы. Рассказ этот очень интересен, в нем не только умно и точно раскрыто глубокое содержание первых открытий, важных для всей дальнейшей жизни героя, но и передана их живая, увлекательная прелесть. Автор раскрывает перед читателем сложный процесс формирования маленького художника, показывает, как выковывался и закалялся своеобразный и привлекательный характер мальчика.

Коля Дмитриев.

Многое удивительно переплетается в этом характере: поэтичность и упорство, мягкость и прямота, сила и детская нежность.

Духовный облик мальчика достоин быть примером и предметом подражания для юных читателей.

Да, за свою короткую жизнь Коля Дмитриев не совершил особых героических подвигов. И вместе с тем сама его жизнь — подвиг. Это был подвиг страстного и самоотверженного служения искусству, подвиг верности главной цели своей жизни, поистине поразительный. В письмах, в многочисленных откликах маленьких читателей на книгу «Ранний восход» можно увидеть примечательную подробность. Ребята ходят смотреть на старый дуб, стоящий у крыльца дома в Плотниковом переулке, где жил Коля Дмитриев. Думается, что этот интерес вызван не только той описанной в книге борьбой за жизнь старого дерева, когда Коля вместе с товарищами отстоял дуб от равнодушных людей, задумавших его спилить. Этот дуб, шумящий в московском дворе, вошел в жизнь мальчика как голос самой природы; красота и задумчивость узловатых, старых ветвей, так полно ощущавшиеся юным художником, пленили и тронули сердца ребят. И старый дуб стал для них как бы частицей жизни Коли.

Мне кажется, что тема повести, ее своеобразный материал обогатили Кассиля как писателя. Радует тонкость и точность описаний, вдумчивость, с которой автор раскрывает процесс творчества художника, бережливая мягкость и глубина в передаче первой любви Коли, его раздумий и стремлений. Используя подлинные письма, документы, дневники, соблюдая верность главным датам биографии героя, писатель обобщил фактический материал, подчинил его единой цели, законам художественного повествования.

Тем огорчительнее видеть в этой книге шероховатости. Нехорошо, когда ребята вдруг начинают говорить условным, принятым в детской литературе языком, на том якобы обязательном мальчишеском жаргоне, который сейчас звучит попросту старомодно. Нехорошо, когда вдруг выскакивает на поверхность персонаж с много раз описанными в литературе приметами чудаковатости — он даже восклицает, как восклицали сотни подобных стариков: «Те-те-те».

Впрочем, эти недочеты ощутимы главным образом в первой половине книги. Последние главы, описание последнего лета в жизни Коли Дмитриева, бесспорно, лучшие в повести.

Закрываешь книгу, полюбив и оценив светлый, поразительный талант юного художника, испытывая чувство гордости за нашу Родину, щедро рождающую дарования такой силы.

Татьяна ТЭСС

Лев Кассиль. Ранний восход. Детгиз. 1953. 310 стр.

Новое о Денисе Давыдове

Знаменитый поэт-партизан Денис Васильевич Давыдов, как известно, не состоял в тайных декабристских организациях. Однако со многими декабристами он дружил и, разделяя их возмущение аракчеевским режимом, сочувственно относился к попыткам просвещения солдат.

19 февраля 1818 года генерал-майор Д. В. Давыдов был назначен начальником штаба седьмого корпуса второй армии, расквартированной на юге России. Начальником штаба четвертого корпуса той же армии был один из близких друзей Давыдова — декабрист Михаил Федорович Орлов.

В Киеве, где находился штаб четвертого корпуса, М. Ф. Орлов вводил обучение солдат и солдатских детей по так называемой ланкастерской системе взаимного обучения (при которой «сильные» ученики обучают «слабых»), используя эту систему для политической агитации.

Давыдов решает завести ланкастерские школы и в своем корпусе. Это подтверждается двумя его письмами, обнаруженными нами в Ленинградском историческом архиве. Они адресованы старому приятелю поэта — дежурному генералу главного штаба А. А. Закревскому, принадлежавшему в то время к «ермоловскому кругу».

25 июня 1818 года из Умани Давыдов пишет:

«Я видел несколько раз военно-сиротское отделение в Киеве, преобразованное Орловым — видел и восхищался! А так как корпусная наша квартира переходит в Херсон, где такое же отделение, то я хочу им заняться, на что требую от тебя разрешение, таким образом чтобы комендант не мог мне делать преград».

Получив разрешение, Давыдов с присущей ему энергией взялся за дело.

14 октября 1818 года он сообщает Закревскому:

«Я принял в ведение Херсонское военно-сиротское отделение в начале сего месяца... Сверх введения метода взаимного обучения (или ланкастерской) я бы хотел, чтобы воспитанников кормили лучше, чтобы как они сами, так и казармы, и учебные залы были как стекло, но на все это надо деньги, и на употребление 13.769 рублей суммы, принадлежащей сему отделению, нужно от тебя разрешение, или по крайней мере позволение мне заимствовать из нее нужное количество денег, ибо если на первое ты не имеешь права и на употребление ее не воспоследует вышнего разрешения, то я по образовании всего могу внести свои собственные деньги. Привыкши спать на бурке с седлом в изголовье, мне многого не нужно!»

Неизвестно, сумел ли Закревский добиться разрешения на отпуск казенных денег, или Давыдову пришлось расплачиваться своими собственными, но в Херсоне было обучено по ланкастерской системе 660 человек.

Весной следующего, 1819 года Давыдов был переведен на должность начальника штаба третьего корпуса той же армии, однако он продолжает помогать херсонцам. Характерно, что Давыдов следит за тем, чтобы обучение велось не по официальным литографическим прописям, а именно так, как в киевской ланкастерской школе. 20 сентября 1819 года, например, уведомляя Закревского, что он «по мере возможности» помогает Херсонскому отделению, Д. В. Давыдов упоминает: «Недавно на мой счет ездил в Киев инженерный офицер Воронецкий, чтобы совершенно дать тот же ход учению и в Херсонском отделении».

Н. ЗАДОНСКИЙ

Слова дружбы и уважения

Сохранился любопытный рассказ Гоголя о том, как он в 1837 году посетил «Комеди франсез», когда там праздновали день рождения Мольера.

«Давали его пиесы «Тартюф» и «Мнимый больной». Обе были очень хорошо играны... Каждый год Théâtre Français торжествует день рождения Мольера. В этом было что-то трогательное. По окончании пиесы поднялся занавес: явился бюст Мольера. Все актеры этого театра попарно под музыку подходили венчать бюст. Куча венков вознеслась на голове его. Меня обняло какое-то странное чувство. Слышит ли он, и где он слышит это».

Гоголь был не первым деятелем русской культуры, которого видела в своих стенах «Комеди франсез». Еще в XVIII веке в ней побывали Фонвизин, Карамзин, знаменитый русский актер того времени Дмитревский.

Будучи в Париже в 1765—1768 годах, Дмитревский завязал дружеские отношения с корифеями «Комеди франсез»: с Лекеном, исполнителем главных ролей в трагедиях Вольтера, и с Клерон и Дюмениль, лучшими трагическими актрисами театра. «Надобно было видеть Лекена,— говорил Дмитревский,— в роли Магомета, Танкреда, Оросмана, Замора и Эдипа-царя, чтобы постигнуть, до какой степени совершенства может быть доведено сценическое искусство, потому что вообразить себе этого нельзя. Лекен и Дюмениль — это настоящие трагические божества».

Внимание Фонвизина, посетившего Париж спустя десять лет и не заставшего уже в живых Лекена, привлекало главным образом мастерство комедийных актеров театра. Фонвизин отмечал реализм их игры или, как он выражался, совершенное «подражание натуре». «Словом, комедия в своем роде есть лучшее, что я в Париже видел», — писал автор «Недоросля».

Отзыв Карамзина о спектаклях «Комеди франсез» (1790) интересен попыткой писателя охарактеризовать особенности исполнения классической трагедии актерами театра: «Вот декламация! Вот действие! Благородство в виде, величавость поступи, ясность, чистота в произношении, и в каждом слове душа, то есть, всякая Поэтова мысль оттенена, всякая мысль выражена свойственным ей тоном, и в гармонии с игрою глаз, с движением руки, везде живопись, везде картины — и если зритель, несмотря на сие утончение искусства, остается холоден, то, конечно, не актеры виноваты».

Передовые русские люди XIX века подчеркивали национальный характер мастерства актеров «Комеди франсез».

В 1847 году, рассказывая в «Письмах из Avenue Marigni» о постановке трагедий Расина, Герцен утверждает, что именно актеры «Комеди франсез» выработали тот исполнительский стиль, который может раскрыть все значение Расина: «Есть нечто поразительно величавое в стройной, спокойно-развивающейся речи расиновских героев; диалог часто убивает действие, но он изящен, но он сам действие; чтобы это понять, надобно видеть Расина на сцене французского театра: там сохранились предания старого времени, предания о том, как созданы такие-то роли Тальмой, другие Офреном, Жорж...»

Герцен отмечает необычайную строгость исполнения, присущую актерам французского театра: «...два — три актера, как статуи на пьедестале: все устремлено на них. Сначала дикция их, чрезвычайно благородная и выработанная, может показаться изысканной, но это не совсем так: торжественность эта, величавость, рельефность каждого стиха идут духу расиновских трагедий».

Герцен оставил нам замечательное описание игры Рашель, одной из величайших актрис, выдающейся представительницы сценического классицизма. «Как теперь вижу эти гордо надутые губы, этот сжигающий, быстрый взгляд, этот трепет страсти и негодования, который пробегает по ее телу! А голос,— удивительный голос! — он умеет приголубить ребенка, шептать слова любви и задушить врага, и исполниться злобы, гнева, суровости; голос, который походит на воркование горлицы и на крик уязвленной львицы».

С творчеством Рашель был знаком и великий русский актер Щепкин. Ради встречи с Рашелью во время своей поездки за границу он летом 1853 года заехал в Париж. Из беседы с французской актрисой Щепкин убедился в том, что она к своему искусству относится так же сознательно, как и он. В знак дружбы Рашель подарила русскому артисту рукопись трагедии Расина «Эсфирь» с надписью: «Дар великому комедийному актеру господину Щепкину от умеющей думать трагической актрисы Франции Рашель».

В сезон 1853—1854 года Рашель гастролировала в Петербурге и в Москве, и Щепкин увидел ее тогда во многих ролях ее репертуара. Щепкин не только восхищался талантом и огромным темпераментом актрисы, но и высоко оценил обдуманность ее игры и тщательное изучение ею всех деталей своих ролей.

«...Появление Рашели весьма благодетельно для искусства, — писал Щепкин. — Она столько бросила в мою старую голову мыслей, что не знаю, как и ладить с ними».

В 1899 году «Комеди франсез» посетил один из лучших русских романтических актеров и вдумчивый исследователь театра — Ю. М. Юрьев. Наибольшее впечатление произвел на него Мунэ-Сюлли. Знаменитый французский трагик, «мастер героики», превосходно выразил, по мнению Юрьева, стиль французской национальной драмы — блестящей по форме, часто как будто рассчитанной на внешний эффект, но исполненной искреннего, большого чувства. Немногими штрихами характеризует Юрьев в своих «Записках» манеру игры Мунэ-Сюлли в роли Рюи Блаза (в одноименной драме Гюго) — простого человека, попавшего в среду развращенной аристократии. Великолепно исполнял Мунэ-Сюлли знаменитый монолог Рюи Блаза, в котором он обличает продажных министров.

«Мунэ-Сюлли начинал его тихо, — пишет Юрьев, — как бы экономя энергию, но, постепенно разгораясь, давал к концу такую силу негодования, что зрительный зал как бы насыщался электричеством, исходившим от него».

Выдающиеся мастера Московского Художественного театра, побывавшие в «Комеди франсез» в 1937 году во время своих гастролей в Париже, снова отметили характерное для французских актеров мастерство диалога, законченность жеста и классическую строгость исполнения.

Советские зрители видят в «Комеди франсез» представителей славной традиции многовековой театральной культуры.

М. ЧЕРНЕВИЧ

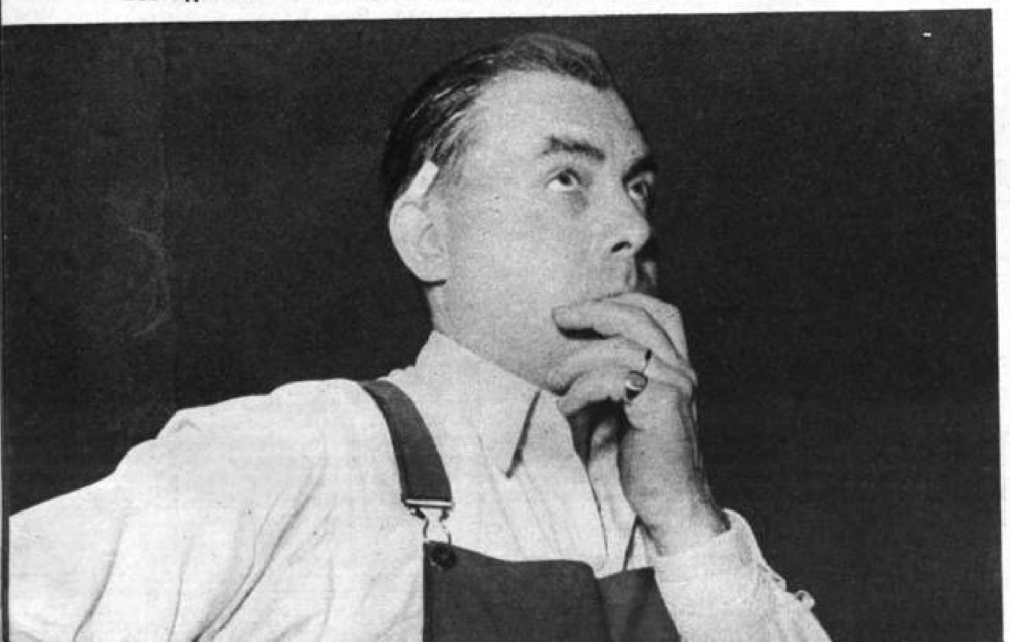

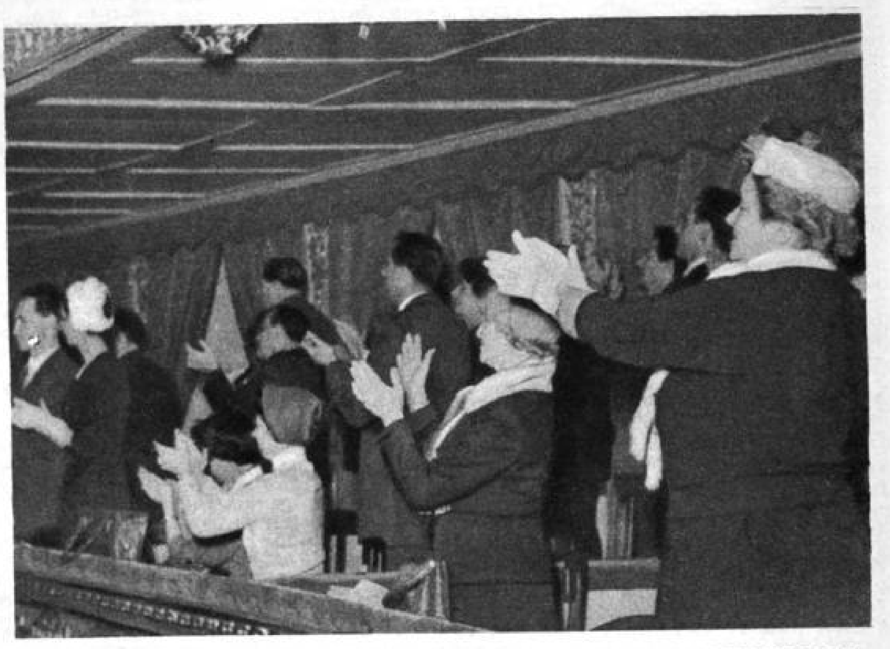
ПЕРВЫЕ ДНИ

Французские артисты прилетели в Москву вечером. А уже на следующий день они осматривали столицу: ходили по улицам, фотографировали памятники старины и новые стройки, знакомились с москвичами и уж, конечно, побывали около Малого театра, где им предстояло сыграть свой первый спектакль.

А на другое утро началась подготовка к премьере. На сцене устанавливают декорации. Техническое оснащение Малого театра великолепно — это отмечает главный обойщик сцены Рене Лепин. Но не сразу все идет как по маслу. Иногда призадумаешься...

В воскресенье артисты «Комеди франсез» восторженно аплодировали артистам Большого театра, участникам балета «Золушка».

— Это прекрасный спектакль,— говорили французы. — И больше всего впечатляет то, что здесь нет только танцовщиков и только танцовщиц. Каждый — актер, он создает образ, передает внутреннее состояние своего героя.

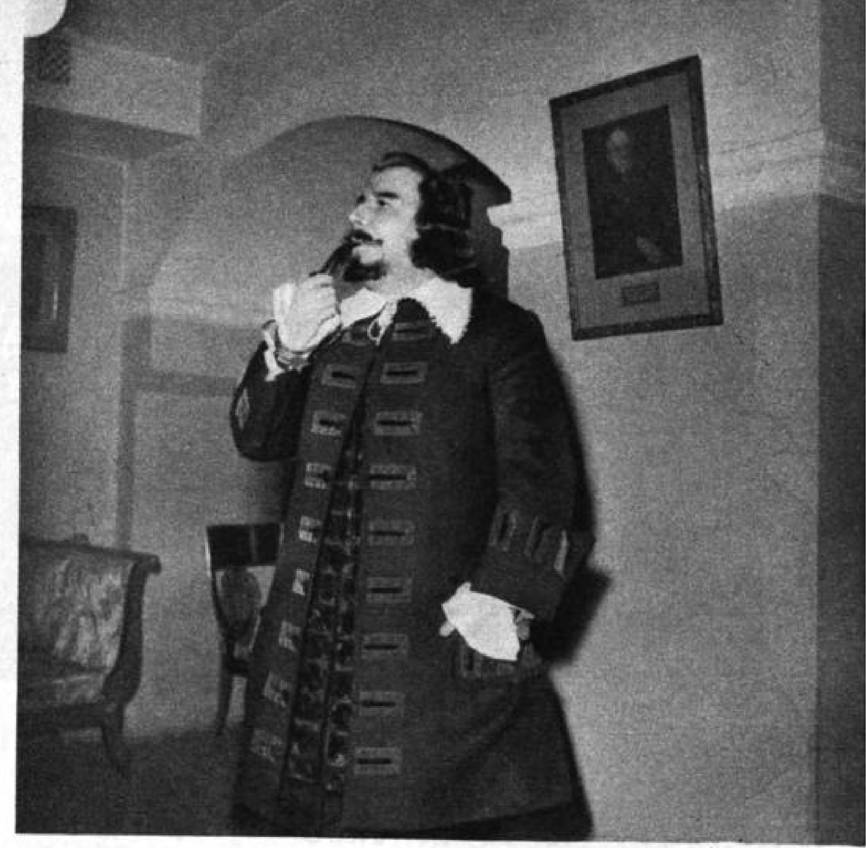
Перед началом гастролей гости еще раз посетили Большой театр: они слушали «Пиковую даму».

Наступил вечер, которого с волнением ожидали актеры. Не меньше других волновался и Олег Фомин, студент театрального училища имени Щепкина. В последнем действии ему предстояло сыграть эпизодическую роль стража. Его гримировали сразу два гримера: Лулу Шаплэн (справа) и Лидия Захарова.

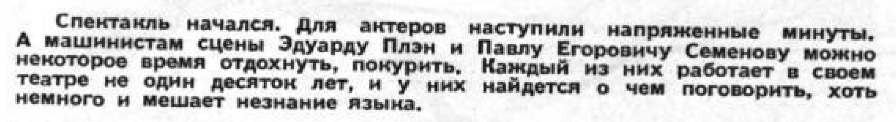
Зал будет переполнен — москвичам это было ясно задолго до начала гастролей, но одна из самых молодых участниц спектакля, Мишелин Будэ, хочет удостовериться в этом собственными глазами.

Свободные минуты артист Луи Сенье, исполнитель роли Оргона, пр водит в артистическом фойе, разглядывая портреты мастеров Малоı театра.

Одна из ведущих актрис театра, Беатрис Бретти, играет в «Тартюфе» роль Дорины. Через несколько минут — выход на сцену.

Спектакль начался. Для актеров наступили напряженные минуты. А машинистам сцены Эдуарду Плэн и Павлу Егоровичу Семенову можно некоторое время отдохнуть, покурить. Каждый из них работает в своем театре не один десяток лет, и у них найдется о чем поговорить, хоть немного и мешает незнание языка.

Тут же старейшая актриса «Комеди франсез» Берт Бови уже рассматривает свой собственный портрет, сделанный во время спектакля советским художником.

Произведение великого французского драматурга в исполнении актеров «Комеди франсез» горячо принято советскими зрителями.

Советских артистов, вышедших на сцену, чтобы поздравить французских коллег, взволнованно благодарил исполнитель роли Тартюфа Жан Ионель.

— Прием, который нам оказали в Советском Союзе, — сказал он, — превзошел все наши ожидания. Это доказывает, что наши народы связаны узами симпатии и дружбы. Если гастроли театра в Советском Союзе хоть в малейшей степени укрепят эту дружбу, расширят связи между нашими странами, мы будем счастливы.

Г. БОРОВИК

Фото Е. Тиханова.

ПРИЕЗЖАЙТЕ

С вершины Кохты открывается величественная панорама.

В. ЗАХАРЧЕНКО

Фото автора.

Неудержимая сила подхватывает тебя и наперекор всем законам тяготения уносит все выше и выше по искрящейся снежной крутизне, туда, к ослепительно белой вершине. Лыжи режут звонкие крупные кристаллы утреннего снега.

По сторонам проплывают вековые ели со снежными шапками на придавленных ветвях. Еще круче становится подъем. Еще сильнее натянулся стальной трос подъемника, и лыжи оказались перед глазами почти на уровне плеч. Последнее усилие фуникулера, и мы на вершине.

Теперь можно слезть с сиденья, на которое ты начал опираться там, внизу, у подножия Кохты, где сейчас крохотным кубиком виднеется машинная станция подъемника.

Какая ширь! Беспредельный простор открывается отсюда. Где-то у самого горизонта тянется сверкающая ледяными гранями цепь Главного Кавказского хребта. Видны двугорбая вершина Эльбруса и шатер Казбека. А между ними сотни километров заполненных зубчатой вереницей снежных гор.

Отсюда, с вершины Кохты, долина Бакуриани кажется белой чашей, заполненной мартовским солнечным светом. На дне ее черными точками раскинулась деревня. Пушистым конусом поднимается дымок паровоза, и, словно спичечные коробки, рассыпанные по скатерти, мелькают у нас под ногами голубые домики ближайшей лыжной базы «Наука».

При мысли, что через несколько десятков минут головокружительного спуска с сотнями виражей и поворотов ты будешь стоять возле этих двухэтажных зданий, тревожно и радостно замирает сердце у каждого лыжника.

Вот это спуск! Снежный путь, во время которого скорость может достигнуть почти ста километров в час. Но, спустившись, лыжник

Возле горнолыжной базы спортивного общества «Наука».

Электрический подъемник увлекает лыжников на вершину.

На головокружительном спуске с вершины Кохты.

В БАКУРИАНИ

снова направляется к фуникулеру, и снова неудержимая сила тянет его вверх, на вершину.

И снова спуск...

Бакуриани — лучший лыжный курорт нашей страны. Он находится на Кавказе, невдалеке от всемирно известного курортного городка Боржоми.

Поднятая на высоту 1 700 метров над уровнем моря, окруженная со всех сторон горами, долина Бакуриани почти все зимние месяцы залита солнцем. Ветры не проникают сюда, и обильно выпадающий снег, ложась на пни и стволы деревьев, образует огромные белые грибы. Запах смолы, ароматы хвои пропитали воздух долины, насытив его фитонцидами, убивающими бактерии.

С ноября по апрель лежат здесь нетающие пушистые снега. Средняя температура января — февраля не превышает шести градусов мороза. Солнечным днем здесь можно встретить бронзовотелых лыжников, катающихся в одних трусах и черных очках-консервах.

По природным условиям Бакуриани превосходит такой европейский лыжный курорт, как Давос. И не зря со всех концов Советского Союза приезжают сюда отдохнуть и покататься любители горнолыжного спорта.

— Того, кто побывает здесь хоть раз, неотвратимо тянет сюда снова, — говорит до черноты загорелый инженер Михаил Павлович Изашвили.

Вот уже сколько лет подряд проводит он с семьей отпуск здесь, в Бакуриани.

— Берегитесь, молодожены, заболеете этой болезнью! — смеется он над архитекторами-москвичами.

Долина Кашперова и Дмитрий Киржаков совершают свадебное путешествие.

Отдыхает на снежных склонах вместе с женой и ректор Ленинградского университета профессор А. Д. Александров.

Делают первые успехи в слаломе Лали Ахмедели и Нателла Кебадзе — работники Тбилисского института переливания крови. От них не отстает весельчак-хирург Гиви Гзилишвили.

В этом году на склонах Кохты побывали студенты Москвы, Ленинграда, Киева, Таллина, Риги и многих других городов.

— А почему я должен отдыхать обязательно летом и на берегу моря? — говорит инженер Борис Еленин.— Ни у какого моря я не загораю так, как здесь зимой, на снегу.

По снежной целине мы стремительно спускаемся на лыжах из Бакуриани к Боржоми, пьем теплую боржомскую воду прямо из источника и, взяв билеты до Москвы, садимся в поезд.

И когда Сурамский перевал остается далеко позади, когда в окно врывается голубизна весеннего моря, когда перед глазами, растопырив перепончатые лапы листьев, проплывают вечнозеленые пальмы и расцветающие мимозы, спутники по купе с недоверием смотрят на лыжи и с таким же недоверием слушают рассказы о том, как ты бороздил почти двухметровую толщу снега, подставляя обнаженную грудь лучам высокогорного солнца.

— Если не верите, приезжайте сами в Бакуриани,— заканчиваю я свой рассказ.

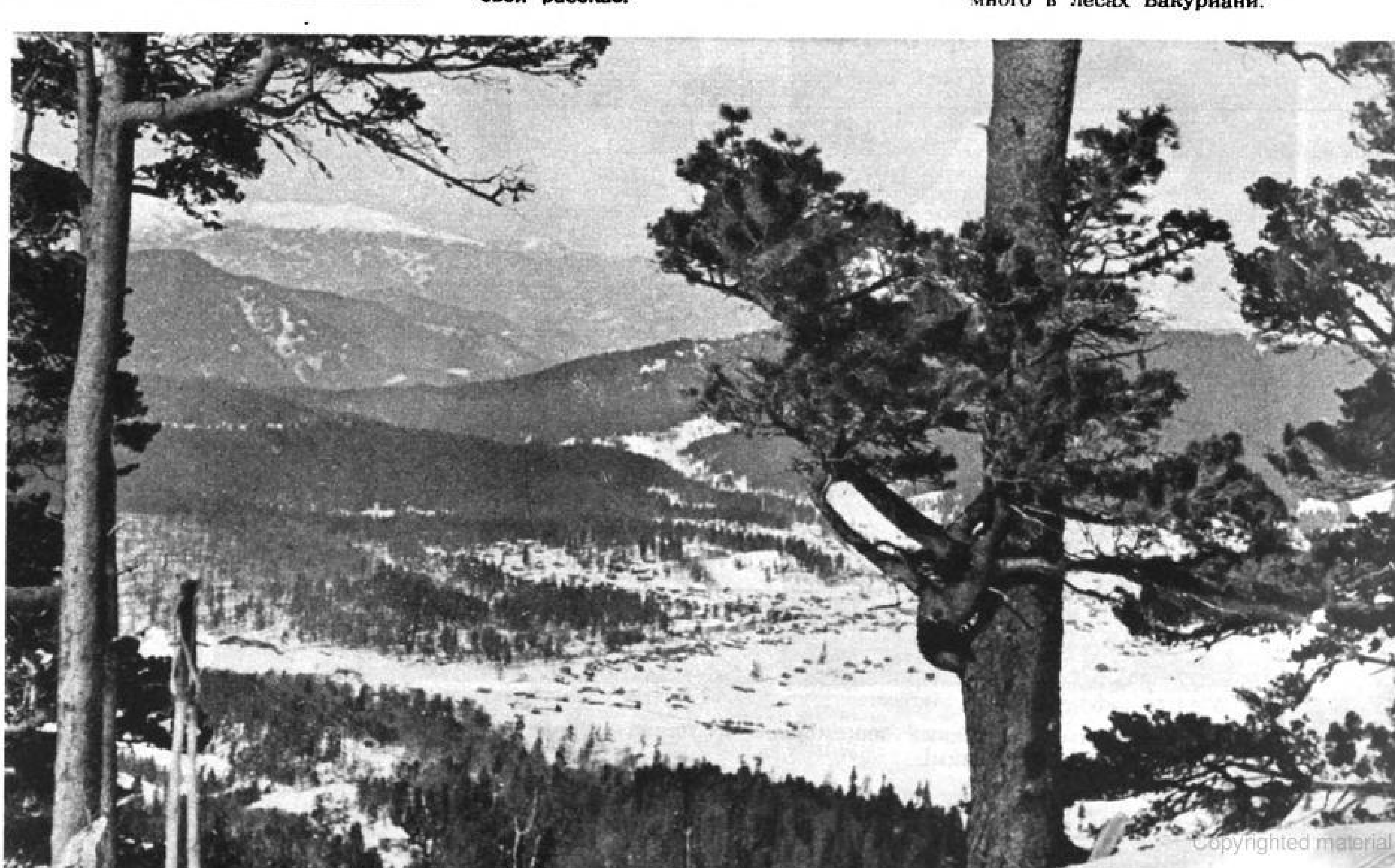
Мераб Хуцишвили и Ира Изашвили — студенты Грузинского политехнического института.

На склонах Кохты проводятся крупнейшие соревнования по слалому и скоростному спуску.

Огромные снежные грибы — их много в лесах Бакуриани.

Когда смотришь с вершины, черными пятнышками на снегу кажутся домики деревни Бакуриани.

Полчаса на сцене

Что это значит! Никто меня не встречает...

Где же принц!

Московский Малый театр поставил трагедию Э. Лессинга «Эмилия Галотти» (режиссер — В. И. Цыганков), отозвавшись этим спектаклем на 225-летие со дня рождения великого немецкого писателя XVIII века. Действие «Эмилии Галотти» происходит в небольшом итальянском княжестве, но эта вымышленная Италия понадобилась драматургу для того, чтобы со всей силой разоблачить жестокие нравы, царившие в карликовых владениях деспотов современной ему Германии. Безнравственный и бесчестный принц Гонзага задумал овладеть юной Эмилией Галотти. Но в замке Гонзага, некогда служившем прибежищем любви его и графини Орсины, куда теперь удалось заманить Эмилию, появляется отвергнутая Орсина...

Роль Орсины занимает в спектакле особое место. Именно ей Лессинг доверил тираноборческую идею пьесы, вложив в уста этой женщины страстный гневный протест против произвола и продажности двора. Это сложный образ. Широкий ум и сильная воля сочетаются в Орсине с пламенным сердцем. Оскорбленное достоинство женщины и человека взывает к мщению.

Роль Орсины в Малом театре исполняет артистка Д. В. Зеркалова. Всего тридцать минут длится эпизод с ее участием, но эти полчаса, в которых раскрывается трагическая судьба оскорбленной женщины, держат зрителя в сильнейшем напряжении. Неизжитая еще любовь Орсины, муки ее сердца, глубокое прозрение своего позора, рождающаяся в ней ненависть к тирану вместе с горячим сочувствием к семье Галотти — все эти оттенки чувств прекрасно переданы артисткой. Сцена с участием Орсины — одна из самых впечатляющих в спектакле.

Е. НИКОЛАЕВА

Фото Ф. Латыповой.

Будь они прокляты, продажные лицемеры, продажные лжецы!

Принц — убийца... Завтра я объявлю об этом на рыночной площади.

Добрый и милый отец!.. То, что случилось с вашей дочерью,— хуже смерти.

У ПРЕДЕЛОВ ТОЧНОСТИ

Грузовик осторожно лавирует в густом потоке автомашин. Пропетляв по лабиринту переулков у Никитских ворот, он въезжает на улицу Щусева и пристраивается к очереди перед каменным забором с чугунной решеткой. С автомобилей бережно снимают ящики и несут их в старинный дом с белыми колоннами. Это Московский государственный институт мер и измерительных приборов. В ящиках — маленькие, как ручные часы, манометры, огромные, в несколько сот килограммов, трансформаторы, весы различных конструкций. Предприятия столицы и области присылают сюда измерительные приборы для того, чтобы установить правильность и единообразие их показаний.

Метр на заводе «Уралмаш» должен в точности равняться ленинградскому; если свердловчане и ленинградцы будут мерить выпускаемую продукцию каждый «на свой аршин», то мотор завода «Электросила» не сядет в приготовленное ему гнездо на уральском экскаваторе. Килограмм, градус, метр во Владивостоке должны соответствовать тем же мерам в Минске, во всей стране, во всем мире. За этим ревностно следит метрологическая служба.

Еще в прошлом столетии 17 государств договорились о единых для этих стран мерах. Конвенцию подписала и Россия. Выдающиеся ученые мира отдавали свои знания науке об измерениях. Пятнадцать последних лет жизни посвятил ей Д. И. Менделеев: с 1892 года он был ученым хранителем образцовых мер России.

Лаборатория мер длины находится под землей.

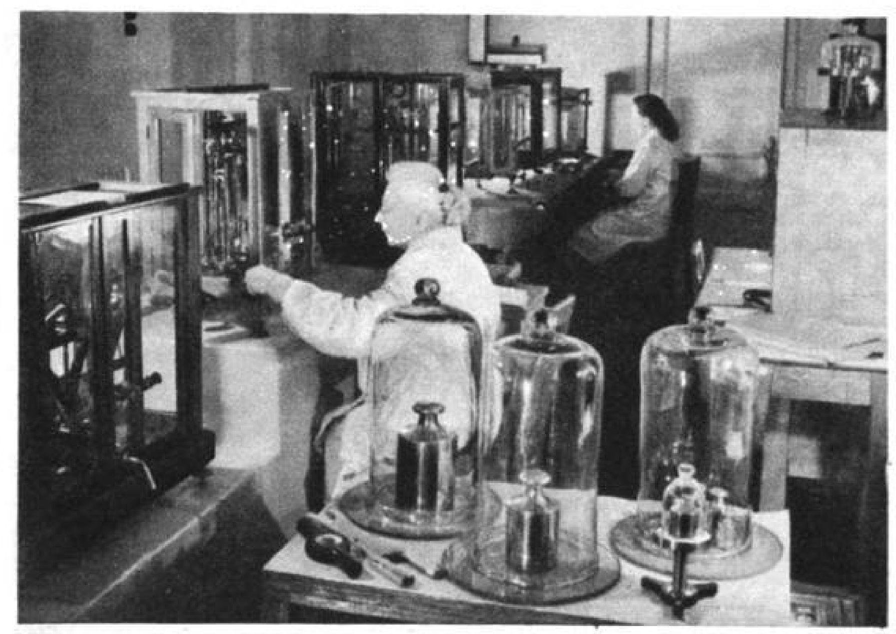
— Наверху мы не смогли бы работать,— говорит метролог Л. Н. Логачева.— Нашим мерам и приборам нужны абсолютный покой и постоянная температура, иначе они потеряют свою точность.

В компаратор — прибор для точнейших линейных измерений — зажата железная линейка. Перекрестие микроскопа наведено на одно из ее делений. Приблизьте к линейке руку, и деление поплывет в сторону: от тепла руки линейка удлинилась!

Стены комнаты опоясаны черным желобом с электрическими лампочками, которые то загораются, то разом гаснут. Излучая тепло, они поддерживают постоянную температуру. Едва она понизится на одну десятую градуса против требуемых двадцати, чуткое реле — термометр — включит обогреватель, который будет гореть до тех пор, пока в лаборатории не станет на одну десятую градуса теплее.

По всей лаборатории установлены массивные каменные тумбы. Они глубоко врыты в землю, чтобы вздрагивающий под ногами пол не покачнул стоящие на них капризные приборы. В двух деревянных футлярах со стеклянными крышками покоится металлический брусок, похожий на букву «Н». На бруске тончайшим резцом нанесены штрихи, расстояние между которыми равно одному метру. Брусок изготовлен из сплава — инвара,— который почти не реагирует на изменение температуры.

Ежегодно с большими предосторожностями его возят в Ленинград на сверку с платиновым метром в хранилище государственных образцов-эталонов. За последние 12 лет московский метр стал короче на 0,65 микрона...

В лаборатории мер массы.

Московский институт — единственное учреждение в СССР, которому принадлежит право аттестовать вновь создаваемые нашей промышленностью измерительные приборы. Недавно здесь проводились испытания универсального микроскопа. Внешне он похож на станок с оптическими трубами. С его помощью с точностью до одного микрона можно измерить любые расстояния на деталях самых сложных конфигураций.

В одном из подвалов находится лаборатория мер массы. Почти все ее оборудование состоит из весов и гирь. Весы стоят на массивных фундаментах. Не только эталонные меры — гири — укрыты стеклянными колпаками, в стеклянные футляры спрятаны и приборы — весы. А весы здесь всякие: маленькие, с чашечками в пятачок, и большие, выше человеческого роста.

При сравнении эталонных гирь в один килограмм пользуются весами, которые управляются рычагами из соседней комнаты: присутствие человека в лаборатории помешает точному измерению. На коромысле весов вместо обычной стрелки — зеркальце. В нем наблюдатель видит отражение шкалы, находящейся в нескольких метрах от весов. Гиря в один килограмм взвешивается с точностью до двадцатитысячной доли грамма. При взвешивании замечают крайние положения стрелки и по формуле, с помощью арифмометра, вычисляют вес. Весы настолько чувствительны, что пришлось бы слишком долго ждать, пока коромысло успокоится.

При точных измерениях метрологам приходится считаться с тем, что по мере приближения к центру земли вес тела увеличивается. Паровоз в Мурманске, например, весит на 270 килограммов больше, чем в Ташкенте: земля сплюснута у полюсов, — и Мурманск ближе к центру земли, чем Ташкент.

В лаборатории весоизмерительных приборов испытываются весы, предельная нагрузка которых — пять миллиграммов. Внешне они напоминают настольные часы, и лишь когда приглядишься, замечаешь сбоку от циферблата маленький стеклянный шкафчик. В нем на тонкой нити висит чашечка величиной с копейку. На этих весах можно взвесить... чернильную точку. Для этого на чашечку кладут маленький клочок бумаги и замечают положение стрелки на циферблате. На бумаге ставят точку. Чаша сначала пошла вниз, а через некоторое время начинает подниматься: чернила высыхают. Но до верхнего положения она так и не доходит: это и есть вес высохшей точки.

В институте не только хранят образцовые меры и испытывают новые приборы, но и проводят научно-исследовательскую работу. В 1952 году доктору технических наук М. К. Жоховскому и инженеру В. Н. Граменицкому была присуждена Сталинская премия за создание ряда образцовых приборов, в том числе и установки для измерения давления до 10 000 атмосфер.

В последнее время инженеров В. Н. Граменицкого и К. И. Хансуварова можно часто встретить в пастеризационном цехе на Московском хладокомбинате имени А. И. Микояна. Они создали прибор для определения веса жидкости в закрытом резервуаре. Мастер цеха Галина Оленева торопит ученых: в приборе большая нужда, пока что количество смеси в танках-цистернах приходится узнавать на глазок.

Центральное помещение института занимает отделение электрических и тепловых измерений. Пол и стены заняты приборами, щитами с рубильниками, а высоковольтный конденсатор висит даже под потолком. В лаборатории — тишина, подчеркнутая комариным гудением трансформатора. У электриков есть свой подвал, где хранится рабочий эталон электродвижущей силы — батарея гальванических элементов. Ее так берегут, что никому не показывают, и как она выглядит, известно немногим.

Обеспечивая единство мер и точность измерительных приборов, метрологическая служба помогает нашей промышленности создавать новую, могучую технику.

В. МАТВЕЕВ

На Московском хладокомбинате имени А. И. Микояна. Инженеры В. Н. Граменицкий (справа) и К. И. Хансуваров объясняют Г. Оленевой устройство созданного ими прибора.

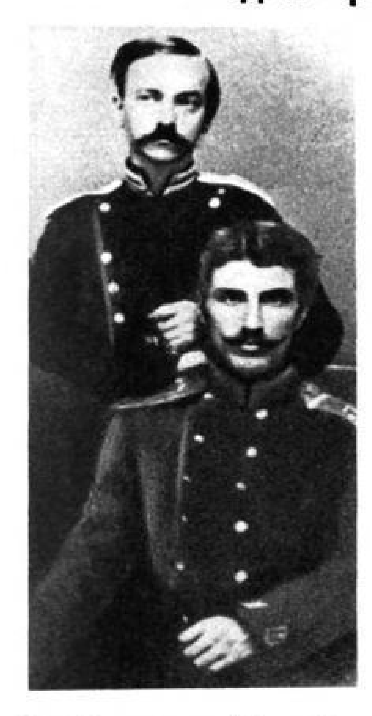
Фото А. Новикова.

Лаборант В. К. Транковская проводит исследование детали с помощью универсального микроскопа.

Из почты «Огонька»

Редкая фотография

Н. М. Пржевальский (сидит) и М. И. Венюков.

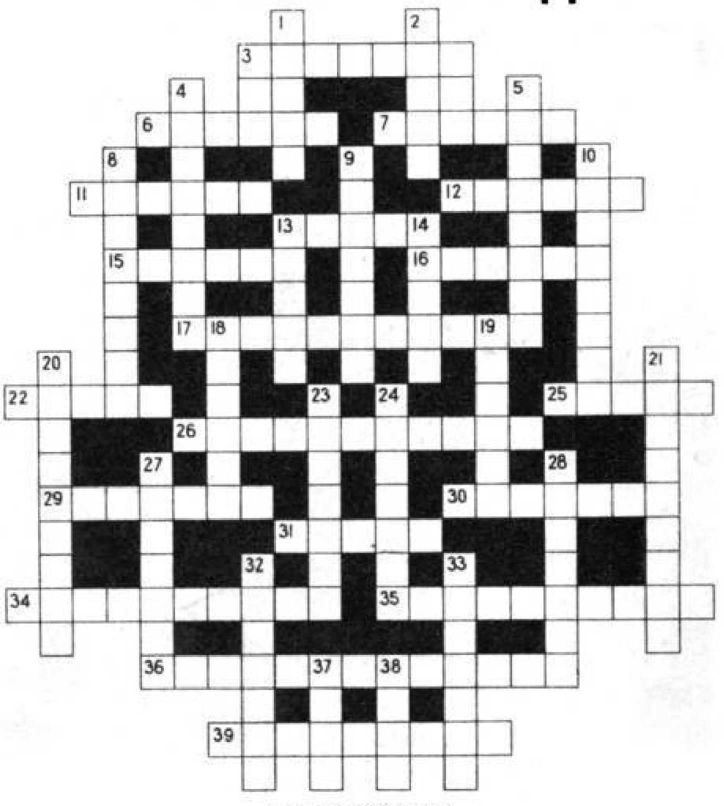
12 апреля исполнилось сто пятнадцать лет со дня рождения русского путешественника — исследователя Центральной Азии Н. М. Пржевальского. В частности, он первый изучил строение крупнейшего в мире Тибетского нагорья и окаймляющей его с севера мощной горной системы Куэнь-Лунь.

В Географическом обществе СССР, в Ленинграде, хранится личный архив великого путешественника: неопубликованные дневники, записки, письма. Среди них недавно обнаружено двадцать писем к Н. М. Пржевальскому от М. И. Венюкова — известного исследователя русской Азии и Китая, крупного историка и этнографа, сотрудника «Колокола» А. И. Герцена.

Найдена также очень редкая фотография Н. М. Пржевальского и М. И. Венюкова, датированная: «25 мая 1863 года». Творческое содружество этих двух выдающихся русских путешественников-географов не прекращалось до смерти Н. М. Пржевальского.

В. МАКСИМОВ,
действительный член Географического общества СССР.

Кедровка

Вероятно, не многим известно, какую важную работу выполняет птичка со скромным оперением — кедровка, или ореховка.

Она питается кедровыми семенами — орехами и при этом невольно распространяет их. Лишь только созрели орехи, а кедровка уж тут как тут. Неутомимая птичка трудится «не покладая рук» и днем и ночью, собирая урожай орехов. Набрав в зоб побольше семян, кедровка отлетает от места сбора на значительное расстояние, иногда до 10 километров, и закапывает их небольшими кучками, по 10—20 штук, в мох или дерн. Своими запасами кедровка питается зимой и весной, но использует их не полностью. Часть орехов прорастает и дает начало новому поколению деревьев.

Интересно отметить, что в большинстве случаев кедровка заносит орехи на гари, вырубки и другие места, требующие облесения, и, следовательно, содействует восстановлению лесов.

Иркутск.

А. СМИРНОВ,
кандидат сельскохозяйственных наук.
Фото Реймерса.

Цыплята и котята

Однажды летом мне пришлось жить в Геническе, Херсонской области. На колхозной ферме я был свидетелем забавной картины.

Колхоз получил из инкубатора много цыплят. Первые дни птенцов питали кислым молоком. В кормушке, куда сливали молоко, цыплята буквально купались. Но вот как-то за загородку, где находились цыплята, проникли котята. Они стали лакать молоко вместе с цыплятами. Позднее и птенцы и «хищники» вместе бродили по двору, греясь на солнцепеке; котята вылизывали цыплят, замазанных кислым молоком. Я сфотографировал несколько таких сценок.

Сержант **М. БИТКОВ**

Картина-вышивка

«Ромео и Джульетта». Вышивка крестом Леневской.

Белоруссия издавна славится искусством вышивки. Наиболее одаренные вышивальщицы охотно берутся за выполнение сложных композиций. Жительница Минска Мария Васильевна Леневская недавно закончила вышивание крестом картины на сюжет «Ромео и Джульетта». Положив в основу своей работы иллюстрацию к трагедии Шекспира, М. В. Леневская трудилась над вышивкой год. Картина размером 100 × 70 сантиметров отличается тонким подбором цветов, приятным колоритом.

М. В. Леневская сообщает, что, по ее подсчету, она в своей вышивке сделала до 250 тысяч крестиков.

Е. КОЛЕСНИК

Арбуз-гигант

Мягко шуршит под взмахами косы высокая сочная трава. Девушка косит с увлечением. Широкий размах — и вдруг коса ударилась о что-то твердое. Раздался резкий треск, словно выстрел. Девушка от неожиданности отпрянула. Потом осторожно примяла траву и под ней увидела... гигантский арбуз.

Как позднее выяснилось, редкостный арбуз весил 85 килограммов 700 граммов. Растению посчастливилось: небольшой ручеек прорвался к нему от ближайшего арыка и создал особо благоприятные условия для роста.

За обедом бригада косарей из сорока человек едва справилась с половиной арбуза.

Этот случай произошел в Янги-Наукатском районе, Ошской области, Киргизской ССР.

П. КИСЕЛЕВ

В этом номере на вкладках: четыре страницы репродукций с картин В. В. Верещагина и четыре страницы цветных фотографий.

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Выборный или назначенный представитель. 6. Непаханая земля. 7. Собрание членов выборного руководящего органа в полном составе. 11. Путь движения небесного тела. 12. Автономная советская республика. 13. Драма И. Попова. 15. Областной город в Белорусской ССР. 16. Планета. 17. Система приемов возделывания сельскохозяйственных культур. 22. Объединение предприятий. 25. Промышленное предприятие. 26. Профессия. 29. Роман Р. Джованьоли. 30. Учащийся. 31. Город в Крымской области. 34. Специальность. 35. Южная полярная область. 36. Работник печати. 39. Прибор для различного рода измерений.

По вертикали:

1. Семена хлебных злаков. 2. Жировое вещество. 4. Советская рекордсменка по скоростному бегу на коньках. 5. Злак. 8. Движение вперед. 9. Коллегиальный орган. 10. Участница детской организации. 13. Птица. 14. Дерево. 18. Периодическое издание. 19. Местность с природными лечебными средствами. 20. Отрасль народного хозяйства. 21. Сельскохозяйственная машина. 23. Трехсложная стихотворная стопа. 24. Представительница одного из народов СССР. 27. Человек, имеющий большой опыт в своей специальности. 28. Защитник. 32. Водоразборное устройство. 33. Сооружение для спортивных состязаний. 37. Род гоночной лодки. 38. Минерал, стекловидный камень.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 15

По горизонтали:

4. Лермонтов. 7. Стогометатель. 10. Кедр. 11. Изделие. 12. Неон. 15. Тактика. 19. Арсенал. 21. Баритон. 22. Библиотека. 23. Гипотенуза. 25. Брюллов. 26. Албанка. 27. Базилик. 30. Зима. 32. Раскова. 33. Блок. 34. Удостоверение. 35. Зелинский.

По вертикали:

1. Венгрия. 2. Собеседник. 3. «Портрет». 5. Фтор. 6. Слон. 8. Централизация. 9. Победоносиков. 13. Факсимиле. 14. Бальзамин. 16. Колонок. 17. Баккара. 18. Борисов. 20. Ростова. 24. Клейковина. 28. «Орестея». 29. Камелия. 31. «Аида». 33. Бриг.

Странички прошлого

Музыкальные произведения Ивана Грозного

Известны три музыкальных произведения, принадлежащих перу царя Ивана IV. Это так называемые «стихиры» — церковные песнопения.

Создана Иваном IV и пьеса — тоже вокальное произведение. Она была сочинена в честь митрополита Петра. Иван IV — автор не только мелодии, но и текста. Пьеса записана старинными музыкальными знаками — «крюками». Это буквы славянского алфавита, имеющие особые пометки, которые дают возможность определить высоту звучания и в некоторой степени продолжительность его.

В прошлом веке рукопись пьесы впервые была расшифрована и дана в современной нотной записи знатоком русского хорового пения С. В. Смоленским.

Музыкальное сопровождение пения осуществлялось на смычковом инструменте виоле да гамба. Это предшественник виолончели, формой напоминающий контрабас; размером он несколько меньше виолончели. У виолы да гамба шесть или семь струн, настроенных так же, как у испанской гитары.

Л. НОВИКОВ

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление В. Епанешникова.

А 00650. Подп. к печ. 13/IV 1954 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 650 000. Изд. № 332. Заказ 1022. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Саратовский механический завод. Холодильники, готовые к отправке.

Фото С. Раскина.

Цена номера 3 руб.
1